Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 10

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Гюльшен ТОФИГГЫЗЫ. *Рассказы* 3
Михаил СМИРНОВ. *Рассказы* 20
Амин АЛАЕВ. **Джонни.** *Рассказ* 60
Мирмехти АГАОГЛУ. **Лик имама.** *Рассказ* 95

ПОЭЗИЯ

Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. **Времена года.** *Стихи* 18
Лилия ГАЗИЗОВА. **Турецкий дневник.** *Стихи* 55
Ирэн ТАСАЛОВА. *Стихи* 89
Энар ГАДЖИЕВ. *Стихи* 112

ПУБЛИЦИСТИКА

Аида ФЕЙЗУЛЛАЕВА. **Мировая скорбь Чехова** 11
Лилия ГАЗИЗОВА. **«Петроград пастанеси», или личный опыт турецкой жизни** 50
Геннадий ЛИТВИНЦЕВ. **«Красное колесо» остановилось в Реште** 78
Чингиз ГУСЕЙНОВ. **Карантинные размышления** 88
Геннадий САЛАЕВ. **Король поэтов Игорь Северянин** 101
Ниджат МАМЕДОВ. **В защиту науки** 109
Александр ХАКИМОВ. **Лучшее из лучшего. Белые паруса против черного паруса** 115

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772 – 09 – 41 (для СМС)**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22.09. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

ГЮЛЬШЕН ТОФИГГЫЗЫ

Р А С С К А З Ы

Раскрытая точка

Бабушка часто сидела в своём кривоногом кресле, полуприкрыв веки, подолгу молчала, легонько перебирая пальцами невидимые предметы. Порой казалось, что она просто дремлет. Но то и дело едва приподнимающиеся или опускающиеся уголки губ выдавали её. Наверное, она так молится про себя, думала я. Ну, о чём могут думать старушки?

– Бабуля, тебе чётки принести? – очень тихо спросила я однажды, чтобы проверить, спит она или нет.

– Зачем? – отчётливо спросила она, явно не спросонья. Я немного растерялась.

– Чтобы молиться удобнее … Ну, не знаю… Как вы это делаете…

– Для молитвы не удобства нужны. Душевная потребность есть? Молись… Стало на душе спокойнее, значит дошла молитва по адресу.

– Тётя Фируза тоже целыми днями молится, просит бога о чём-то вечно, – начала было я раскручивать тему. Но бабушка, как всегда, опередила меня, огорошив неожиданным «виражом».

– Тётя Фируза не просит бога, она клянчит! – тихо, но сердито прервала бабушка. – Выклянчи верблюд у бога крылья, разнёс бы все крыши… Да и нужду справлял бы на лету, как все летающие твари.

Умение моей бабушки, необразованной старой женщины, «домысливать» известные и распространенные поговорки вообще могло стать темой какого-нибудь филологического труда.

– Завари-ка лучше чаю и я расскажу тебе про точку… Ты же хотела спросить, почему я подолгу смотрю в одну точку, правда?

– Откуда ты знаешь? – искренне удивилась я её догадливости. – Ты телепат?

– Я человек, проживший долгую жизнь и вырастивший много детей.

– А точка…

– Это не точка, – снова опередила меня бабушка. – Это окно, дверь, ворота. Или экран по-вашему. Я смотрю туда и вижу всё, что было. Иногда даже то, чему не суждено было быть. Там так много интересного! И радостно бывает, и грустно. И даже стыдно порой. Но ты права: для некоторых это всего лишь точка. Никчемная и бессмысленная.

– Знаю, ты о ком. О тёте Фирузе?

– Не только. Таких бестолковых и порожних не счесть. Но это не значит, что тебе можно проявлять неуважительность. Всё-таки она намного старше тебя. Ясно?

– Ясно, – кивнула я с готовностью, потому как поняла: бабушка готова рассказать что-то интересное и полезное. Она взяла в руки сборник сказок Андерсена, который лежал у меня на коленях, полистала, посмотрела красочные иллюстрации. Кажется, ей понравилось. Бабушка остановила взгляд на картинке с чайником, у которого обломился носик и треснула крышка.

– О чём это? – спросила бабушка. Она не умела читать по-русски, не знала кириллицу. Сама, составляя списки необходимых покупок, писала на «аски-алифба», арабскими буквами, по старинке.

– О том, как дорогой фарфоровый чайник потерял ценность. Он разбился и его выбросили в сад.

– И что же дальше?

– Ничего, – пожала я плечами. – Кому нужен расколотый чайник? Вот и вся его «ценность».

– У этого сказочника что-то не сложилось в жизни. Недоволен был своей судьбой, наверное. Хандра одолела. Поэтому и не смог продлить жизнь расколотому чайнику. Представь себе: чайник выброшенный в сад, раскололся на две половинки, да так и валялся в траве. Но пошел дождь и в эти половинки набралось воды. А наутро воробышки пили из них и плескались. Чем не новая жизнь? Грустные сказки ничему не учат.

А ведь бабушка дело говорила! Я в очередной раз была поражена её мудростью и прозорливостью. Досталось великому датскому сказочнику Андерсену от безвестной иранской бабушки: ценность-то чайника могла оказаться не в дорогом фарфоре, а в пользе, которую он сможет принести, пусть даже и в ином качестве!

Со двора доносился словохлёст очередного раунда давнего противостояния тёти Фирузы и её заклятой соседки-недоподруги Армиды Ишмаховны. Споры этих двоих порой стоило слушать с блокнотом и ручкой в руках.

– Это какая, скажи-ка, соседушка, между нами разница? Кичишься попусту, – язвительно прищурив и без того глазки-щёлочки и уперев руки в боки, вопрошала тётя Фируза. – Красотой ли взяла, умом ли, умением каким обошла?

– Нарываешься-таки на ссору, Фирузочка, – отмахивалась свободной от штопального гриба рукой Армида Ишмаховна. – Толкуй, не толкуй, толку не будет. Какая разница между лифчиком-нулёвкой и бюстгальтером шестого размера? Вот примерно такая разница.

– Педарсухте! – злобно выругалась на родном фарси тётя Фируза. Она ушла в дом и как могла громко хлопнула дверью с фанеркой, вставленной вместо невесть когда разбитого верхнего стекла. Фанерка соскочила с потерявшего шляпку ржавого гвоздя. По больному щелкнула Армида Ишмаховна! Тёте Фирузе и нулёвка велика была для того, что даже условно трудно было б грудью назвать.

Почти сразу во дворе показался дядя Нафил с молотком и небольшим гвоздём в руке. Он молча подобрал отскочившую фанерку, водрузил её на прежнее место и закрепил гвоздём – до следующего раза. Шестидесятилетний дядя Нафил, брат Армиды Ишмаховны, делал это частенько. Перепалки его сестры и тёти Фирузы, как правило, завершались хлопаньем двери и отлетевшей фанеркой. Конечно, можно было б однажды и стекло вставить. Но тётя Фируза об этом не просила, а тратиться на стекло и стекольщика для сварливой соседки дяде Нафилу резона не было. Вообще-то его звали Нафанаилом, но длинное и мудрёное имя легче ложилось на язык в таком укороченном и потерявшем содержание варианте. Немногословный и добрый он был человек…

– Как ты думаешь, заменят когда-нибудь стеклом эту фанерку? – спросила бабушка, молча наблюдавшая эту короткую сценку.

– Думаю, нет, – ответила я. – Тётя Фируза на стекло не хочет тратиться. А с фанеркой даже веселее. Сколько раз отвалится, столько раз и приколотит дядя Нафил.

– Да уж, весельчак он, что и говорить, – улыбнулась бабушка. – Закрепи он фанерку двумя гвоздями, хлопай-не хлопай – не отвалится. А так ритуал будет вечен. По сути, это очередной «щелчок по носу» Фирузы.

– И «ценность» фанерки возросла, – подытожила я и спохватилась, опасаясь строгого бабушкиного порицания. Но, к моему удивлению, она даже засмеялась коротко и беззвучно.

– А я об этом и не подумала! Действительно. Ты права. Наблюдательность – замечательное качество, первый шаг к мудрости. Когда-нибудь ты увидишь в «точке» этот день и расскажешь о нём своим внукам. Им будет интересно, как ты думаешь?

– Что же интересного детям космического века в дурацких ссорах соседок?

– Не скажи, не скажи. Человеческие глупость и пороки в любой век дорогу найдут. Им и космос не помеха.

…Ровно 55 лет прошло с того дня. Я и вправду разглядела его в «точке», которая для «душевно незрячих людей» ничего не может значить. Так говорила бабушка. И насчёт сути человеческой она оказалась права: старую дворовую систему с её сплетнями и раздорами, радостями и печалями, правдой и вымыслом вполне успешно заменили соцсети. И даже пресловутый «коронавирус» им не помеха! Что ж тут говорить о «ценности» расколотых чайников и многофункциональных фанерок…

«Золушка»

Как часто мечта оборачивается разочарованием! Думаю, нет человека, который не столкнулся бы с этим. Мечтаешь, думаешь, стремишься, добиваешься и – бац! Оно, оказывается, и не стоило того. Конечно, предусмотреть всего нельзя, и все идет своим чередом. Но увидев недавно растерянность в глазах своей семилетней внучки и узнав причину её опечаленности, я вспомнила вдруг тот день, когда сама испытала первое в жизни разочарование. Давняя это история, давняя-предавняя.

Детей старшей группы детского сада несколько раз в год водили в ТЮЗ на «серьезные» постановки. «Малышей» (!) больше радовали спектакли в кукольном театре. Но мы-то уже взрослые, почти первоклашки! Самым любимым спектаклем девочек была «Золушка». До чего же заманчиво преображение бедной падчерицы в прекрасную невесту принца! Сюжет сюжетом, но самое волнующее происходило в зале, когда из дальнего входа появлялась ОНА, раскрасавица в неописуемо чудесном платье, вся в блестках, с букетом роз в руках. Она неспеша проходила через весь зал, поднималась по боковым ступенькам на сцену, подавала руку принцу и с чарующей улыбкой оборачивалась к переполненному детворой залу, кланяясь нам, затаившим дыхание, восхищенным и взволнованным. Как же мне хотелось прикоснуться к ее королевскому наряду! Но, к сожалению, мое место всегда оказывалось ближе к середине ряда, а пересаживаться самостоятельно было нельзя. Однажды, в канун очередного похода на «Золушку», я набралась храбрости и попросила воспитательницу, Татьяну Николаевну, разрешить мне сесть возле нее, с краю.

– Хорошо, детка, – улыбнулась воспитательница. Забегая вперед, скажу, что Татьяна Николаевна и моих детей воспитала, и старших внуков на руках подержать успела. – Только не вскакивай с места, когда Золушку к принцу поведут.

О, Счастье! Вот она, вожделенная мечта всех девочек во все времена, идёт к сцене, прижав к груди букет и поддерживая кружевную юбку другой рукой, чуть приподняв бело-розовый подол. В какой-то миг мне показалось, что гремевшее бубном в груди сердце выскочит и полетит вслед за ней, когда ОНА будет проходить мимо меня. Она всё ближе!.. Можно вытянуть руку и дотронуться до свадебного наряда, так много раз искушавшего воображение волшебством сказки. Я уже готова была это сделать, но тут мой взгляд упал на приподнятый подол, из-под которого – о, ужас! – виднелся сбитый носок и след от оторванной пряжки старых босоножек. Сами застиранные и плохо проглаженные кружева были будто наспех пришиты вручную ниткой коричневого цвета. Этой же ниткой был прилажен небольшой отрезанный лоскуток у подола. Потускневшая серебристо-синяя чешуйка, отлепившись от юбки, медленно осела на старую, стершуюся красную дорожку. Рядом валялся белый бумажный лепесток из «свадебного» букета.

Отчего-то полный восторженных ребятишек зал уплыл в пустоту, окружающие краски потускнели, звуки стали доноситься словно издалека. Счастливый сказочный мир рухнул… Пучина реальности поглотила его. Сердце перестало колотиться. Оно вообще куда-то подевалось. Хотелось плакать. Я с трудом сдерживала слезы. Но они предательски наполняли нижние веки.

– Что с тобой? – обеспокоенно прикоснулась к моей щеке Татьяна Николаевна. – Тебе нехорошо? Нужно выйти?

– Нет, – беззвучно ответила я одними губами. И тут противные ручейки потекли по щекам. Татьяна Николаевна вытерла их своим чистым платочком, пахнущим клубникой. Она все поняла.

– Не огорчайся, – тихо и участливо произнесла воспитательница. – Это всего лишь театральное представление. В жизни таких разочарований куда больше. Уж поверь мне.

В шесть лет я бы и не произнесла этого слова – «ра-зо-ча-ро-ва-ние»…

Шутки шутками …

Плоские, неуместные шутки краснолицего Амбуча давно уже никого из обитателей городского двора-колодца не раздражали. Их попросту пропускали мимо ушей. Исключение составляла немолодая (давно как немолодая) Гюльзар, которую он называл не иначе как «Гюрза». Красное, словно лишенное кожи лицо Амбуча расползалось в кривозубой улыбке, стоило женщине выйти во двор с пакетом мусора или ведром помоев.

– Ай, Гюрза, нельзя быть такой расточительной. Ты уверена, что там не осталось ничего съестного? – указывал он волосатым пальцем на предназначенное для мусорных баков. – Одинокой женщине сто раз нужно проверить, прежде чем выбросить. Того и гляди, вместе с очистками счастье свое выбросишь. Очистки, опять же, сварить можно. Процеди, посоли, поперчи, сухариков накроши – вот тебе и супец.

– Что такая унылая ходишь? – не унимался краснорожий Амбуч, дразня несчастную соседку постоянным грубым напоминанием о ее несложившейся личной жизни. – Пригласи на чай, я тебя развеселю. А что, чем я тебе не пара? С какой стороны ни глянь, соответствую. И рожей, и кожей, и статью пригожей.

Похожее на паленую баранью голову лицо «Гюрзы» с блеклыми глазами в окружении белесых ресниц и витилиго перекашивало от бессильной злобы. Бедняга прекрасно знала, что с такой внешней непривлекательностью даже мурenоподобный Амбуч в женихах – что рак на безрыбье. Но вступать с грубияном в перепалку она и не помышляла. Ее бы воля, разнесла б своим ведром багровую лысину соседа. И как ей удавалось до сих пор не сделать этого?! Последний десяток лет поводов Амбуч давал немеряно. Иногда урезонивать его пытался сосед, дедушка Иса.

– Оставь женщину в покое, бесстыдник. Что тебе до нее? Куражишься, как злой дух, – тихо, чтоб не услышала Гюльзар, говорил он. Но нарываться на нелепые шутки и крякающий смех Амбуча и ему не хотелось. Дедушка Иса качал головой и прикрывал окошко.

– Вот и закончились твои рыцари-заступники, рыбонька моя молчаливая, – торжествовал Амбуч. – Видишь, некому за тебя постоять. Дело говорю, пригласи на чай. Посидим, поболтаем. Глядишь, сватов к тебе зашлю. Парочка из нас получится что надо – хоть на обложку журнала! Седьмой десяток разменяла, а артачишься как гимназисточка.

Дошутился-таки однажды Амбуч. Слух пошел по двору, что достал он бедолагу Гюльзар своими приставаниями. А она, видишь ли, оскорбилась не на шутку, в деревню, к родственникам решила уехать. Что ей старость одинокую в городе коротать? Одной себе готовить, одну себя обстирывать, в одиночестве перед телевизором сидеть, вязать-перевязывать, распускать и вязать заново один и тот же жакет…

Готовясь к отъезду, отправилась Гюльзар за покупками и подарками для деревенских родственников. Соседи видели ее выходящей со двора, но до позднего вечера она не возвращалась. Дедушка Иса волноваться начал.

– Куда это Гюльзар запропастилась? Как с утра ушла, так и запропастилась.

Эй, Амбуч, не видел ее? – старик с удивлением осмотрелся. Амбуча во дворе не было. – А этого шумера куда унесло? Я-то думаю, что так тихо во дворе? Рамал, сынок, постучи-ка к дяде Амбучу, не захворал ли.

Тут и случилось то, от чего у соседей дух перехватило и рты пораззявились: поддерживая под локоток застенчиво опустившую рыбьи глаза «Гюрзу», показался и Амбуч, напустивший на лицо серьезности, осанке – важности, походке – твердости.

– Вот, еле отговорил! Не поедет она в деревню. Ну, вроде как согласна, – ответил он на вопрошающий взгляд дедушки Исы. – Женимся мы, короче… Вот, это, как бы … Пару часов как заявление в ЗАГСе оставили. И чтоб никто ни слова женушке моей отныне того… А если что, со мной дело иметь будет! Распишемся и заживем, что твои голубки. Мы и новый спальный гарнитур приглядели. Вот как съедемся, обзавидуетесь все тут. Верно говорю, красавица моя? Завтра кольца покупать пойдем.

От этих слов Амбуча бесцветное лицо и шея новоиспеченной невесты пошли пятнами стыдливости и волнения.

– Кто же, кроме тебя самого, допекал ее глупыми…шутками? – с облегчением выдохнул дедушка Иса. – Вот и славно, вот и ладно. Будьте счастливы, совет вам да любовь! …Надо же, десять лет на чай напрашивался, а она ни в какую! А тут вдруг, на тебе: женимся! – уже полушепотом подытожил старик. – Хороша парочка, нечего сказать.

Горе луковое

Они давно узнали друг друга, но оба не подавали виду. Неловко было. С тех пор, как умер отец, Эмин бывал здесь, на кладбище, каждую неделю. Уже полгода прошло, как не стало отца, но не унимается боль, никак не унимается… Наоборот, окатив волной юношеских воспоминаний и необъяснимого чувства незавершённости чего-то очень важного, боль с новой силой впивалась в сердце. Почему он здесь, этот человек? Почему именно сейчас?

– Ну, здравствуй, Эмин, – пожилой мужчина всё же подошел сам. Он опустился на скамейку рядом с Эмином, отложив в сторону лопату, которой только что вскапывал землю вокруг недавно посаженных декоративных кустов, и принялся растирать левое колено. Старик кивнул в сторону богатого чёрного надгробия отца Эмина и, участливо выразив соболезнование, хотел было протянуть руку для приветствия, но не отважился. – Ты на него похож. Вижу, фамилия одна, лицом один в один. Я вас, пострелов, всех помню. Почти всех. За малым исключением, может быть. Неуместны тут эти слова, но я рад за тебя. Похоже, удалась жизнь.

– Вы извините, Мадарик Акуанович, я не решался, думал, обознался, – Эмин протянул руку для рукопожатия. – Сколько лет прошло, сколько лет!

Эмин смотрел на заросшее седой щетиной лицо своего бывшего учителя географии, вглядывался в угасшие, когда-то искрившиеся топазами голубые глаза, тщетно надеясь уловить в них абы какую кроху удовлетворённости. Понял-таки: глупо искать то, что невозможно увидеть в глазах старика, прибирающего кладбищенские участки…

– «Материк Океанович»! – хлопнул по коленям старый учитель и заулыбался. – Помнишь? Такое у меня было прозвище? Ах вы, черти!

– Вы знали?

– Конечно! И физичка знала, и историчка, и другие. Все мы свои прозвища знали. Ничего удивительного, всегда так было.

– Я помню, у вас роман был с физичкой. Мы так и не поняли, почему вы не поженились. Она красивая была. И добрая.

– Да… – задумчиво произнёс бывший учитель географии. Он снова погрустнел. – Такая глупость была с моей стороны…Не поверишь, причин и не было. Это я, дурак, учудил. Она меня в гости пригласила, наготовила всякого. Старалась, бедняжка. Я цветы ей вручил, хотел ручку поцеловать, пальчики её наманикюренные к губам под-

нёс… А от них луком пахло. Я виду не подал, но в голове что-то перещёлкнуло. Так и не смог преодолеть дурацкое чувство брезгливости. Ушёл тогда очень скоро, под каким-то нелепым предлогом, даже не поел ничего. Эстет-идиот. Горе луковое! Видел её недавно во сне. Будто пожар, горит всё вокруг. Тут она из огня выходит, чумазая, вся в копоти, книжку какую-то к груди прижимает. Протягивает книжку мне: вот, говорит, только эту спасла, все книги сгорели, все-все! Я книжку из её рук беру – «Сказки народов мира». Открываю где-то посередине, читаю первую строчку: «…а высоко-высоко в горах жил одинокий охотник по имени…» К чему бы?

– Не узнать вас, Мадарик Акуанович, – улыбнулся Эмин. Вспомнились «живые уроки» влюблённого в свою профессию учителя географии, возившего ребят за город, чтоб продемонстрировать им наглядно холмы, уснувшие грязевые вулканы, затвердевшие плато, бывшие когда-то морским дном. С каким азартом, вдохновением, блеском в глазах рассказывал обо всём этом учитель! – Неужели и вы повелись на всякое такое? Наш любимый географ, слуга науки, оптимист, мечтатель, верит в сны, приметы и всякое такое?

– Какое такое?

– Ну, как сказать-то … Вредоносное, ненаучное, что ли.

– Ошибаешься. Я по-прежнему верю исключительно в науку. Просто есть многие вещи, которых она пока объяснить не может. Или не хочет. Склонен думать, что именно не хочет… Смотри-ка, божьи коровки проснулись! – старик осторожно снял с рукава букашку, кроваво-красной капелькой сверкнувшую на потёртой ткани. Букашка проползла через ладонь на тыльную сторону, взобралась на кончик указательного пальца, раскинула надкрылки, выпростала слипшиеся чёрные крылышки и улетела. Мужчина проводил её взглядом. – Учёность и мудрость – не одно и то же. А физичка… Физичка за соседа своего, фальшивого немца, в девяностых замуж вышла и в Германию уехала на ПМЖ.

– Почему «за фальшивого»?

– Михаил Михалыч его звали, Эрде. Я его земляка знавал. Тот рассказывал, что предка «немца» звали Роман Дрюкин. Бондарем астраханским был. На бочках своих клеймо выжигал с инициалами «Р.Д.» А потом трансформировался в Эрде. Так и пошло в документах, позже и сыновья сыновей стали «немцами» в пятой графе записываться. А то, что предок в войну был за Урал сослан, даже пригодилось. За Мирославу я, конечно, рад. Мыкалась бы сейчас тут со мной. Уж лучше коротать безбедную старость с «фальшивым немцем», чем с неудачником-рутулом. Кстати, знаешь, что такое рутул?

– Ваша фамилия.

– Фамилия. Конечно. Рутулы – горцы, очень малочисленная народность. «Там, высоко-высоко в горах, где жил одинокий охотник»… Мне такую фамилию в детском доме дали. Я ведь подкидыш. Нас в детдоме тринадцать мальчиков было, и у всех фамилия Рутул. Директор рутулом был. Суровый такой дядька. Но душой за ребятишек очень болел. После войны нас, бастардят, много народилось. Ты извини, заболтался невпопад. Редко с кем поговорить приходится. Народ-то здесь, – старик обвёл взглядом надгробия, – поговорить не расположен. Живому человеку собеседник нужен. А старому человеку одиночество хуже смерти.

– Иногда и в окружении множества людей бываешь одиноким. Как мне отца не хватает! Снуют вокруг тебя туда-сюда, туда-сюда. А всё равно одиноко. Застрял в суете, как вермишель в дуршлаге: дыр много, а не выбраться.

– Здорово сказал! – заулыбался старый учитель. – Вот и к тебе мудрость пришла.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, Мадарик Акуанович? – Эмин немного смутил старика вопросом.

– Ты деньги имеешь в виду? – немного помешкав, спросил он. – Нет, спасибо, мне хватает. Что старому, одинокому человеку нужно? Я, даже уходя, дверь на ключ

не запираю. Замок давно поломался. Дома кроме книг, карт да старого глобуса иного имущества нет. Да мне и не надо. Правда, от телевизора не отказался бы. Мой уже и в ремонт не берут, смеются.

– Адрес дайте, я сегодня вечером завезу. Или пришлю.

– Адрес тот же, в третьем микрорайоне живу. Забыл? Вы же ко мне навещать приходили, когда ногу сломал.

– Могу не найти сразу. Диктуйте адрес. – Эмин достал ручку и блокнот из нагрудного кармана, протянул визитку старику. – Здесь мои координаты.

Они распрощались. Эмин отправился на серьёзную деловую встречу – планировать будущее. Старый учитель вернулся расчищать от сорняков кладбищенские участки. Для него будущее давным-давно стало прошлым, с которым они оба сегодня удивительным образом встретились ненадолго.

Бостанщик

Почти каждое утро, крепко сжимая в ладошке монетки, мы бежали по рыхлому, ещё не просохшему от ночной влаги песочку к старому бостанщику за свежими помидорами и баклажанами. Надо было спешить, ведь не пройдет и часа, как раскалившийся от зноя песок начнет жечь наши голые пятки, и тогда тащить до собственного дачного участка плетёнку с овощами станет намного труднее. Забор вокруг участка бостанщика был условный, всего лишь сложенные в четыре ряда потемневшие и изъеденные ветрами куски песчаника, ничем не скреплённые между собой. Поэтому, уже издалека увидев нас, старик приветливо махал рукой и спешил к своим грядкам с дырявым ведром и кривым огородным ножом. Пока он срезал и собирал в ведро толстенькие, сверкающие, словно отполированные, баклажаны, тугие, алые помидоры и цветные перцы, мы устраивали охоту на кузнечиков или присыпали песком навозных жуков, с интересом наблюдая за их усилиями поскорее выбраться и удрать от своих мучителей.

Рассчитавшись с бостанщиком и переложив в плетёнку овощи, мы, пожелав старику здоровья – так бабушка наказывала! – бежали обратно. А бостанщик шёл к своему дому, ставил виды видавший, примятый по бокам самовар и садился на камышовую циновку у побеленной стены своего жилища. Именно жилища, да, так вернее. Потому что домишко бостанщика прежде был отсеком, стойлом некогда просторных, добротных конюшен сбежавшего и сгинувшего неведомо где в начале двадцатых годов прошлого века хозяина, Сары-бека Кербалаева. Конюшни были порушены, остатки строений давно пришли в негодность. Одинокий бостанщик появился здесь в войну, в начале сороковых, да так и осел в унылом, малообжитом местечке. Он выпросил у местных властей бывшее стойло и небольшой закуток при нём.

В сельсовете ничего против не имели и даже выделили ему в придачу участок в 20 соток под огород – пара крепких ещё мужских рук не мешали на земле.

Утрамбованый земляной пол жилища бостанщика был застлан хасирами и ветхими паласами. В углу – сложенные до вечера ватные матрасы и одеяла, короб с утварью, керосиновая лампа, примус и буржуйка – вот и весь домашний скарб бостанщика. Огородный инвентарь он хранил в деревянной сарайке. Тут же ведро чистой воды из колодца и аккуратно собранная у стены всякая древесная щепа. Одинокому старому человеку много ли надо?.. Соседи, путь которых пролегал мимо его участка, тоже делились, чем могли. Кто табаку пачку подарит, кто хлебец с куском овечьего сыра. Женщины баночки с инжирным вареньем посылали, получая взамен некрупные, но очень сладкие тыковки. А когда стала налаживаться послевоенная жизнь, люди начали возвращаться в отдалённые дачные посёлки с кучей ребятишек на лето, поближе к морю. Тут-то бостанщик всем кстати пришёлся. За сущие даже по тем временам гроши такие овощи продавал дачникам!

Абшеронская прикаспийская полупустыня 60-ых годов двадцатого века сохранилась в памяти не только знойными песками, сухими колючими кустарниками и неожиданными вкраплениями в виде белых песчаных лилий и каких-то жёлто-розовых губчатых то ли мхов, то ли лишайников. Ярко-зелёный огород старого бостанщика с его покрытыми утренней росой чудесными овощами тоже остался контрастным пятном, словно цветная почтовая марка на поблёкшем от времени конверте детских воспоминаний.

У нашей семьи вскоре появился свой собственный дачный участок на противоположной стороне полуострова. Мы съехали с дедушкиной дачи и очень скоро перестали по ней скучать. Дети любят перемены и переживают их с легкостью.

Я вспомнила старика-огородника почти полвека спустя, когда была приглашена в гости в те места, где он жил. Удивительную историю рассказал мне хозяин дома, девяностолетний дедушка Самед.

– Уж не о том ли беспалом бостанщике ты говоришь? – оживился дед Самед, внуки которого снисходительно слушали его «всякую всячину», не веря ни единому слову. – Вот! А эти бандерлоги не хотели и слушать. Думали, врёт дед. А дед вам не википедия какая-нибудь, чтобы врать через слово! Я же вам говорил, что на месте Сабировой виллы раньше конюшни Сары-бека стояли. А после пришлый бостанщик на пустыре огород развел, сам в полуразрушенном стойле обустроился. Долго жил, не мешал никому, овощами с огорода торговал. Нелюдимый был. А в 70-ом году объявился тут сын бывшего Сарыбековского конюха. Пришёл он к бостанщику на места своей юности посмотреть, да и признал в огороднике самого Сары-бека. По левой руке признал. Сары-беку в молодости строптивая лошадь два пальца на левой руке откусила, половину безымянного и мизинца. Гость бостанщику ничего не сказал, а властям кое-чего рассказал и своими опасениями поделился. Но бостанщик и сам догадался. Пропал куда-то сразу. Участок его оцепили, милиция что-то в рупор кричала. Сдавайся, мол. Местные понять не могли, отчего столько внимания немощному старику. Многие из «бывших» вполне себе приспособились к новым реалиям, жили спокойно, перевернув страницы прошлого. Сары-бек, короче, на призывы не откликался. Халупяшку его осадили, дверь выбили, а там пусто. Но паласы и хасиры были свёрнуты. На земляном полу деревянная крышка. Открыли её, тяжеленная, и даже сейчас конским навозом пахла. Покричали в подпол, пошумели – оттуда ни звука. Спустились, фонарями посветили.

Старинные, видят, деревянные, железом обитые ящики друг на дружку сложены. На полу черкеска чёрная, серебром потемневшим обшитая, на ней старик-бостанщик, Сары-бек то есть, пряменько лежит, в груди кинжал по рукоятку торчит. Под голову бек бекскую каракулевую папаху положил, в ногах сапоги почищенные. Интересные такие, носки кверху загнутые и со шпорами. Рядом сабля лежит и карабин. Говорят, милиционеры невольно фуражки поснимали. В ящиках, говорят, оружия всякого полно было. Теперь такое только для музеев и сгодилось бы. Но оно, оружие-то, хоть и старое, действующее, говорят, было. Кого ждал бек, на что надеялся? Сыновья-то его без вести сгинули. Может, их ждал. А может, и не ждал уже никого. Даже смерти не дождался, сам к ней пришёл…

Я слушала и думала, как удивительно иной раз наслаиваются друг на друга суровые, трагические события и бытовая рутина. Как всё в жизни перемешано, сложно и не всегда понятно. Даже представить трудно, какие страсти десятилетиями кипели в душе тихого бостанщика – потомственного аристократа.

Вот ведь как затейливо переплелись счастливые детские воспоминания маленькой дачницы с печальной судьбой бека-бостанщика.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ – 160

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

МИРОВАЯ СКОРБЬ ЧЕХОВА

Литературная деятельность А.П.Чехова (1860-1904) – единое целое, проникнутое одним общим мировоззрением, требует глубокого изучения художественно-философского мышления писателя-новатора, создателя нового вида литературы – маленького рассказа, нового по содержанию и форме.

Ранняя художественная зрелость далась писателю ценою упорного труда, что, возможно, и предопределило новизну его творчества. Чеховские герои всегда раскрываются в самом действии, в поступках, мыслях и чувствах, непосредственно связанных с действием. Особенности стиля и художественного мастерства Чехова замечательно проявляются и в его пейзаже. Чеховские пейзажи отличаются глубиной лирического подводного течения, в особенности в его пьесах. Любая роль в спектакле, даже состоящая всего из нескольких слов, должна являться полноценным художественным образом со своим «подводным течением».

– Какие красивые деревья, и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь! («Три сестры»).

В его рассказах появляется всё больше богатство жизненных красок, в них уже чувствуется глубокая трагическая тема.

«Почтеннейшая публика, читая «Дочь Альбиона», – писал Горький, – смеётся и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее издевательство сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, искренне человеческого сердца… Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденности».

В маленьких рассказах Чехова преобладает диалог, как средство характеристики его персонажей.

Рассказ «Злоумышленник», который Л.Н.Толстой отнёс к лучшим рассказам Чехова, построен на уникальном диалоге судебного следователя и маленького, тощего мужичонка Дениса Григорьева, не понявшего до конца, за что его судят и приговаривают к тюремному заключению. Как пишет М.Горький, «Толстой любил Антона Павловича и как человека, милой любовью отца, любил его и как литератора, часто сравнивая с Мопассаном, восхищаясь изящной правдою приёмов его письма и ставя в пример молодым литераторам такие превосходные и глубокие вещи Чехова, каковы: «Тиф», «Душечка», «Припадок», «Злоумышленник», «Дуэль» и ещё многие другие (в общей сложности 30 рассказов)».

Прообразом Дениса Григорьева – яркого и непревзойдённого чеховского персонажа с индивидуальным мужицким говором, послужил крестьянин Никита Пантюхин из подмосковной деревни Красково, которому А.П. старался объяснить, что отвинчивать гайки на рельсах нельзя, что от этого может произойти крушение, но Никите это было совершенно непонятно. В него вошли подлинные выражения Никиты, занесённые Чеховым в свою знаменитую записную книжку.

Глубокие и основные проблемы человеческой жизни и духа, господствующие в русской литературе в творениях двух титанов Толстого и Достоевского, не могли не отразиться на мировоззрении Чехова, явившегося достойным выразителем их лучших традиций. Многое роднит его с обоими её корифеями, и после них он является

писателем наибольшего философского значения. Чехов как бы замыкает своим творчеством могучий треугольник художественно-философских жизнеутверждающих идей общечеловеческой значимости.

Общечеловеческий философский вопрос, дающий главное содержание творчеству Чехова, есть вопрос о нравственной слабости, бессилии добра в душе среднего человека, в результате чего он сваливается без борьбы, душевная лень и едкая пошлость затмевают и искореняют лучшие порывы и заветные мечты, и тогда идеальные стремления не поднимают, а только заставляют бессильно страдать человека и создают этих хмурых, нудных людей, Ивановых, Астровых, Тузенбахов, Ионычей, Лаевских…

В «Рассказе неизвестного человека» герой-рассказчик, размышляя над трагической участью своего поколения, пишет:

«Отчего мы утомились? Отчего мы, вначале такие страстные, смелые, благородные, верующие, к 30-35 годам становимся уже полными банкротами? Отчего один гаснет в чахотке, другой пускает пулю в лоб, третий ищет забвения в водке, картах, четвёртый, чтобы заглушить страх и тоску, цинически топчет ногами портрет своей чистой, прекрасной молодости? Отчего мы, упавши раз, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищем другого? Отчего?

Что, если бы чудом настоящее оказалось сном, страшным кошмаром, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своею правдой?..»

«Что в моём прошлом не порок?» – задаётся риторическим вопросом Лаевский накануне дуэли в своём внутреннем монологе-покаянии, *«стараясь уцепиться за какое-нибудь светлое воспоминание, как падающий в пропасть цепляется за кусты»* и его пронизывает невидимое, призрачное очищение души: *«Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность – трудом, скуку – радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял её, нашёл бы бога и справедливость…»* («Дуэль»).

И в примечательном финале рассказа после перемирия противников на дуэли Лаевский, с тоскою глядя на беспокойное тёмное море, думает о том, что *«лодку бросает назад, делает она два шага вперёд и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неутомимо вёслами и не боятся высоких волн.*

Лодка идёт всё вперёд, вот уж её и не видно, а пройдёт с полчаса, и гребцы ясно увидят пароходные огни, а через час будут уже у пароходного трапа. Так и в жизни… В поисках за правдой люди делают два шага вперёд, шаг назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперёд и вперёд. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды…».

Духовный мир людей, охваченных поисками правды жизни и переживающих муки этого искания, прослеживаются во многих произведениях Чехова, среди которых определённого внимания заслуживает рассказ «Скучная история» (Из записок старого человека), в котором раскрываются душевная драма, история религиозного банкротства живой и благородной человеческой души знаменитого учёного с европейским именем, преданного науке до самозабвения, страстно верящего в её всемогущество и считающего её «высшим проявлением любви».

Однако этот благороднейший человек, с трогательной скромностью и простосердечием рассказывающий о своих слабостях и о не покидающем его страхе перед смертью, неожиданно для себя делает открытие, заключающееся в том, что во всех его мрачных мыслях, желании жить, в стремлении познать себя, в чувствах и понятиях нет чего-то общего, что связывало бы их в одно целое.

«Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей или богом живого человека».

В этих искренних признаниях старого человека скрыто характерное для Чехова подтекстовое прочтение, заключающееся в том, что нельзя ограничиваться путём, ведущим к смерти и впадать в пессимизм, а следует избрать светлый путь, ведущий к солнцу, и предаться благим мечтам, могущим не только отвлечь человека от мрачных мыслей, но и помочь ему в уяснении цели и смысла жизни.

Размышляя о русской интеллигенции, Чехов писал: «Я так понимаю, что вера есть способность духа. Она всё равно, что талант, с нею надо родиться» («На пути»).

«Призвание всего человечества, – говорит Чехов устами художника в «Доме с мезонином», – *в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни… удовлетворить его могут только религия, науки, искусства… они ищут правды, смысла жизни, ищут Бога, душу»*.

Наряду с людьми, обессилевшими и потерявшими своего бога, Чехов изображает галерею «серых» людей, у которых в душе нет отчётливого сознания добра и зла, ставит проблему посредственности, умственной и нравственной ограниченности, духовного мещанства, омрачающих жизнь, делающих её скучной и постылой.

«Во всём уезде только два порядочных человека: ты да я, – говорит доктор Астров дяде Ване. – *Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как «все»*.

«Зачем эта ваша жизнь, – говорит отцу-архитектору герой «Моей жизни», – *которую вы считаете обязательною и для нас, – зачем она так скучна, так бездарна, зачем ни в одном их этих домов, которые вы строите вот уже тридцать лет, нет людей, у которых я мог поучиться, как жить, чтобы не быть виноватым? Во всём городе ни одного честного человека! Эти ваши дома – проклятые гнёзда, в которых сживают со света матерей, дочерей, мучают детей…*

Город наш существует уже сотни лет, и за всё время он не дал родине ни одного полезного человека, ни одного! Вы душили в зародыше всё мало-мальски живое и яркое! Город лавочников, трактирщиков, канцеляристов, ханжей, ненужный, бесполезный город, о котором не пожалела бы ни одна душа, если бы он провалился сквозь землю!»

Своеобразна и неповторима художественная манера письма Чехова, не равнодушного и холодного созерцателя жизни, а мыслителя, сердце которого болит и любит, скорбит и страдает, переживает за нравственное убожество и бессилие, слабость человека. Поразительны деликатность, мягкость и снисходительность, с которой Чехов относится к своим действующим лицам. И хотя они конкретны и отражают в себе особенности данной исторической обстановки – русской жизни конца 80-х годов, однако выходят за рамки национальных типов и приобретают общечеловеческую значимость, а боль писателя за них возвышается до мировой скорби. Чехов ставит под сомнение «доброкачественность средней человеческой души», выдвигает философские идеи добротворчества, проявляет тонкое понимание религиозной психологии.

Реакционная и буржуазная критика, произвольно истолковывая смысл большинства произведений Чехова, обвиняла писателя в бесстрастности, в отсутствии мировоззрения, в пессимизме.

«Его упрекали в отсутствии миросозерцания. Нелепый упрёк! У Чехова есть нечто большее, чем миросозерцание, – он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше её. Он освещает её скуку, её нелепости, её стремления, весь её хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддается определению – быть может, потому, что высока, – но она всегда чувствовалась в его рассказах и всё ярче пробивается в них», – писал Горький.

Горький особенно подчеркнул оптимистический характер творчества Чехова: «Каждый новый рассказ Чехова всё усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас

ноту – ноту бодрости и любви к жизни… В новом рассказе (имеется в виду рассказ «В овраге» – **А. Ф.**), трагическом, мрачном до ужаса, эта нота звучит сильнее, чем раньше, и будит в душе радость и за нас, и за него, трубадура «хмурой» действительности».

Чехов мечтал о научно обоснованной, конкретной программе действий. И с горечью он сознавал, что не может в своём творчестве указать читателю ясные пути, ведущие к счастью, свободе, к новой жизни.

В эпоху «малых дел», отсутствия идеалов у интеллигенции Чехов искал то, к чему всегда стремились русские демократические писатели, – возможность подвига. Именно это стремление, желание быть полезным народу, родине побудили его поехать на Сахалин (1890), этот остров ужасов, место каторги и ссылки, где царское правительство сосредоточило все возможные виды человеческого унижения и страдания.

Поездка на Сахалин была стремлением писателя выйти из идейного кризиса, мучившего его на рубеже 80-90-х годов. Он много перестрадал на Сахалине, его долго преследовали кошмары воспоминаний о мучениях людей на острове.

Творческим итогом поездки на Сахалин стала книга о Сахалине и «Палата №6» – произведения, проникнутого новым для чеховского творчества мотивом прямого, открытого протеста против тирании, гнёта, произвола. Чехов ударил своим молотом не только по самодержавию, но и нанёс «Палатой №6» неотразимый удар и по всем видам и формам интеллигентского «прекраснодушия» и отказа от борьбы. Та правда, которую раскрыл автор «Палаты №6», была трагической для него самого, пока не видящего выхода из тюрьмы, однако уже понявшего, что насилию нужно противопоставить не вспышки отчаяния и бессильного протеста, а борьбу.

Предчувствие великого обновления жизни никогда не покидало Чехова. Независимый и свободолюбивый, он всегда придерживался активной жизненной позиции. Ещё будучи студентом-медиком, Чехов – великий труженик – стал сотрудничать в юмористических журналах, совмещал серьёзное учение с повседневной работой в журналах. И в дальнейшем он работал с большим усердием, не покладая рук.

В начале 1892 года Антон Павлович купил имение Мелихово недалеко от Москвы, в Серпуховском уезде.

Мелихово было мелкопоместной усадьбой, запущенной прежними владельцами. Семья Чеховых – люди, привыкшие к упорному труду, быстро привели усадьбу в порядок и даже придали ей нарядный вид. Низенький деревянный дом с верандой и цветником в глубине старинной рощи, миниатюрное поэтическое озеро, на высоких деревьях по дороге к дому – скворечники с надписью: «Братья Скворцовы», безупречная чистота повсюду. От всего стиля жизни Чеховых в Мелихове веяло изяществом, чистотой, трудом.

Антон Павлович работал с раннего утра до позднего вечера. Много времени отнимали у него и крестьянские дела. С самого утра стекались к дому Чеховых крестьяне за врачебной помощью. Чехов жил всею жизнью деревни. Он вёл большую общественную работу как гласный земства, был попечителем сельского училища, строителем школ на свои скромные средства, организатором и участником борьбы с холерой. Был избран в земские гласные.

Михаил Павлович (брат писателя) рассказывает, что Чехов «охотно посещал земские собрания и участвовал в рассмотрении многих земских вопросов. Но наибольшее внимание его обращали на себя народное здравоохранение и народное просвещение… Он живо интересовался тем, какие намечены к постройке новые дороги, какие предложено открыть новые больницы и школы. Сам составил для них планы, сам покупал материал и сам следил за их постройкой. Эти школы были его детищем. Когда он говорил о них, то глаза его зажигались, и видно было, что если бы ему позволили средства, то он выстроил бы их не три, а множество».

В художественном отношении Мелихово дало Чехову очень много, обогатив его новым знанием жизни. В середине 90-х годов Чехов достигает вершин художественного мастерства в области драматургии.

Итогом его многолетних размышлений о сущности мастерства художника явилась пьеса «Чайка», где ставится тема искусства и подвига.

Героиня пьесы Нина Заречная – талантливая молодая девушка, мечтает стать знаменитой актрисой. Искусство кажется ей лучезарным путём к славе.

Однако ценою тяжёлых жертв и препятствий на своём жизненном пути она приходит к той истине, что *«в нашем деле – всё равно, играем мы на сцене или пишем, – главное не слава, не блеск, не то, о чём я мечтала, а уменье терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своём призвании, то не боюсь жизни»*.

На протяжении всей пьесы прослеживается весь скорбный и всё же радостный путь побеждающего художника. Так, сквозь весь мрак жизни, преодолённый героиней, мы различаем лейтмотив «Чайки» – тему полёта, тему победы.

Этот свет победы Нины и поразил Треплёва. Он осознаёт своё бессилие и бессмысленность жизни. Он ничего не может сделать со своим талантом, потому что нет у него ни цели, ни веры, ни знания, ни смелости, ни сил. Главная беда Треплёва в том, что у него нет высоких целей, которые могли бы вдохновить его талант. Нет идейной цели, ясного мировоззрения и у Тригорина. В отношениях, сложившихся у Треплёва и Тригорина с Ниной Заречной, проявляются их характеры, их человеческая и творческая ценность, их слабости. Страдания Тригорина – опытного мастера более глубоки, чем страдания Треплёва, он ищет новые художественные формы, но не думает о великих целях, без которых и поиски новых форм являются бесплодными.

Чеховские пьесы наполнены внутренним действием, внутренним драматизмом. Чехов умеет дать ясный, художественно обобщённый образ той социальной действительности, в которой живут герои его пьес.

Это глубокое внутреннее действие пьес Чехова тогдашний театр не мог ещё почувствовать и передать.

«Катастрофически отозвался на здоровье Антона Павловича провал «Чайки». В 1896 году пьеса была поставлена на сцене петербургского Александринского театра. С этого момента его болезнь значительно обострилась, – свидетельствует М.П.Чехов. – На весь оставшийся ему срок жизни он переходит на положение тяжело больного. И весь последний период его жизни – все восемь лет – окрашен трагическим противоречием между душевным и физическим самочувствием Антона Павловича: всё больше сказывался подъём в его идейном, общественном, художественном самосознании, в его чувстве жизни, в его творчестве, и всё быстрее шёл роковой ход болезни. Врачи предписали ему изменить образ жизни, отказаться от напряжённой работы, поехать на Ривьеру, в Ниццу. Здесь, на юге Франции, он прожил с осени 1897 года до весны 1898 года».

Желание Чехова работать для сцены не покидало его и сильно способствовало настроению подъёма, которое всё глубже охватывало писателя.

Вскоре состоялась близость Чехова с новым театром, начавшаяся с того, что театр решился реабилитировать провалившуюся «Чайку».

В сентябре 1898 года, на репетиции «Чайки», Чехов познакомился со своей будущей женой, талантливой актрисой Художественного театра О.Л. Книппер.

Чехову предстояло покинуть Москву и Мелихово. Врачи решительно требовали переселения Антона Павловича на юг, в Крым.

Большой радостью для него был приезд в Крым Художественного театра с целым репертуаром пьес для гастролей в Севастополе и Ялте.

Чувство близости коренной перемены всей жизни, всё глубже овладевавшее Чеховым в конце 90-х годов, заметно прослеживается в пьесе «Три сестры».

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идёт, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку… через какие-нибудь двадцать пять – тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Так устами барона Тузенбаха Чехов высказывает свои радостные ощущения приближающейся новой жизни.

Чем сильнее звучал в его творчестве мотив близкой бури, тем более сурово Чехов иронизировал над слабостями тех своих героев, которые красиво мечтают о том, что жизнь будет лучше через двести лет, но не умеют бороться за то, «чтоб это лучше наступило завтра», как говорил Чехов в беседе с Горьким.

И художник уже чувствует своё историческое право раскрыть и смешное в драмах. Ведь «человечество смеясь прощается со своим прошлым», с отжившими формами жизни. Ему видны нелепость, обреченность, историческая исчерпанность старой жизни.

Чехов вместе с тем чувствует и обиду за своих героев, которые только говорят и о близости бури, и о счастливой, прекрасной жизни, но не знают путей борьбы, путей к будущему.Он зовёт их искать эти пути, но всё же высмеивает их слабость.

Герои «Трёх сестёр» много и красиво мечтают о будущей жизни. Прекрасно говорит о ней Вершинин. Но как противоречат широкому размаху его мечты его бездействие, весь облик его жизни, стиснутой в кругу мелочных несчастий! От него веет беспомощностью, в нём есть черты чудака.

Смешное, печально-комическое в этой пьесе и берёт свои истоки в этом противоречии между силой и размахом мечты и слабостью мечтателей. Обилие мечтательных разговоров о будущем при отсутствии реальной борьбы за него начинает походить на пустую маниловщину.

Накануне великой бури с особенной остротой чувствуются оторванность Вершининых от реальной борьбы за будущее, трагический комизм их положения.

Комическое начало в пьесе переплетается с грустью, с грустной судьбой её героев.

И в пьесе «Три сестры» с драматической темой Чехов скорбит о том, что его герои не способны к борьбе со злом жизни. И всё же в ней звучит сильный мотив веры в то, что жизнь изменится к лучшему.

Смело переплетаются в двух его последних пьесах «Три сестры» и «Вишнёвый сад» с драматическими мотивами комедийные.

Обе пьесы «Три сестры» и «Вишнёвый сад» отличаются новаторским сочетанием драматического и лирического с комическим, причём с характерным для чеховских пьес «подводным течением».

В произведениях Чехова, как в рассказах, так и в пьесах, наряду с лирическим, драматическим, трагическим началом очень часто живёт и сатирическое, комическое начало, – только оно уходит в глубину, в их «подводное течение».

Прощание новой, молодой жизни с прошлым, обречённым на скорый конец, устремление к завтрашнему дню – в этом и заключается содержание «Вишнёвого сада». Настолько назрел конец старой жизни, что она представляется уже водевильно – нелепой, призрачной и нереальной. Призрачны и отжившие сатирические типы этой уходящей жизни.

Таковы главные герои – Раневская и её брат Гаев – хозяева имения, красота которого заключена в поэтическом вишнёвом саде. Хозяева довели имение своим легкомыслием, полнейшим непониманием реальных условий до жалкого состояния, предстоит продажа имения с торгов. Купец Лопахин – друг семьи, сам покупает имение. Лопахин, как характеризирует его студент Трофимов, – это «хищный зверь, который съедает всё, что попадается ему на пути». Так «съедает» он и красоту вишнёвого сада, помогает «пожиранию» того, что уже отжило.

Законная наследница отжившей поэзии «дворянских гнёзд», юная Аня, дочь Раневской, весело прощается со всей этой устаревшей, потерявшей живое содержание, мёртвой красотой.

Придут люди, которые будут достойны всей красоты родной земли. Они очистят, искупят всё её прошлое и превратят всю родину в волшебный сад. И Аня будет вместе с этими людьми. Таково поэтическое восприятие и грустного, и самого светлого, оптимистического произведения Чехова.

Чехов хотел, чтобы спектакль Художественного театра прозвучал в том бодром тоне, в каком он написал пьесу. Он хотел, чтобы зритель чувствовал не только эпическую грусть, не только лиризм прощания, но и грустный комизм призрачного мира Гаевых и Раневских.

Вся пьеса проникнута настроением светлого прощания с уходящей жизнью, со всем плохим и хорошим, что было в ней, настроением радостного привета новому, молодому. Это настроение окрашивает и рассказ «Невеста», написанный в том же 1903 году, что и «Вишнёвый сад». После опубликования рассказа многие критики сошлись во мнении, что «Невеста» – поворот в творчестве писателя в сторону более бодрого оптимистического восприятия действительности. «…Прямое указание на существование у него высокого идеала, которым он мерил окружающую жизнь и перед которым эта жизнь представляется слишком уж мелкой и пошлой». Критика приветствовала героиню рассказа, порвавшую с миром пошлости и мещанства. «Бегство Нади при тех условиях, в которых устроил его Чехов, почти накануне свадьбы, бесспорно является своего рода личным подвигом».

Героини Чехова уже ищут смысла жизни, проявляют волю, стремятся наметить и определить себе цель в жизни. *«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть весёлым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет… и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь ещё неясная, полная тайн, увлекала и манила её»*, – этим жизнерадостным мотивом завершается рассказ «Надя». И всё это то, чего не хватало прежним чеховским героям: духовного полёта и пафоса жизни.

Герои позднейших произведений Чехова говорят и действуют смелее и уверенней, и мыслят шире.

«Человечество идёт вперёд, совершенствуя свои силы, – говорит студент Трофимов в последней пьесе. – *Всё, что недосягаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину»*.

«Человеку нужно, – говорится в рассказе «Крыжовник», – *не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа»*.

Так мировая скорбь Чехова, которой проникнуто многогранное, мощное и богатое по духу и содержанию новаторское творчество великого художника слова и мыслителя, и чеховский девиз «Призвание всего человечества в духовной деятельности человека» предвосхищают исторический прогресс человечества.

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

ВРЕМЕНА ГОДА

Май

Май – предлетье,
предсказанье...
Не волшба, но – обещанье.
Не победа – но надежда,
что не будет так, как прежде
(все минувшее – прошло!).
Май – предчувствие,
предвестье,
словно радостная песня...
И под щебет голубиный
снег ложится тополиный
на раскрытое крыло...

Лето катится в осень

Вот и снова аллеи
В золотистых заплатах.
Ничего не поделать –
Лето катится в август.
Море ласково тронет
Загорелые пальцы...
Солнце катится в море,
Лето катится в август.

Лето катится –
в осень,
Словно яблоки в травы.
Для судьбы, безусловно,
Мы – простая забава.
Интересно – играет,
А наскучим – забросит...
Дни мелькают, как кадры...
Лето катится в осень.

Звезды катятся в утро,
Время катится в вечность...
Как я верила в чудо!..
Как я верила в верность!
Ветер дышит в затылок:
«Не грусти, успокойся...»
Ничего не случилось –
Лето катится в осень...

Осенняя песня

Снова сентябрь улыбается ласково,
Что-то мурлычет, листву теребя...
Скоро и он распрощается сказками
И –
растворится в ночах октября.

Осень тихонько колдует за окнами,
День застывает куском янтаря,
Вспыхнут сады,
как янтарные комнаты,
И –
растворятся в ночах октября.

Ветер легонько до клавиш дотронется,
И, мимолетной улыбкой даря,
Вспомнит «Осеннюю песню» Чайковского
И –
растворится в ночах октября...

Forever in Love

По берегу, вдоль линии воды,
Бегут, смеясь, мальчишка и девчонка.
И ветерок уносит хохот звонкий,
И волны размывают их следы.

Как будто позабытое кино,
Прокручивает память те мгновенья,
Где ты и я, и ветра дуновенье,
И солнце, и прибой –
все заодно!

И море расстилается ковром,
И ветер обнимает нас за плечи,
И кажется, что лето будет вечным,
Как это солнце в небе золотом.

И впереди – свободный горизонт,
И жизнь как море –
без конца и края...
А я смотрю кино и понимаю,
Что будет все как раз наоборот.

Но я смотрю уже со стороны –
Случайный зритель
в старом кинотеатре...
Идет кино, резвятся дети в кадре
И с криком убегают от волны.

Нас в этом мире просто больше нет –
Нам не догнать самих себя, счастливых,
Бегущих вдаль по линии прилива
Без малого шестой десяток лет...

МИХАИЛ СМИРНОВ
Россия

Р А С С К А З Ы

Время покажет

Дети выросли и разъехались из родного дома. Младшие в институте учились, а старшие уже успели семьи создать, когда отец прислал письмо и сообщил, что матери не стало. Казалось бы, Роман Тихонин ещё не успел нажиться с женой, но в дом пришла беда, и он остался один. Вся жизнь сразу рухнула, окончательно и бесповоротно, как ему показалось. Как теперь жить без своей Варвары-то, да и нужно ли? Дети приезжали, до девяти дней побыли и обратно подались. Двое старших сыновей работают, а младшенькие, дочка и сынок, ещё учатся. Дети уехали, а Роман уселся на крыльце и руки опустил, не зная, что ему делать. Вроде ещё не старый. Недавно за полтинник перевалило. На пенсию вышел по вредности. Казалось, живи да радуйся, но радости не было…

Все дни, когда беда случилась, за хозяйством присматривала подруга жены, Дина, но сегодня уехала по делам в соседний городок и пообещала вернуться к вечеру, и Роману волей-неволей, но пришлось браться за хозяйство. Голодная птица и скотина в сарае напомнили ему, что за ними тоже нужен уход. Дотемна провёл в сарае, а потом вышел и снова уселся на крыльце. Не хотелось домой заходить. Пусто. И на душе была пустота. Кошка потёрлась об ногу и скользнула на сеновал. Мыши появились. Никакого покоя нет. Так и шлындают по двору, так и норовят на голову взобраться. Ставил мышеловки, но не помогают. Ладно, кошка на них страх наводит, а то бы вообще пешком по двору ходили.

Роман вздохнул. Посмотрел на городскую улицу, что торцом выходила на посёлок. Они давно переехали сюда, когда ещё город начинал строиться. Так и остались в посёлке, хотя несколько раз предлагали квартиру, но жена не захотела, да и сам Роман привык. Посёлок напоминал деревню, но в то же время – это была городская окраина. Частный сектор, с которого начинался строиться город. Улица за улицей, квартал за кварталом. Город вширь раздавался и вытягивался в длину. И чем дальше от посёлка, тем становился выше. Возле них стояли бараки, в некоторых до сих пор люди живут, потом пошли дома в два этажа, чуть подальше – трёхэтажки, потом появились добротные четырёхэтажные дома, а на другом конце города высотки поднялись. Даже из посёлка были видны. Хороший город, зелёный и красивый, но они остались в своём посёлке, где все знали друг друга, где каждый камушек был знаком, каждая выбоинка на дороге. Даже собаки зря не гавкали, различая своих и чужаков. И люди другие жили, как казалось, более добрые и отзывчивые, чем в городе, где всем жителям, отталкивая друг друга, приходится нестись наперегонки с временем. А здесь время другим было. Замедленным, что ли…

Роман сидел на крыльце. Курил и вспоминал, как приехал сюда после армии. Не захотел возвращаться в деревню. Узнал, что город строится. Нефть нашли. Новый город для нефтяников будет. Комсомольская стройка, как ему сказали. И по путёвке отправился за романтикой. Правда, комсомольцами здесь почти не пахло, а вот лагерей в округе было много. В основном город строили заключённые. Роман устроился плотником в бригаду – эта специальность была востребована, потому что везде было строительство. В бараке жил. Летом хорошо было. Тепло. А зимой замерзали. И в ба-

раке холодно, который привозным углём топили, а уж на работе тем более, где из каждой щели сквозняком тянуло. А морозы стояли не шуточные. Так бывало завернёт, аж деревья трещали, а если метель закружит, носа не высунешь. В уборную по верёвке ходили, чтобы не заблудиться. Здесь же, на стройке, он познакомился со своей Варварой. Она каменщицей работала. Как принято говорить, понравились друг другу. Правда, недолго гуляли. Негде было, и времени не было. Большей частью возле реки бродили или в клуб бегали, если новую картину привозили, а бывало, артисты приезжали, и тогда весь поселок гудел, собираясь на спектакль. А потом решили расписаться. Свадьба была. Несколько человек собрались. Посидели за столом. Попели, поплясали, и всё на этом. Началась семейная жизнь. Вскоре в посёлок перебрались. И тут Варвара взялась за хозяйство. Утром едва глаза откроешь, а Варвара уже хлопочет по хозяйству. Куры, гуси, в сарае свинка похрюкивает, а бывало, что двух хрюшек держали. Коза Манька была. Бодливая, зараза! Только Варвару признавала, как на поводке по всему посёлку за ней ходила, а чужих не пускала во двор, даже Романа норовила боднуть. Корову взяли, но тяжело содержать её. Сена не хватало, и пасти негде. Город разрастался, и всё меньше оставалось места для скотины. Продали корову. А вот козу оставили. Дети подрастали. Молоко нужно было. Варвара приучила ребятишек к козьему молоку и хлопот не знала. Небольшой сад разбили. Яблони там, груша, смородина и малина — радость и польза для ребятишек. Огород был. Огурцы и помидоры свои. Картошку выращивали. В общем, не бедствовали. Можно сказать, хорошо жили… Пока дети росли, с утра и до вечера заботы-хлопоты, не успеешь оглянуться, ночь на дворе. Варвара всех утыркает спать, а сама делами занимается. Утром Роман глаза откроет, а она уже хлопочет. Детишек собирает. Кого в школу, кого в садик, потом сама на работу торопится. Роман к этому времени в техникуме выучился и на завод перешёл, вредность вырабатывал, а она в каменщицах осталась. Говорила, что нравится профессия, особенно, когда большие дома строили. Смеялась, что до небес рукой дотягивается. Дети выучились. Сначала старшие уехали, а через два года и младшие поступили в институт. Дом опустел. Даже Роман не сразу привык. Бывало, вернётся с работы, а дома тишина. Радио бормочет или телевизор работает, а голосов не слышно! Пусто стало, неуютно. Ну не хватало детских голосов, не было этой неразберихи, смеха, окриков, топота, когда приходили их друзья и в доме стоял дым коромыслом. Ничего не стало. И поэтому Варвара затосковала. Вернётся с работы, какую-никакую еду приготовит, а сама быстрее в садик или на огород. И возится весь вечер. А то в сарае пропадала. Зайдёт Роман, смотрит, а она сидит возле своей козочки и молчит. Ладно, летом дела-заботы, а зима для неё — это тоска зелёная. Всё письма ждала да фотокарточки перебирала. И сломалась Варвара без ребятишек. Другая бы радовалась, что можно отдохнуть без детей, не нужно голову ломать, чем накормить, что купить для них, лежи и поплёвывай в потолок, но Варвара затосковала. А вскоре заболела. На работе просифонило. Кашель замучил. Задыхаться стала. Врачи долго не могли определить, что у неё, загоняли по кабинетам и поликлиникам, а когда диагноз установили, уже было поздно. Угасла Варвара. Тихо и незаметно. Словно свеча. Дунул ветерок, и она погасла. Так и Варвара…

Роман привык, что тоску надо убивать работой, как его с малых лет мать приучала и всегда говорила, что ей – этой самой тоске, хочется в тишине посидеть да в душе покопаться и ненужное на человека примерить, и тоска становится всё больше и больше, и человек ломается. А если бы работа навалилась, да столько, что разогнуться не получится, тогда про тоску-кручину подумать некогда. Будешь пахать с утра и до вечера, а в голове одна мысль: как бы всю работу перелопатить. И Роман лопатил, пока ноги держали, а домой возвращался, свалится на диван или кровать и даже силушки не было, чтобы штаны с себя стащить и рубаху. Как был в одёжке, так и уснул, как провалился. И, кажется, не успеет глаза закрыть, уже опять нужно под-

ниматься, а в голове мысли, что вот сейчас выйду за дверь, а там меня работа дожидается. И снова будешь пахать до седьмого пота, пока поджилки не затрясутся. И эта работа – самое лучшее лекарство от всех болезней, а от тоски тем более. Всегда говорил, что спасение в работе, а вот свою Варвару не уберёг, и она сломалась...

Роман встрепенулся. И, правда, что работа – это лекарство. Если себя не пересилит, сразу всякие болячки прицепятся, и тоже сгорит, как свечка, как его Варвара, а переборет эту тоску, значит, будет жить. «А нужно ли жить, если Варвары не стало?» – у Романа промелькнула в голове предательская тоскливая мыслишка, тем более считал, что в её смерти есть и его вина. И поэтому корил себя, жить не хотелось. Взять и сложить руки и ждать, когда боженька к себе заберёт. Хотел на всё махнуть рукой, но мысль мелькнула, а как же дети останутся одни? Они приезжали. Вон какие выросли – одно загляденье. Старшие работают. Уже семьи создали. Скоро, как говорили, детишки появятся, и он станет дедом. Дед… Гляди ж ты, как звучит: дед, дедушка, дедуля! Обещали приехать через годик-другой вместе с малышами. Жаль, Варвара не дожила из-за этой проклятущей болезни. А младшие в институте. Их нужно на ноги поставить. Помочь надо мальцам. Как же без него поднимутся, если он руки сложит? Нельзя, чтобы детишки одни остались. Роман помнил, как ему в детстве не хватало отца. Сгинул в тайге, и ни одного следочка не осталось. Была фотка, но и та в пожаре сгорела. Он помнил, как завидовал дружкам, у кого были отцы. Как мальчишки ходили по улице вместе с ними, задирая носы, а у него бати не было… На душе больно и завидно, что у всех есть, а он без отца... И сейчас, если он сломается, кто за ребятишками присмотрит. Родители – это как бы корни у дерева. Корни засохли, и дерево начинает гибнуть. Если детям не помочь встать на ноги, у них вся жизнь может пойти наперекосяк, поэтому нельзя руки складывать, нельзя ломаться, а нужно заставить себя подняться и…

Да, нельзя руки опускать, но в то же время одному тяжело справляться со всеми делами. Роман удивлялся, как Варвара успевала вести хозяйство. А её не стало, и всё пошло наперекосяк. То коза не подпускает, то кур да гусей забудет накормить, то кролики выбрались, и приходилось ловить по двору, то грядки не польёт. Да мало ли работы на своём участке? И везде нужно успевать. Варвара справлялась, а у него не получается. Ладно, её подруга все заботы-хлопоты на себя взвалила. Жила наискосок от них. С молодости подружились, когда в посёлок переехали. И Варвара частенько к ней заглядывала на огонёк, или она, эта самая подруга, Дина, к ним приходила. У неё жизнь не сложилась. Рано овдовела. Ребятишек сама поднимала, да Роман с Варварой помогали, если нужда была. Общие ребятишки были, можно сказать, и воспитывать сообща приходилось, как хвалить, так и нагоняй давать. А всякие соленья-варенья – это уж почти совместно заготавливали. И картошку вместе убирали. Даже праздники сообща справляли. И Роман привык относиться к Дине, как к своей, пусть не родне, но близкой подруге, от которой не было секретов. С ней можно обо всём поговорить и посоветоваться, а она подскажет, как лучше сделать. Дина – женщина привлекательная и красивая, но не более того, потому что она была подругой его жены. Почти родные сёстры, можно сказать. Вот она-то и взвалила на себя всю ношу, пока были похороны, поминки и всякие другие дела. Прибежит, быстренько всё переделает, скажет Роману, что ещё нужно сделать, и уходит. А вечером снова заглянет, всё ли у него в порядке. Посидит с ним, поговорит, а бывало, чай попьют вместе или поужинают. Всё вдвоём веселее. И так почти каждый день…

Многие мужики заглядывались на Дину. Высокая была и статная, несмотря на возраст, и хозяйственная, а вот мужиков не подпускала, как овдовела. Всем от ворот поворот давала. Даже сватов разворачивала. Говорила, что не встретился тот человек, с кем бы сошлась. Возраст не тот, чтобы любовь крутить. Поздно. А вот до последнего дня прожить с человеком душа в душу – на это не каждый способен, а мужики тем более. И всем отказывала.

Роман понимал, что она не станет вечно помогать ему. И волей-неволей, но пришлось браться за работу. Сам же говорил, что она, эта работа, – лучшее лекарство от всех болезней. Дина вечерами забегала, что-то советовала, а за что-то и нагоняй давала. Ему же пришлось с самого начала браться, можно сказать. Нет, он многое умел, но были некоторые дела, которыми только Варвара занималась. И вот ему пришлось осваивать их. И козу доить, и по грядкам ползать, и постельное белье постирать, и… Да мало ли с чем сталкивается человек, оставшись один. Вот и ему пришлось столкнуться. Раньше землю перекопает, грядки приготовит, в общем все мужские дела, где нужны были мужская сила и смекалка, а остальное Варвара делала: полола, окучивала, поливала, подкармливала и… И столько всего оказалось, что у Романа голова кругом пошла, когда к его мужским делам добавились женские. И за этими заботами-хлопотами как-то стала исчезать тоска. Потихонечку уходила печаль. Не так замечалось одиночество, потому что он весь день, как круговая овца, а по-другому себя не называл, прозанимается по хозяйству, вечером упадёт на кровать, и ещё не успел подушки коснуться, как засыпал. А утром поднимался и снова впрягался в работу. И не заметил, что год пролетел, как Варвары не стало. Снова поминки собрали. Дети приезжали и опять уехали, а он вновь остался один…

Ближе к осени, когда стали созревать овощи и фрукты, Роман стал ездить на городской рынок, чтобы продать излишки. На зиму заготавливал, для ребятишек делал запасы, а для себя одного много ль нужно – всего ничего. И поэтому приходилось остатки продавать. Какая-никакая, а копеечка в дом. Да ещё к Дине заглядывал. Если она занята, забирал излишки, готовил свои корзинки и с утра пораньше спешил на остановку. Возле рынка проходила оживлённая автомобильная трасса, и тренькали трамваи. И здесь раскладывали свои урожаи старики и старушки. На расстеленных газетах пучки укропа, петрушки, малинка в стаканах, смородина, в ведёрках молодая картошка и банки с малосольными огурцами. В общем, всё лежало, что растёт на огородах и чего так не хватает городским жителям или дальнобойщикам, что мотались по этой трассе. Отбоя не было от покупателей. Вереницей шли вдоль рядов, останавливаясь, спрашивали цены, пробовали и, если что-нибудь понравилось, покупали, бережно укладывая в авоськи, и неторопливо отсчитывали деньги. Роману нравилось на рынке. Разговаривал с соседями по рядам, перекликался со знакомыми, давал советы и слушал советы, а потом, когда базар заканчивался, собирал остатки и отправлялся домой, чтобы успеть покопаться на огороде, а ещё надо малину собрать, и вишня поспевает, и должна прийти Дина, чтобы помочь засолить огурцы, а потом нужно… и ещё… И это «ещё» длилось до ночи, чтобы утром снова подняться и пойти на рынок, а вечером опять хозяйство и заготовки на зиму и, не успеет привалиться к подушке, как засыпал.

– Тебе бы жениться, Ромка, – неожиданно сказала Дина, когда они возились на кухне с салатами на зиму. – С утра и до ночи колготишься, а всё равно не успеваешь.

– Как жениться? – удивлённо взглянул Роман. – Ну, тебя, Динка! Меня никто не поймёт, а дети тем более, и ты против будешь, если приведу в дом женщину. Ты же с нами всю жизнь прожила, можно сказать. Придёшь, а тут другая. А вдруг общий язык не найдёте? В глаза ничего не скажешь, а в душе подумаешь. И больше не появишься. Зачем это нужно? Нет уж, я как-нибудь один докукую… – и махнул рукой.

– Ты не маши, не маши, – опять сказала Дина. – Глянь, какое хозяйство на себя взвалил. Раньше-то вдвоём едва справлялись, а сейчас один живёшь. Так и сломаться недолго.

– Ломаются от безделья и тоски, да ещё от болезней, – сказал Роман. – А когда с утра и до ночи как заведённый, тогда не то, чтобы пожрать, перекурить некогда. Лишь бы успеть с работой справиться…

– Об этом я и говорю, чтобы успевать, – настойчиво сказала Дина. – Ты взгляни, на кого стал похож. Год прошёл, как твою Варвару схоронили, а от тебя

кожа да кости остались. Под ветром качаешься. А если заболеешь, кому станешь нужен? Никому! Потому что у всех свои семьи, а тебе ещё необходимо детей на ноги поставить. Мои-то, слава Богу, определились, а вот твои младшие между небом и землей зависли, поэтому в доме нужна хозяйка…

– Меня дети не поймут, если появится женщина, – вздохнул Роман. – Ты же знаешь, какие у них характеры. Чуть не так, сразу в кошки-дыбошки!

– Тебе нужна хорошая жена, – сказала Дина. – Серьёзная и работящая, чтобы за хозяйством присмотрела, да и за тобой нужен пригляд, а то вон весь износился. Рубашки драные, штаны порванные, носки дырявые, в холодильнике бардак, как и на столе. Всё бельё испортил. Кто ж стирает белые вещи с чёрными? Хоть бы ко мне пришёл и спросил. Я же не могу каждую минутку к тебе бегать. А что касается Варвары, думаю, она была бы не против, если в доме появится хозяйка. Она, наверное, с небес смотрит на тебя и головой качает. Сам знаешь, как она занималась хозяйством – всё блестело, ни пылинки, ни соринки, и дети обуты-одеты, и ты ухоженный, а сейчас на бомжа похож. Фу, смотреть тошно!

И она махнула рукой, а потом вскинулась.

– Хочешь, познакомлю с женщиной? – сказала Дина. – Вдруг понравитесь друг другу и будете жить, а? Хорошая женщина. У меня молоко берёт. Она приехала на лето. Ивановы родительский дом сдавали, и она договорилась с ними. Вообще хотела перебраться в посёлок, но не получается. То цена не подходит, то дом не нравится, то остановка далеко. Всё жаловалась, что тяжело одной жить в наше время, а хорошего мужика найти не может. Я про тебя рассказала, она заинтересовалась. Я подумала, а вдруг и ты… – и она неопределённо покачала головой.

И Роман неопределённо вздёрнул плечами. Он растерялся, когда Дина сказала про дачницу. О том, что хочет, чтобы они познакомились, а там, глядишь, и сойдутся. Дина права, что дом без хозяйки приходит в упадок. Казалось, что у него всё в порядке. За хозяйством присматривает. В доме убирается, когда бывает свободное время. Готовит, пусть редко, но всё же сварит супчик или овощи потушит, но в основном на сухомятке сидел. Как-то не хотелось одному за столом сидеть. Бывало Дина приносила что-нибудь покушать и рядом с ним присаживалась, его кормила, а сама о чём-нибудь рассказывала. Он привык к Дине. Свой человек в доску, как принято говорить. От неё не было секретов как у Варвары, так и у него. И сейчас она пришла и стала рассказывать про эту дачницу, как бы заочно сосватала их. Он пожал плечами. А зачем? Дети не поймут – это точно. Может, со временем, повзрослев, поняли бы его, но сейчас… Правда, и сам не хотел, чтобы чужая женщина появилась в доме. А с другой стороны, если будет один, дом вообще захиреет. И с каждым годом ему сложнее справляться с хозяйством. Даже козу подоить – это проблема. А куры, а гуси и кролики – этих тоже необходимо кормить. А огород и сад, а картошка? Да мало ли чего в хозяйстве – разве всё упомнишь, и за этим нужен глаз да глаз. Рано или поздно, но придётся принимать решение – или он останется один, и тогда всё захиреет, или приведёт в дом хозяйку, которая войдёт в его семью, но самое главное – найдёт ли она общий язык с детьми. Как они воспримут её появление, как станут относиться не только к ней, но и к нему, когда в их родном доме будет хозяйничать другая женщина? Вопросы, на которые он не мог ответить…

– Ну, как тебе объяснить, Динка… – он задумчиво потёр небритую щеку. – Не спорю, одному тяжело хозяйничать, но после Варвары я буду любую женщину сравнивать с ней, с её привычками, с её отношением ко всему, тем более к детям. Вот в чём загвоздка!

– А может, найдёте общий язык? – сказала Дина. – Тем более, что она сама хочет перебраться в посёлок, – и тут же стала рассказывать про эту дачницу. – Женщина чистоплотная. Всегда наряженная, ухоженная. В каком-то тресте работала. Умеет разговаривать. Много знает, как я заметила. Умная, значит. Не соскучишься.

С мужем давно разошлась. У сына своя семья, а она одна осталась. Тебя же никто насильно не заставляет жениться. Посмотришь на неё, подумаешь… Ну, что скажешь, Роман? – и взглянула на него.

Роман вздохнул. За просмотр денег не берут.

– Ладно, послушаю тебя, но последнее слово за мной. Передай, что вечерочком загляну к ней, – махнул рукой Роман. – Посмотрю, за кого сватаешь. Может, и правда, что сговоримся. Устал я, Дин… – и снова вздохнул, задумавшись.

Вечером, прихватив банку салата, банки с огурцами и помидорами, два больших кабачка сунул в пакет, Роман направился на смотрины. С пустыми руками неудобно идти, а соленья всё же свои, не купленные, но цветы не стал брать, хотя они были в палисаднике. Решил, не дело в его возрасте по посёлку шлындать с букетом. Тоже мне, жених нашёлся! Соседи не поймут. Сразу начнут тыкать пальцами, а потом разговоров не оберёшься. Уже завтра весь поселок загудит, что Роман Тихонин решил жениться, да ещё столько наприбавляют, что не разгребёшь. Он добрался до дома Ивановых, где жила эта дачница, чуть приостановился возле калитки, пытаясь рассмотреть её в окне, потом зыркнул по сторонам, никто не видит, что его в гости принесло, и, сгорбившись, торопливо скрылся за калиткой.

– Есть кто живой? – Роман зашёл на веранду, стукнул в дверь и поздоровался. – Здрассте вам! Гостей принимаете?

– Проходите, не стойте возле порога, – донёсся громкий резкий голос, и навстречу вышла ухоженная женщина в ярком цветастом платье, держа в руках какой-то журнал. – Я уж думала, не придёте.

Роман взглянул на неё и затоптался возле двери, невольно одёргивая чистенький, но старый пиджак, посмотрел на её белые холёные руки, на яркую помаду и длинные красные ногти – это сразу бросилось в глаза. Сразу видно, что она не поселковая. Здесь женщины привыкли хозяйство вести, а не ногти отращивать. Она городская, и, скорее всего, не привыкла физически работать, если посмотреть на её руки. Человек умственного труда, как про себя заметил Роман. Дина же говорила, что эта дачница в тресте работала. Значит, какая-нибудь начальница. Он осторожно поставил пакет с банками. Разулся. Взглянул на носки. Дома не заметил, что на одном была небольшая дырка. Поджав палец, Роман прошёл в горницу и остановился, не зная, куда присесть. В углу диван, на котором несколько маленьких подушек. Рядом стол, скатерть белая и большая ваза с цветами. В другом углу застеленная кровать за занавеской. На комоде телевизор. Рядом трюмо, и на тумбочке флаконы, пузырьки, коробочки с духами и всякая женская мелочёвка. Роман невольно качнул головой, вспоминая свою Варвару. У неё такого не было. Не потому, что не любила прихорашиваться, а просто считала это лишним. Если и начепуривалась, как она говорила, только в праздники или собираясь в гости, а для ведения хозяйства и ковыряния в земле – наманикюренные ногти и напудренное лицо вовсе не нужны. А у этой ногти, как у кошки, а у меня хозяйство, у этой руки белые и холёные, а у меня тридцать соток картошки посажено… Роман вздохнул и ещё сильнее сгорбился.

– Присаживайтесь, – протянув узкую ладошку, сказала дачница. – Кстати, я Валентина Анисимовна. А вы, как мне сказали, Роман, а по отчеству… Ага, Роман Петрович. Ну-с, дорогой Роман Петрович, не стесняйтесь. Присаживайтесь и расскажите, чем занимаетесь? Что вас интересует в жизни, чем увлекаетесь? Вы уж извините, что я инициативу в свои руки взяла. Вижу, вы человек скромный. А я привыкла к общению на работе. Поговоришь с человеком и сразу видишь, чем он дышит, кто перед тобой. Я привыкла судить по первому впечатлению, хотя говорят, что оно бывает ошибочным, но до сих пор не ошибалась. Ну-с, прошу…

Дачница медленно провела перед ним ладошкой, как бы приглашая к разговору, и оценивающе взглянула на худого обросшего Романа, который сидел, сгорбившись, на краешке стула, сложив широкие ладони на коленях, и взглядом в пол

упирался. Она сразу взяла с места в карьер. Видно было, что привыкла руководить.

– Да я… – Роман пожал плечами и покосился на дачницу, представляя, как она в дорогом цветастом платье и с такими ногтями ковыряется на грядках, и не удержался, исподтишка хмыкнул. – Хозяйством занимаюсь, чем же ещё. Десяток кур, пяток гусей, пара кроликов… Козу держу. Бодливая, сука такая! – он неожиданно выругался, заметив, как сошлись узкие выщипанные бровки на переносице у дачницы, и почему-то обрадовался этому. – Я с ней по-хорошему, а она, зараза такая, не успею отвернуться, рогами в задницу как ширнёт, я аж подскакиваю. Все штаны в дырьях. Ну не сволота ли? – он вздёрнул брови, пошкрябал щеку, взглянув на дачницу. – Ты, Валюха, спрашиваешь, что мне нравится? Работать нравится. Я как выйду с утра и до ночи не захожу. Даже пожрать некогда, – и опять заметил, как дачница нахмурилась. – А ты умеешь готовить? А то я люблю пожрать! А, даже так… Ну, понятно! Говоришь, чем увлекаюсь… Как сказать… Я работой увлечён. Да-а… Работа – это самое лучшее средство от всех болезней. А ещё люблю стопку-другую самогоночки засандалить. Магазинную не признаю, а свою уважаю. Ты знаешь, какую крепкую самогонку делаю? У, не поверишь! Хлопнешь три рюмашки и с копыт долой. Где сидел, там и упал. Я хотел принести бутылку, но не знаю, принимаешь на грудь или нет. Может, у тебя есть в заначке? Я огурчики с помидорами притащил. Ох, хороша закуска! И салат – объедение. А кабачки, вот такущие вымахали, – он развёл руки в стороны. – Я принёс две штучки. Сварганишь что-нибудь. А может, есть пузырёк? Сели бы с тобой, опрокинули, а потом за жизнь поговорили. Если бы ты знала, Валентина, как я люблю про политику разговаривать, когда стопочку-другую опрокину. У, хлебом не корми, дай поболтать! До утра не утыркаешь. Бывало, моя Варвара так мучилась со мной – ужас! Только ей удавалось меня утихомирить, а теперь некому. Да-а…

И Роман стал самозабвенно врать, а по-другому нельзя было назвать это. Сам не понял, что на него нашло. В жизни-то не любил попусту языком молоть, а тут не остановишь. Всё в кучу собрал, а потом на политику перешёл. Говорил, что все политики – это сволочи и дармоеды, потому что они не знают, как живётся народу, они земли не нюхали, потому что не умеют работать, а лишь языками треплют, а сами тяжелее ручки и ложки ничего в жизни не поднимали. Оглоеды, ети вашу мамашу и папашу туда же! Роман погрозил скрюченным пальцем, вытер рукавом выступивший пот и взбрыкнул головой, разлохматив и без того растрёпанные волосы. И опять понёс всякую чушь. Сам себе удивлялся, откуда только слова брались. Перепрыгивал с пятого на десятое, не давая ни словечка вставить дачнице, а потом весь разговор свёл к самогонке, которую очень уважает и которую гнал, гонит и будет гнать.

– Вы пьёте, Роман Петрович? – удивлённо сказала дачница. – А Дина Антоновна говорила, что не злоупотребляете…

– Я лишнего не пью, – Роман мотнул головой. – Ну, вечером, когда зайду домой, могу с устатку стакан-другой засандалить. А после бани выпить – это святое. Да-а… У меня так принято. В баньке попарился, холодной водичкой ополоснулся, а потом за стол и сразу гранёный стакан выпиваю, а дальше как масть ляжет. Могу бутылку выпить, а под настроение даже две осиливаю. Своя же, не покупная. Ты не гляди, что я худой, зато жилистый. А ты, Валюха, любишь в баньке париться? – и снова заметил, как она нахмурилась, когда назвал по имени. – Если хочешь, могу с собой взять. Спинки друг дружке потрём… Ну и того… – и, ухмыльнувшись, подмигнул, намекая. А потом закинул ногу на ногу, выставив носок с дыркой, и пошевелил пальцами. – Хозяйку бы мне, – продолжая разговор, сказал он. – Даже носки некому заштопать, уж полный мешок накопился. А с моими пальцами не удержать иголку, – и ткнул чуть ли не в лицо мозолистые руки в трещинах с обгрызенными ногтями и чёрными несмываемыми полосками. – Хозяйка нужна. Я люблю работать и бабу такую же ищу. Один не успеваю по хозяйству. Мне помощница нужна, крепкая и надёжная. На меня трудно угодить, а вот ты приглянулась. Может, поможешь, Валюха? Завтра собираюсь

навоз вывезти из сарая. Накопился, сракой в дверь не влезешь. Вывезем и на огороде сложим в кучу. Думаю, денька за три управимся. А по осени, когда картошку уберём, огород перекопаем. Трактор не хочу нанимать – накладно, лучше лопатой, так вернее и дешевле. Да-а… И зима на носу, можно сказать. Дрова нужно заготовить. В лес с тобой поедем. Я уже насчёт делянки договорился. С недельку там поживём. Шалаш поставим. Комаров покормим, а ночами будем греться – пузами тереться… – и причмокнул, сощурившись, а потом оценивающе с ног до головы осмотрел дачницу.

Дачница была не в шоке, а в ступоре. Сидела и смотрела на него, что-то пыталась сказать, но только руками разводила. А Роман опять принялся врать. Ему весело стало, поглядывая на дачницу. Даже на душе полегчало, что ли, когда он стал врать. Сам не знал, что на него нашло, почему так повёл себя. Всё же его пригласили в гости, тем более женщина. Нужно было вести себя подобающе, а он не удержался. Как-то сразу не пошло, едва увидел её. И эти вопросы: что да как и почему... Поэтому Роман сразу стал сравнивать со своей Варварой, под неё примерять, потому что остаток этой жизни тоже хотелось прожить так, как привык, а не так, как ему стали бы навязывать. И поэтому принялся грубить, хотя, может быть, дачница и не заслужила, потому что она смотрела на жизнь со своей колокольни, но Роман не удержался и сорвался.

Он замолчал. Дачница тоже молчала. Видать, не могла в себя прийти.

– Ну, ладно, Валюха, – сказал Роман и поднялся. – Засиделся, пора и честь знать. Чаем, вижу, угощать не собираешься, говоришь, что не любишь готовить, и выпивки нет, на столе пусто, а я жрать хочу. Не успел повечерять. Кишка кишке протокол пишет, как говаривал мой батя. Ну, если надумаешь помочь, с утречка пораньше приходи. Я вилы и рукавицы приготовлю. На корыте будем навоз возить. Скопилось – ужас!

– Спасибо за приглашение, но я в город уезжаю, – наконец-то дачница обрела дар речи. – Надышалась свежим воздухом, вволю напилась свежего молочка и хватит. В городе дела найдутся, а вы уж, Роман Петрович, сами справитесь с этим вашим навозом. Не обессудьте! – и развела руками.

– Ну, тогда я пошёл, – сказал Роман, направляясь к двери. – Ты уж извиняй, если лишку наговорил. Мы не привыкли раскланиваться и расшаркиваться. Мы попростому живём. Будешь в посёлке, милости прошу. В баньку сходим вдвоём, спинки потрём, самогоночкой угощу, а потом за жизнь поговорим…

Он подмигнул, усмехнулся и вышел, захлопнув дверь...

Утром, когда он сидел за столом и пил чай, дверь распахнулась, и в дом ворвалась разгневанная Дина: растрёпанная и раскрасневшаяся, с платком на плечах.

– Ты чего нагородил Валентине? – не здороваясь, уперев руки в бока, сказала она и дунула, поправляя прядь волос. – Какая муха тебя укусила? Говоришь, полный сарай навоза… Пригласил женщину вывезти. Это ж надо до такого додуматься! Она, бедняжка, даже слышать про тебя не хочет. Я только заикнулась, хотела узнать, как прошло ваше знакомство, она руками-ногами замахала, сказала, что не только видеть, слышать про тебя не хочет. Ты чего натворил, обормот этакий?

И встала перед ним, уперев руки в бока, и запыхтела.

– Ты не кипятись, Динка, не ворчи, – сказал Роман, отхлебнув из кружки. – Не моё это… Понимаешь, Динка, не моё, хоть режь на куски! Глянул и представил, как она будет хозяйничать… Чужая она, хоть и красивая, но стерва, каких поискать нужно. У неё же на лице написано, что она – стерва! Ей не муж нужен, а прислуга. А ты – жениться, жениться… Тьфу ты, придумала же такое! – Он сплюнул и поморщился.

– Я же для тебя старалась, а ты… – И Дина махнула рукой. – Вот был обормотом, им же и остался. – Сказала, как припечатала. И пальцем ткнула ему в лоб, словно точку поставила.

– О, вот это – моё! – сказал Роман, потирая лоб. – Так саданула, думал, дырку сделала.

– Я те сделаю, – погрозила кулачком Дина. – Возьму скалку и прогуляюсь по хребтине. Совсем от рук отбился. Тебя нужно в ежовых рукавицах держать, как держала Варвара, а то избалуешься. Да и так уже учудил, хоть стой, хоть падай. В посёлке узнают, как ты на смотрины ходил, дачницу позвал навоз убирать, так проходу не дадут. В кулаке тебя надо держать, в кулаке, вот так!

И она сжала маленький, но крепкий кулачок и ткнула ему под нос.

– А ты возьми и держи, – неожиданно сказал Роман не только для неё, но и для себя и удивлённо башкой мотнул. – Да, Динка, держи и не отпускай. Мне не нужны всякие там дачницы. Ты единственная, кто меня знает, как облупленного. И я тебя знаю, как никто другой. И мне не нужно тебя сравнивать с Варварой, потому что ты – это она, как две капли воды. Ну, почти одинаковы… И ты это знаешь…

Сказал и замолчал, отвернувшись к окну.

Дина, не ожидая такого поворота, невольно присела на краешек табуретки, стащила платок с плеч и затеребила.

Роман сидел и вспоминал свою Варвару. Вспоминал жизнь, как с ней жили, вспоминал ребятишек и косился на Дину, которая удивлённо поглядывала на него.

– Ты чего это надумал, замуж меня зовёшь, что ли? – наконец-то сказала она и мотнула головой. – Да, уж знаю тебя, как облупленного. Даже знаю, о чём ты думаешь. А как Варвара посмотрит на это, как ребятишки отнесутся?

– Сама же говорила, что она будет рада, если в доме появится хозяйка, – не поднимая головы, сказал он. – А если ты станешь, Варвара вдвойне обрадуется, и ребятишки тебя примут, потому что ты – своя…

Сказал и снова отвернулся к окну.

Дина задумалась. Вздёргивала плечами, хмурилась, поглядывала на него и снова наклоняла голову.

– А как жить-то будем? – наконец-то сказала Дина. – Ты можешь это представить?

– Не знаю… – он пожал плечами. – Не знаю, но думаю, что нормально будем жить, как все люди живут. Вчера весь вечер сидел, всю жизнь перебирал. О многом думал, многое вспоминал, фотографии перебирал, открытки с письмами. Чуть ли не до утра просидел. Знаешь, Динка, честно сказать, никого не хочу видеть в этом доме, кроме тебя. Ты здесь своя, а остальные – это чужие, кого я не смогу принять, и дети не признают. А ты – своя… – повторил он и снова уставился в окно.

Дина молчала, о чём-то думала. Долго сидела, теребила край платка, хмурилась, но тут же улыбалась и снова прятала глаза, а потом взглянула на него, наконец-то, решившись.

– Правду сказать, я не ожидала, что заведёшь этот разговор. Долго сидела и думала. Всяко смотрела, тоже прошлую жизнь вспоминала, думала, как бы твоя Варвара к этому отнеслась, а тем более дети. Сложно решиться, а ещё тяжелее сделать шаг навстречу, потому что больше половины жизни прожито, а впереди всего ничего осталось, и хотелось бы провести остаток этой жизни спокойно, зная, что рядом находится надежное плечо и хороший человек. Я не смогу заменить Варвару, ты знаешь, – сказала она. – Мы были похожи с ней, многие считали нас сёстрами, но в то же время мы – разные. Ты знаешь, возраст не тот, чтобы нам любовями заниматься, а вот сойтись, чтобы до последнего дня быть вместе и поддерживать друг друга – можно попробовать. А что из этого выйдет – время покажет...

И снова замолчала, затеребив платок. И Роман молчал.

Наверное, каждый из них вспоминал свою прошлую жизнь, но в то же время они думали о будущей жизни, чтобы до последнего дня прожить душа в душу. Скорее всего, так и было. А что из этого получится, покажет время…

Осеннее счастье

Мирон вздыхал, поглядывая на добротный дом, на крепкий сарай и баньку, стоявшую в конце огорода, на бережку неширокой, но довольно-таки глубокой речушки по названию Песчанка. Глядел на двор, на заборчик, разделяющий дворик и сад, где росли яблоньки с грушками, малинка и смородинка, а в дальнем конце грядки виднеются и картошка кустится. Всё своё, не нужно в магазины бегать или на рынки. Спустился с крылечка, сделал несколько шагов, и вот они – огурчики-помидорчики, вот они – ягодки сладкие да душистые. И всё это придётся продавать, а где докукует свой век – ещё неизвестно…

Сыновья давно разговоры заводили, что пора дом продавать. Приедут в посёлок и начинают спорить, кулаками стучать по столу, кому и сколько достанется. Лёнька утверждал, что ему, как самому старшему, обязаны отдать половину дома, а вторую половину пусть делят Павел и Дмитрий. Средний да младший сразу в кошки-дыбошки, как это – старшему аж половину, а им на двоих всего ничего достанется. И ни один из них не сказал, а с кем отец-то останется, где и как будет жить. И так было всегда, когда они приезжали. Мирон терпел, а потом не выдерживал и ударял кулачищем по столу.

– Не продам, не дождётесь! – грозил кулачищем Мирон. – Ишь, чего удумали! Помру, тогда хоть по брёвнышку разнесите мою хату, а покуда жив, не дождётесь.

Он не хотел продавать дом, где жили его родители, где вырос и сейчас живёт.

– Батя, зачем тебе нужны такие хоромы? – обвёл рукой окоём старший, Лёнька. – Один живёшь. И не забывай, ты обязан помочь нам, сыновьям. Ты обещал, когда придёт нужда, дом продашь. А у нас каждый день нужда. Помни об этом…

– Это вам нужно помнить про меня. Приезжаете, когда что-нибудь нужно, а так глаз не кажете. Сынки, я же для вас дом ставил, – начинал увещевать Мирон. – Думал, помру, вам останется. Будете приезжать, отдыхать. И внукам раздолье. Здесь же родник целебный, люди за сотни вёрст добираются, чтобы из него испить, а вы – продавать…

– Поэтому и нужно продать, что земля дорогая, – сказал старший сын. – Знаешь, сколько денег заработаем – уйму! Сразу все проблемы решим. Что ты вцепился в этот дом? Не все ли равно, где жить, в поселке или в городе. Продавай и нам поможешь. Сам должен понять, что сейчас другие времена и нам нужно больше, чем вам раньше.

– Времена одинаковые, да люди разные, – сказал Мирон и взбеленился. – Сынки, совесть поимейте. Налетели… Всю жизнь на вас и для вас работал, сколько добра делал для вас, а вам всё мало. Чем больше отдаёшь, тем больше вам хочется. Не продам! Вот сдохну, тогда делайте, что хотите, – и не сдержался, опять повторил. – Ишь, налетели… Кыш отсюда! Ворота в той стороне…

Выгонял сыновей, но проходила неделя-другая, опять они заявлялись, и снова начинались долгие и нудные разговоры, чтобы продавал дом…

Здесь, в этом посёлке, вырос Мирон, а после школы перебрался в город, благо, что посёлок недалеко находился, всего-то километров за пятьдесят. После училища едва устроился на работу, его забрали в армию, а вернувшись, снова пошёл работать. Женился. Детишки пошли. Квартиру дали. Хорошая квартира, трёшка была. Едва наступали выходные, он собирался и уезжал в посёлок, чтобы помочь родителям. Жена, Сонечка, не ездила. Не любила в земле ковыряться, как она говорила. Не хотела ковыряться, от этого руки портятся. А что с городской возьмёшь. Она в городе родилась, тут выросла. И для неё городская жизнь была ближе и понятнее, чем деревенская, как она называла. А Мирон наоборот, сколько лет прожил в городе, а всё тянуло обратно. Деревня ночами снилась, как с отцом на рыбалку ходил, как сено косили, а

мать пироги пекла, и даже вкус чувствовал этих пирогов, когда просыпался… И, дождавшись выходных, Мирон забирал ребятишек и отправлялся в посёлок, а жена оставалась в городе, своими делами занималась. В посёлке всегда дела найдутся. Забор покосился, надо бы подправить, клеть сломалась, тоже пора подремонтировать, а осенью картошку выкопать да в погреб опустить. И так постоянно… Ребятишки, пока были маленькие, ездили, а стали подрастать, уже не уговоришь. Вечно заняты, куда-то торопятся, кого-то в гости ждут или сами собираются. И получилось так, что с каждым годом они всё реже и реже стали приезжать в посёлок, а большую часть времени проводили в городе, а потом вообще перестали – некогда. После смерти родителей Мирон перебрался в посёлок. Негоже дом оставлять пустым. Дом, как человек, если не ухаживаешь, он умирает. Жена сама предложила, чтобы он переехал в посёлок. Боялась, что в дом залезут, добро разворуют. Там же жулик на жулике живёт, а Мирон должен стеречь, потому что это деньги и большие. Он переехал. Утром в город на работу ездил, а вечерами возвращался и занимался хозяйством: сад, грядки, огород, а ещё живность всякая была: куры, гуси, утки. И за всем нужно уследить, все дела переделать. Жена, Сонечка, редкий раз появлялась в посёлке. Зайдёт, бывало, и сразу же начинает морщиться. Всё ей не так, всё не по-людски, она говорила. Даже горячей воды нет, не говоря об остальных удобствах. Наверное, про туалет намекала. И всё время, пока была в посёлке, разговоры сводились к деньгам, что нормальные мужики не в деревнях сидят (хотя сама настояла, чтобы он переехал в посёлок), а на заработки мотаются, северные края осваивают, золото с алмазами добывают, чтобы своих жён обеспечивать, а не держать в чёрном теле. Мирон косился на неё, потом смотрел на свои заскорузлые ладони. Ага, чёрное тело… Вся в золоте сидит, в ушах серьги с камнями. И с каждым днём запросы жены росли и росли. Она постоянно брюзжала, что надо деньги зарабатывать любым способом, хоть воруй, но обеспечивай жену…

Однажды, отпросившись на работе, Мирон заехал пораньше в городскую квартиру и увидел жену с другим мужиком в постели. Ни слова не сказал, развернулся и уехал. На следующий день Сонечка примчалась, пыталась объяснить, что он не так всё понял. А как ещё можно понять, если голый мужик лежит с женой в постели? Не совещание же проводили… Семья, трое детей, а она с чужим мужиком. Чего не хватало – он не понимал. Развелись. Тихо разошлись, чтобы не травмировать нежные души детишек, как сказала жена, и оставила ребятишек у себя, всё же город и здесь же учатся… Он согласился. Пусть ребята живут в городе, он будет помогать, чтобы выучились, на ноги встали. Забрал пару рубашек, новый костюм и перебрался в родительский дом…

Мирон принялся перестраивать старый обветшалый дом, оставшийся от родителей. Не торопился. Он строил для сыновей, чтобы потом, когда его не станет, они будут приезжать сюда и привозить внуков. Добротный дом с двумя просторными светлыми комнатами, с кухней, а потом пристроил просторную веранду на две стороны дома, где была ещё как бы комната с двумя кроватями, с окном почти на всю длину, за которым виднелись речка, берёзовая роща и луга, хоть картины пиши. И повсюду на веранде вязанки духмяных трав. Летом спать – одно удовольствие. А вдоль веранды поставил высокое крыльцо с навесом, чтобы вечерами можно было сидеть на нём и разговаривать, а то и просто молчать, поглядывая на небо. Да ещё новый погреб сделал. Глубокий, просторный! По стенам полки, весь разгорожен. Тут тебе свёколка, здесь картошка, а там морковочка, а вдоль стен банки с соленьями-вареньями. Все поселковые бабы завидовали, как он хозяйство ведёт, а жене не нравилось, не нравилось и детям. Сколько пытался приучить к земле, бесполезно. Отмахивались да смеялись над ним. Зато приезжали сюда, чтобы в баньке попариться, в речке искупаться и позагорать на бережку, пока отец в земле возится, а потом посидеть за столом – это они любили, а вот работать не заставишь. Женились. Детей нарожали.

Уже внуки подрастали, в школе учились. А вскоре померла жена. От простуды. С подругами ездила на природу, на земле полежала, и всё. За неделю сгорела. Не удалось спасти. И после похорон Мирон вернулся в посёлок. В городе его ничего не держало.

Бывало, сыновья приезжали, но долго не рассиживались. Доставали соленья-варенья, что Мирон готовил, и всё чаще и чаще заводили разговор о продаже дома, да редкий раз звали к себе жить. Звали, а сами, как Мирон заметил, опасались, лишь бы не согласился. Потом придётся до конца дней ухаживать за ним, а у них планы другие, и не каждая жена согласится, чтобы в квартире жил старик. А Мирону было смешно, когда его называли стариком и про возраст говорили… А какой возраст, ежли недавно на пенсию вышел. В самом расцвете сил, но для детей он казался глубоким стариком, который сидит в своём доме и глаз не кажет, а если выходит во двор, только по нужде и не более того. А сами не замечали, что на столе огурчики да помидорчики солёненькие, а вот здесь свеженькие овощи, а в вазочке варенье смородиновое, да в чеплахе свеженькая, только с куста, лежит, и ухоженные грядки в огородике, и картоха на славу уродилась. Это они не замечали, наверное, думали, что так и должно быть на столе, а вот откуда берётся, сколько труда вкладывается в это, как-то не задавались вопросом. Но гостинцы любили. Все! Ни от чего не отказывались, всё забирали, что Мирон предлагал, – это же родительская помощь. Наверное, думали, что так и должно быть…

Мирон завздыхал. Не только у детей, даже у внуков не было тяги к земле. Не то, чтобы поработать, немного помочь, даже в посёлок не хотят приезжать, как женились и детей народили. Бывали… Да, бывали в посёлке. Мирон радовался, когда внуки и внучка приехали. Показал свою гордость – сад и огородик, а они ходили и смеялись. В саду побродили между деревьями да кустарниками, сорвали яблоки, а они ещё недозрелые, кислющие. Сморщились. Недовольно заворчали, что не мог спелыми угостить, бросили яблоки тут же и стали плевать на землю. На землю, которая людей кормит. И дед Мирон не выдержал. Рявкнул на них. Внучку по заднице шлёпнул, а внуков ухватил за уши, так и привёл в дом. Думал, сыновья поругают ребятишек, а они на него накинулись. Всяко называли и обзывали. А потом подхватились, по машинам расселись и укатили в свой город, только пыль столбом над дорогой поднималась.

С той поры дети всё чаще заводили разговоры, чтобы дом продал и в город перебрался. А куда в город, если квартиру, какая осталась после смерти матери, они быстро продали и едва не разодрались, когда деньги делили. Каждому казалось, что его обделили. Старший сын, Лёнька, к себе позвал. Говорил, что нужно продать дом, половину он заберёт, потому что отца к себе возьмёт, угол ему выделит, а младшие братья пусть вторую половину забирают. Даже повёз отца к себе, решил квартирой похвастаться. Большая хата, просторная. Была пятикомнатная, но стены разломали и сделали трёшку. Ему кровать выделили в комнате с внуками. Посидел на кровати. Посмотрел, что ребятишки бегают, на него внимания не обращают, словно не человек, а мебель перед ними. У сына времени не находится, чтобы с отцом поговорить. Ходит, хмурится. А его жена, Валентина, словно лимон проглотила. И всё морщится, мимо проходит, а сама нос ладошкой прикрывает. За стол позвали. Мирон присел на краешек стула и не знает, что ему делать. Валентина положила на тарелку салат – с ложку, не более. Он потыкал вилкой, поковырял и отодвинул. Похлебал жиденький супчик, где и мясом-то не пахнет. Хотел кусочек хлеба взять, да постеснялся. Жиденький чай отхлебнул и тоже отставил, ни вкуса, ни запаха – водичка подкрашенная. Два дня терпел, а потом собрался и опять в посёлок вернулся. Первым делом, когда вернулся, наварил картохи в мундирах. Достал банку огурцов. Зелёного лука надрал с грядки. Две-три головки чеснока положил. Соль крупная серая. Хлеб наполосовал. Сало с прослойкой с палец толщиной отрезал. Стопочку самогонки опроки-

нул. Наелся до отвала. Две кружки крепкого чая с душицей и мятой да смородиновыми листочками выпил. Вышел на крыльцо, подряд выкурил две папироски, осмотрел просторный двор и огород, взглянул на ровные грядки, на собаку, которая обрадовалась ему, когда он вернулся, прищурившись, взглянул на яркое солнце – такого в городе не увидишь, и зарёкся, что никогда в город не поедет жить. Никогда!

– Мирон, здорово, – заскрипела калитка, во двор зашёл невысокий мужик в галошах, пузыристых латаных штанах и в рубахе с дыркой на локте и направился к крыльцу, где сидел Мирон. – На вот, молочко принёс. А вечером моя баба творожок принесёт. Свежий. Говорят, собираешься уезжать, да?

И облокотился на перила, поглядывая на соседа.

– Я бы никуда не уехал, – задумавшись, сказал Мирон, – но чую, скоро меня выдавят, выживут из дома.

– Я не пойму, а зачем они хотят продавать дом? – пожимая плечами, сказал мужик и обвёл рукой, показывая. – Красота какая – живи да радуйся. Всё есть, что душе угодно.

– Как сказать… – Мирон глянул на соседа. – Понимаешь, Вань, сыновьям деньги нужны. Один квартиру расширяет, хотя уже и так пятикомнатная, второй машину хочет брать для жены, она, видите ли, не желает на работу на автобусе добираться, а младший надумал дорогой ремонт сделать и мебель поменять, поэтому донимают меня, чтобы продал эти хоромы.

И кивнул на свой дом.

– Ну, я бы не сказал, что они на одну зарплату живут. У всех машины, квартиры, а им всё мало. А они подумали, куда тебя девать, где ты станешь жить? – опять пожал плечами мужик и окинул взглядом добротный дом. – Не жалко продавать?

– Жалко, конечно, – завздыхал Мирон. – Здесь родительский дом. Я здесь родился и вырос. Думал, поставлю новый дом, детям останется, потом внуки станут приезжать. Но оказалось, им нужны только деньги и ничего более. Лёнька звал к себе. Побывал я в гостях и уехал. Не выдержал. Не хозяином, даже не гостем чувствую себя, а нахлебником. Ни поговорить, ни выйти. В комнате, как в клетке сидел. У внуков своя жизнь, у сына тоже своя, а я получается – не пришей кобыле хвост. Никому не нужен. Зачем такая жизнь – не понимаю.

– Не продавай! – возмутился мужик и хлопнул ладонью по перилам. – Пусть сами зарабатывают. Ты же знаешь, что многие хотят перебраться в наш посёлок. Вон повсюду, на каждом заборе, на каждом столбе объявления висят, что купят дом, даже в придачу свои квартиры предлагают. А ты решил продавать. Дураком будешь, настоящим дураком!

– Понимаешь, я обещал, Вань, – сказал Мирон, поплевал на окурок, затушил и положил в банку с водой, чтобы не полыхнул пожар. – Давно пообещал, если будет нужда, продам дом, но помогу ребятам. А они ухватились за мои слова и теперь покоя не дают. Как приезжают, так всю плешь проедают. Донимают меня. Так всю жизнь помогаю. Думал, женятся, будут своими семьями жить. Ага, ещё больше стали просить. Я не отказываю. Вон картоха, соленья, пусть берут, сколько смогут скушать, ан нет, ещё деньги подавай. Вообще житья не стало. Жалею, когда с Сонечкой разошлись, мне нужно было забрать ребят и самому воспитывать, а я оставил, и жена воспитала так, как она хотела. Это моя вина. Рад бы исправить, да поздно. Теперь расплачиваюсь за свои ошибки…

– Что будешь делать? – не отставал сосед.

– Наверное, продам, – сказал Мирон. – Другого выхода не вижу. Надоело слушать: ты должен, ты обязан, ты обещал… Никакого терпения не осталось. Продам, деньги выложу на стол, пусть делят, как хотят, а сам барахлишко соберу и куда-нибудь подамся. А куда самому отправиться, даже не знаю. Ума не приложу…

И замолчал, задумчиво поглядывая вдаль.

– Это… – сосед запнулся, а потом махнул рукой. – Слушай, Мирон, а если в Ивантеевке домик купить, всего полтора-два километра отсюда, а остальные деньги своим оглоедам отдашь? Там частенько продают. В Ивантеевке дома не хуже наших и люди хорошие живут. К примеру, мои кум с кумой. Главное – рукой подать. В любое время можно туда-сюда смотаться, хоть пешком, хоть на велосипеде. А напрямки, так вообще близко будет. Через мост перебрался, и вот тебе – деревня. Будем перекликаться с огородов, ну, а рюмашку опрокинуть, только помани, всегда прибегу или речку переплыву.

И хохотнул.

– О, напомнил, у меня есть первачок, – сказал Мирон и поднялся. – Могу угостить. Заходи, Вань…

– Нет, лучше на крыльцо вынеси, – отмахнулся сосед. – Что в избе сидеть, в потёмках? По рюмашке опрокинем, да я пойду. Делами займусь.

Мирон вынес бутылку, две стопки, чашку с помидорами и ломоть хлеба со стрелками зелёного лука. Разлил самогонку и протянул.

– Держи, Вань, – сказал он, нюхнул и передёрнул плечами. – Вонючая, зараза, но крепкая – страсть!

И медленно выпил.

Глядя на него, неторопливо выпил сосед. Охнул, вытирая слёзы. Замотал головой. Потом отщипнул кусочек хлеба и шумно втянул воздух.

– Ух, правда твоя, крепка, зараза! – сказал он и невольно передёрнул плечами. – Прям, как спирт, а может, и покрепче будет. Сразу по башке ударила, аж ноги ослабли. Умеешь же делать, Мирон! Говорят, в магазинах продают виски – это американская самогонка, но с твоей не сравнить. Я пробовал. Зять привозил. На двоих бутылку выпили, и бошки дурные, а твою опрокинул, как елеем по сердцу смазали. Ну, ладно, Мирон, я пойду. А ты подумай про Ивантеевку. Лучше места не найдёшь. Ты знаешь многих, и тебя знают. Подумай…

Сосед вышел на улицу, закурил, оглядываясь по сторонам, посторонился, когда мимо промчался мальчишка на велосипеде, а потом заторопился по тропке к своему дому.

Мирон налил ещё стопку, подержал в руке, поморщился, а потом одним глотком выпил, отломил крошку хлеба, шумно вдохнул, взял стрелку лука и захрустел, оглядывая просторный двор. Потом взглянул за речку. Там, вдалеке виднеются дома. Это Ивантеевка, про которую Иван говорил. Вроде бы деревня под боком, рукой подать, а все хотят сюда, в посёлок, переехать, потому что в посёлке целебный источник. Пройди по улице немного, с горки спустись, и вот он – бьёт из-под земли. Каждый день приезжают к нему люди. Некоторые останавливаются в поселковой гостинице, другие договариваются с жителями и стараются поближе к источнику заселиться, а некоторые устраивают палаточные лагеря возле речки и там живут неделями, а кто всё лето проводит в посёлке. Все хотят быть здоровыми. Специалисты говорили, кто источник проверял, будто многие болезни лечит. Мирон пожал плечами. Кто его знает, может, и правда. Бывало, сам ходил за водой. Ведро принесёт и пьёт. Полжизни за плечами, а в больницах не бывал. Много долгожителей в посёлке. Старики до ста лет доживают и хоть бы хны, да ещё рюмку-другую не отказываются выпить. А бабке Евдокии, если верить метрикам, уже давно за сотню перевалило, а она в огороде копается да носки вяжет всей огромной семье. Видать, правда, источник целебный…

– Здорово, батя, – во дворе появился сын, Лёнька, бросил сумку на крыльце, а сам принялся измерять участок земли, где стоял дом и был разбит садик. – Приехал, хочу участок измерить.

– Сынок, ты бы зашёл в дом, – не выдержал Мирон. – Не успел появиться, не успел минутку со мной посидеть, а уже подсчёты ведёшь. Не по-людски, сынок…

– Некогда, – сказал сын, что-то записывая в блокнот, а потом опять измерял, снова записывал и подхватился, помчался к калитке. – Я на днях заскочу.

И уехал.

А через несколько дней прикатил, да не один, а с каким-то хмурым, сутулым человеком. Вдвоём ходили по двору, сын показывал, объясняя, а тот всё кивал шишкастой головой, может, соглашался, может, думал, кто его знает, потом взглянул на Мирона, ещё сильнее нахмурился, что-то буркнул Лёньке и направился к машине.

– Батя, мы поехали, – зачастил сын и побежал вслед за мужиком. – Я приеду.

И снова умчался. А к вечеру опять прикатил. Распахнул калитку. Зашёл. Осмотрел двор и неторопливо направился к крыльцу, на котором сидел Мирон и чистил пяток картошек для супчика.

– Ну, батя, доставай рюмки, – закричал Лёнька, подошёл и облокотился на перила. – Не грех сбрызнуть.

– Что собрался обмывать? – покосившись на сына, буркнул Мирон. – Слишком весёлый…

– Всё, с покупателем договорился, – он потёр ладони и прихлопнул. – Он забирает твой дом. И даже задаток отдал. Вот, глянь! Правда, попросил, чтобы ты побыстрее дом освободил. Ты уж подумай, ладно? – и опять развеселился, показывая. – Глянь, отец, сколько денег – это всего лишь задаток.

И Лёнька потряс перед лицом пачкой денег.

– Задаток? – вскинул густые брови Мирон. – А почему без меня решил?

– Мы же давно всё обговорили, – заторопился Лёнька, достал пачку дорогих сигарет и задымил. – Можешь ко мне переезжать. Правда, я твою долю тоже отсчитаю. Продадим, половину заберу. Я же говорил, что хочу новую квартиру брать. Не боись, батя, для тебя угол всегда найдётся. Будешь жить, как у Христа за пазухой. Хватит в навозе ковыряться. Хоть на старости лет как человек поживёшь.

– Задаток, говоришь… – Мирон искоса взглянул на сына и медленно положил нож на ступеньку. – Угол, говоришь, выделишь… Вон отсюда! – закричал он и ткнул пальцем. – Вон, чтобы тебя не видел! Ишь, никак не дождётесь, чтобы дом продать. А никто не думал, как я буду жить. У вас одни деньги на уме. Вот что, сынок, моё последнее слово… Я покупаю другой дом, а остальные деньги можешь забрать себе, отдать дяде чужому или разделить на всех – это как твоя совесть позволит.

– Так у меня же планы были на твою долю, – возмутился, было, Ленька. – Мы же хотели…

– Планы на мою долю? – перебивая сына, поднялся Мирон. – А планов на меня не было? Вон отсюда! Вы ничего не хотите видеть, кроме денег. Эх, сынки, сынки! Упустил вас…

И, махнув рукой, он опять опустился на ступеньку, закурил и замолчал, хмуро поглядывая куда-то вдаль.

Лёнька потоптался, несколько раз заговаривал с отцом, но Мирон не отвечал. Тогда сын повернулся, недовольно заворчал, громко хлопнул калиткой и уехал.

Гавкнула собака, выглянув из будки, и снова спряталась. Жарко.

Мирон сидел, курил, а потом поднялся, прикрыл за собой калитку и, остановившись возле соседнего дома, постучал по забору.

– Слышь, Иван, выйди-ка, – крикнул он. – Что спросить хочу…

Заскрипела калитка. На улице показался сосед. Рукавом вытер вспотевший лоб и присел на скамейку.

– Что звал, Мирон? – сказал он и полез в карман. – Что случилось?

– Это… – Мирон задумался, а потом, словно решившись, кивнул. – Вань, а ты не знаешь, кто-нибудь в Ивантеевке продаёт дом?

– Всё-таки надумал? – сказал Иван и закурил. – Видел, сын приезжал. Опять поругались?

– Ай! – Мирон махнул рукой и поморщился. – Выживают из дома. Скоро приедут, за ноги за ворота выволокут, а дом продадут. Видать, не терпится. В глазах деньги светятся. Эх-хе-хе, жизня, мать вашу разэтак!

И тяжело вздохнул, сокрушённо качая головой.

– Ничего, в жизни было и похуже, – сказал сосед, поплевал на окурок и бросил под ноги. – Говоришь, кто продаёт? – он задумался, а потом звонко шлёпнул по лбу. – О, я же забыл! Ты знаешь Шурку Заварзину?

Мирон пожал плечами.

– Может, знаю, – сказал он. – Не помню…

– Как же – не помнишь? – сосед взглянул на него. – Шурка Сенькина, а по мужику – Заварзина. Она в проулке возле магазина живёт. А раньше у нас на почте работала. Потом, как с мужиком разошлась, перебралась в Ивантеевку и осталась. Да ты подкатывал к ней, когда один остался. Помнишь?

– Подкатывал? – нахмурился Мирон, вспоминая, а потом махнул рукой. – Скажешь тоже, Вань, подкатывал… Шурку помню. Хорошая баба, хозяйственная. Слышал, что развелась. Правда, думал, что опять замуж вышла. Видная она. Многие на неё заглядывались. И у меня, грешным делом, была такая мысля… Хотел, чтобы в доме хозяйкой стала, несколько раз поговорил с ней, но в последний момент пугался. Видать, отвык от баб за эти годы…

– А вот зря, что не решился поговорить. Глядишь, жизнь бы наладилась, – сказал сосед. – Ох, баба хорошая! Вот она решила свой дом продать, как я слышал. Сходи к ней. Поговори…

– А почему продаёт? – морщинки пробежали по лбу Мирона. – Собралась уезжать?

– Как тебе сказать, Мирон… – пожимая плечами, сказал Иван. – Слухи были, будто дочь в какую-то историю вляпалась, а теперь нужны деньги, чтобы ей помочь, другие говорили, что дочка хочет дом брать, а этот заставляет продать, третьи ещё что-то придумали… Всякое болтают… Дочка укатила за тридевять земель. Сюда ни разу не появлялась. Моя баба говорит, доченька переговоры заказывает, на тяжёлую жизнь жалуется и деньги трясёт с матери, как липку обдирает, а мать последние копейки ей отправляет. Вон, как твои оглоеды. И Шуркина дочь такая же… Да ты сходи, за спрос не даст в нос.

– Ладно, поговорю с ней, – сказал Мирон и поднялся. – Вечером схожу.

И направился по тропинке домой.

А вечером, когда по дороге прошло стадо, Мирон собрался и отправился в Ивантеевку. По тропке прошёл до мостика. Перебрался на другую сторону. Потом до магазина, свернул в проулок, приостановился, чтобы не ошибиться, посмотрел на дома, распахнул калитку и увидел Шуру, которая возилась в ухоженном садике.

– Не прогонишь, хозяйка? – Мирон прикрыл калитку и остановился. – Здравствуй, Шура!

– Кыш отсюда, зараза! – донёсся чуть хрипловатый голос, и, развернувшись, Шура ещё громче крикнула. – Куда лезешь, а? Кыш!

Мирон поперхнулся. Закашлялся. Не ожидал, что так встретят. Повернулся, чтобы уйти, и взялся за калитку.

– Кто там пришёл? – опять донёсся голос. – Проходите. Я курицу гоняла. Залезла, все грядки раскопала. Проходите, проходите…

Мирон покачал головой. Прошёлся по двору, осматривая. Дом небольшой, хороший. Фундамент высокий, сам рейкой обшит, на окнах ставни. Крыльцо высокое. А там веранда. Правда, небольшая. Но главное, что он успел заметить, садик и огород ухоженные. И двор не захламлён. Значит, хорошая хозяйка…

– А, Мирон, – вытирая руки, появилась Шурка, где-то одного возраста с Мироном, а может, чуток помладше, в рабочем халате, в косынке, прядь волос выбилась,

и она всё рукой поправляла, с глаз убирала. – Что случилось? Давненько тебя не видала, хоть и рядышком живём. Как поживаешь? Не ждала, что зайдёшь…

Сказала, сама улыбается, а взгляд серьёзный, вон, даже брови нахмурены.

– Слух прошёл, – Мирон увидел нахмуренный взгляд и запнулся. – Это… Говорят, будто дом решила продать?

– А тебе-то зачем? – усмехнулась Шурка, продолжая держать тряпку в руках. – У тебя же вон какие хоромы – любой позавидует. Решил второй взять, да?

– Как сказать, Шура, – задумчиво протянул Мирон. – Мне нужно продать свой дом, поэтому ищу новую хату. Пусть небольшой домик, но чтобы мне понравилось. Остальное сам сделаю.

– А зачем? – опять сказала Шурка. – Что в посёлке не живётся? У вас же куркуль на куркуле…

– Сыновьям нужно помочь, – нахмурившись, буркнул Мирон. – Пообещал, а теперь наседают на меня. Вот и продаю. В город не хочу, хоть старший сын зовёт к себе, но там не хозяином буду, а нахлебником, поэтому хочу остаться. Вот и спрашиваю про дом.

– Понятно, – протянула Шурка, присела на крыльцо и похлопала по ступеньке. – Иди сюда, Мирон. Посидим, поговорим…

Крыльцо было и останется местом, где отдыхают, где разговаривают или решают важные дела, а то просто сидят и слушают тишину, ночь или раннее утро. Каждый выбирает своё место на крылечке… Мирон присел на краешек. Закурил. Исподлобья посматривал по сторонам, всё хозяйством интересовался.

– Шура, а почему дом решила продать? – сказал Мирон и кивнул. – Уезжать собралась?

– Тоже хочу помочь, – запнувшись, сказала Шурка. – Вот и приходится продавать…

– Понятно, – кивнул Мирон и ещё раз оглядел дом. – Ну, что сказать… Дом понравился. Небольшой, но вполне хороший. Сколько просишь за него, Шура?

– А я думала, что пошутил, – усмехнулась Шура. – Решила, в гости ко мне пришёл, а ты вздумал дом покупать.

– Да какие шутки, – нахмурился Мирон. – Если бы не нужда, не стал бы свой дом продавать, а так… – он помолчал, потом сказал. – Уже покупатель приезжал. Сын сторговался. Через две-три недели меня попросят – это хорошо сказано, а в худшем случае, за ворота выставят.

Шура сидела, о чём-то думала. Потом повернулась к нему и назвала цену.

– Ох, ты, – закряхтел Мирон, почёсывая затылок, потом снова посмотрел на дом и махнул рукой. – Ладно, договорились! Правда, меня торопят. Когда будешь съезжать, Шур?

– Как скажешь, сразу освобожу, – закивала головой Шура. – В любой день переезжай.

Мирон закурил. В который раз взглянул на дом. Казалось бы, нужно радоваться, что удалось сторговать добротный домик, но почему-то радости не чувствовалось. На душе была горечь…

За несколько дней утрясли дела с продажей. Сын привозил покупателей. Походили по двору. Посмотрели. На Мирона даже не взглянули, словно его и не было. С сыном говорили. С сыном дела решали. И сын ходил, словно не отцовский дом, словно не свой дом, а чужой продавал. Спокойно, даже весело, вон как глаза заблестели, когда стали документы подписывать, а деньги увидел, вообще расцвёл. А отец… А что отец? Он своё пожил на свете, пора о душе подумать да детям обязан помочь. Дети – это главное…

Последние жёлтые дни осени. Мирон добрался до Ивантеевки. Присел на скамейку. Зажмурился, взглянув на солнце. Последние дни, а потом зарядят нудные обложные дожди и будут лить, пока морозы не ударят. А сейчас…

– Мирон, что случилось? – раздался голос Шуры, заскрипела калитка, и она присела рядом с ним на скамейку. – Что не заходишь?

– Глянь, как на улице хорошо, – он кивнул и опять зажмурился. – А скоро задует, зальёт, а потом морозы начнутся, завьюжит и всё – зима пришла. Эх…

Он вздохнул.

– Да, хорошо, – она кивнула. – Я тоже люблю осень, – Шура покосилась на него, а Мирон сидел, прислонившись к забору, и жмурился. – Ну, говори, что пришёл…

– Это, Шур… – запнувшись, сказал он. – На днях буду переезжать. Наши мужики обещали помочь. В общем, перебираюсь…

– Переезжай, Мирон, – пожимая плечами, сказала Шура и как-то съёжилась, словно росточком стала меньше. – Если меня не будет, ключи над дверью лежат. Откроешь и заселяйся. Я свои вещи почти все на веранду вынесла.

Мирон закурил. Сидел. Поглядывал на Шуру, молчал. Дымил: сильно, густо, сердито. На лбу морщины. Искоса взглянет и опять дымит.

А Шура сидела, опустив голову, и тоже молчала. На скамейку неслышно запрыгнула пёстрая кошка. Потёрлась об руку Шуры, замуркала громко, протяжно, ласково. Шура погладила кошку. Прижала к себе. Кошка ещё пуще замурчала. Обрадовалась, что хозяйка внимание обратила на неё. А Шура ещё сильнее сгорбилась, о чём-то задумалась.

– Слышь, Шур, а ты куда поедешь? – покосившись на неё, сказал Мирон. – Люди болтают, что дочь без копейки тебя оставила…

– А ты не слушай, что болтают, – неожиданно вспылила Шура. – Сказала, что переедешь, вот и перебирайся! Какая разница, куда поеду? Найду, где жить. Страна большая.

– Шур, не ругайся, – нахмурился Мирон и неожиданно сказал. – Знаешь, не нужно уезжать. Оставайся…

– Как оставайся? – опять покосилась Шура. – Что болтаешь-то?

– Тебе никуда ехать и не нужно, – задумчиво сказал Мирон, взглянув на дом. – Я всяко думал… Ты хочешь остаток жизни мотаться по углам и съёмным квартирам? Знаешь, Шур, можно сказать, у нас схожие судьбы. Не жалей, что произошло. Лучше думай о будущей жизни. Нас нигде не ждут. Никому не нужны. Ни детям – никому. Ничего не случится, если станем жить в одном доме. Не раздерёмся. А вот друг другу поможем – это точно. У нас годы такие, что нельзя без помощи, без поддержки…

– Как я могу остаться в чужом доме? – пожимая плечами, сказала Шура. – Ты хозяин, а я уже чужая.

– Оставайся и живи, – опять сказал Мирон. – И мне веселее будет. Вся жизнь прошла через пень-колоду. У тебя она была не сахар, и у меня не слаще. Вот и будем вдвоём пробиваться по жизни.

– Мирон, ты – мужик, а я же баба, – вскинулась, было, Шура и махнула рукой. – Сам подумай, что станут болтать по деревне.

– Мне говоришь, чтобы я болтовню не слушал, – Мирон засмеялся, искоса взглянув на неё. – А сама… Вот и ты никого не слушай. Оставайся и живи!

Мирон давно, ещё при первой встрече, заметил, что Шуре, ох, как не хочется уезжать из родного дома, где каждая вещь, каждый кустик для неё были знакомы, каждую мелочь могла найти впотьмах. Всё для неё было родным, а теперь придётся бросать и уезжать… Даже не уезжать, она вообще осталась без ничего, даже своего угла нет. Всё отдала дочке, а дочь забрала и даже не поинтересовалась, где станет жить мать. Вот и получается, что у Мирона и Шуры одинаковые судьбы, когда для детей деньги стали дороже, чем родители. Это страшно…

– Шура, в общем так, – Мирон поднялся, нахмурившись, взглянул на неё и кивнул. – В общем, нам места хватит. Не раздерёмся. Без куска хлеба тоже не останемся. Вон какое хозяйство! Справимся вдвоём. Ладно, я пошёл. Мне нужно вещи собрать. А ты жди, на днях приеду.

Мирон поднялся, постоял, посматривая на яркое осеннее солнце, а потом пошёл по узкой тропке, поглядывая по сторонам.

Прошло два-три дня, Мирон отправил вещи в Ивантеевку. Долго ходил по дому. Всё не мог расстаться. Возле одного окна постоит, посмотрит, возле другого остановится и опять выглянет. Родной дом, а в то же время уже стал чужим. Не думал, что придётся покидать родные стены, а всё-таки вынудили, чуть ли не взашей вытолкали. А всё ради чего? Да ради чёртовых денег, которые для сыновей были нужнее, чем родной дом, чем родной отец. А теперь он не нужен. Даже не приехали помочь, когда свои вещи в новый дом перевозил. Правильно! Обуза для любого из сыновей. И он чувствовал себя чужим, ненужным. У них своя жизнь, где для него места не нашлось. Приготовить забыли место-то. А зачем? Он будет мешать. И теперь ему нужно думать, как дальше жить…

Он вышел на улицу. Посидел на крыльце. Посмотрел на сад, где каждое дерево знал в лицо, а они знали его. И когда он заходил, казалось, листья сильнее начинали шуршать на ветру, будто ждали его, словно разговаривали, а теперь…

Мирон вздохнул. Поймал пробегающую мимо кошку. Прижал к себе. Отцепил собаку. Она заскулила, заметалась по двору, а потом снова заскулила: тоненько, протяжно, жалобно. Мирон постоял, посматривая по сторонам, посмотрел на тяжёлые тучи, что затянули всё небо, вышел на улицу, оглянулся, словно хотел вернуться, а потом махнул рукой, позвал собаку и тихонечко пошёл в сторону Ивантеевки.

Собака, поджимая хвост, бежала рядом с ним. Кошка пригрелась под курткой, тихо замуркала. Наверное, радовалась, что хозяин не забыл про неё. Дождь всё сильнее расходился. Посыпала мелкая водяная морось. Скользко. Мирон выбрался на обочину и по траве заторопился к дому. Во дворе оглянулся и, не заметив собачьей будки, завёл собаку на крыльцо под навес, оставил возле двери на половичке, а сам зашёл, отпустил кошку, и она, припадая к полу, проскользнула в избу и исчезла.

Мирон снял обувь. Прошёл в горницу. Шура сидела за столом, положив руки на колени, и молчала, поглядывая на него, смотрела на плачущее окно и опять на него. Мирон подошёл. Присел на табуретку напротив неё. Сидел и тоже молчал, не зная, как себя вести, что говорить. Казалось бы, его дом, а чувствовал себя чужим, и домто был чужим, неродным. А для Шуры этот дом навсегда останется милым и самым любимым, где она знала каждую мелочь, каждую трещинку, каждое деревце и кустик в саду. Для неё дом родной, да она не хозяйка в нём…

Осенний обложной дождь сипел, сеял, скрывая округу в туманной дымке. Хмурилось небо. Тучи тяжёлые, низкие, дождь мелкий и нудный. Дождь будет сеять изо дня в день, заставляя людей прятаться в домах, опустеют улицы. Лишь изредка вдалеке прошумит машина, и всё на этом. Но всё же когда-нибудь выглянет солнце, и золотом вспыхнут осенние листья: густо, солнечно, красиво. И опять вернутся прозрачные, тихие осенние дни, а в дом, может быть, рано или поздно, но всё-таки придёт запоздалое осеннее счастье.

Осеннее счастье: не такое яркое, но солнечное и поэтому – тёплое…

Позднее возвращение

Леонтий Шаргунов вернулся из госпиталя в начале осени, когда зачастили дожди, листва на деревьях пожелтела, а в низинах заколыхался туман. Война уже второй год как закончилась, а он только приехал.

Солнце повернуло на закат, когда Леонтий появился в деревне. Одной ноги у него не было, вместо нее деревянный чурбак, затянутый выше колена широкими ремнями. На другой ноге запыленный разбитый сапог. Сам в галифе, в гимнастерке, на которой поблескивало несколько медалей. Пилотка сдвинута на бровь, а за плечами тощий вещмешок.

Леонтий долго стоял за околицей, поглядывая на деревню. Задергалась щека, а потом затряслась и голова. Он схватился за нее рукой, словно хотел придержать, и зло матюгнулся. Нервное, как сказал врач в госпитале, пройдет со временем. А может, и нога отрастет. И хохотнул. Леонтий в ответ криво усмехнулся. Ладно, если бы кусок мяса выдрало – это дело наживное, а вот молодому без ноги остаться, да еще в деревне, – это большая беда. Тут и здоровому мужику ни времени, ни рук не хватает, чтобы по хозяйству успеть, а он, Леонтий, теперь обрубок.

Достал кисет. Руки дрожали. Пока прикуривал «козью ножку», просыпал табак. Несколько раз затянулся, поплевал на ладонь, затушил – и вытрусил остатки обратно в кисет: пригодится. Прислонился к дереву, расстегнул ремень. Поморщился, растирая култышку. Устала нога, ноет, спасу нет! А еще тащиться на другой конец деревни, да на виду: вечер, уже все с работы домой пришли... Леонтий не раз пожалел, что решил вернуться в деревню. Лучше бы не возвращался. Для всех лучше, и для жены – тоже...

Он еще немного потоптался, потом сплюнул, закинул вещмешок за спину и захромал по разбитой дороге: скрип-шлеп, скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Леонтий шел медленно, искоса поглядывая на избы. Кое-где мерцал свет. Где-то громыхнуло ведро, сразу захотелось пить. Он подошел к колодцу. Ухватившись одной рукой за высокий сруб, второй стал крутить ворот. Достал воды, сделал несколько глотков – кадык заходил ходуном. Леонтий слил воду на корявую жесткую ладонь, плеснул на лицо, опять слил и плеснул... Гимнастерка намокла, пошла пятнами. Он пригладил короткий ежик волос, поправил вещмешок – и опять по деревне: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Изредка кто-нибудь из жителей появлялся на улице. Заметив солдата с вещмешком, люди жадно всматривались в его лицо, а потом долго провожали взглядом.

Скрип-шлеп, скрип-шлеп, скрип-шлеп... Леонтий морщился, когда оступался, и снова шагал, стараясь не смотреть по сторонам, чувствуя, что за ним наблюдают. Казалось бы, родная деревня, но сейчас никого не хотелось видеть: устал за долгую дорогу. Да и радости от возвращения он не испытывал. Не было ему здесь жизни в прошлом, а теперь тем более не будет.

Скрип-шлеп, скрип-шлеп...

Наконец Леонтий добрался до дома. Вокруг поразрослись бузина да кусты сирени. Постоял, хмурясь, исподлобья поглядывая на темные окна. Все же решился – толкнул калитку, но не стал закрывать: пусть стоит распахнутая. Прошелся по заросшему двору – повсюду татарник да репей, – сбросил мешок на крыльцо, неуклюже развернулся и уселся на пыльную скрипучую ступеньку. Тяжко, со всхлипом вздохнул. Расстегнул ремни. Деревянная нога громыхнула и съехала на землю. Достал кисет, свернул «козью ножку» и задымил.

Ну, вот он и вернулся домой. А ждут ли его здесь? Вряд ли...

Махра потрескивала искрами, а потом едкий дым подхватывало ветерком, закручивало и уносило. Леонтий сгорбился, под гимнастеркой топорщились худые лопатки. Он сидел и, время от времени поглядывая по сторонам, морщился, растирая обрубок ноги.

За забором раздался чей-то голос. Ударили по доске, и донеслись шаркающие шаги.

– Это... Что расселся, прохожий? – пробубнил низенький лысый мужичок и пошкрябал волосатую грудь. – Что, говорю, сидишь-то? – Он махнул длинной рукой: – Ступай, ступай отсюда! Видишь, хозяйки нет? Вот и нечего соваться. Иди, пока я тебе пятки в обратную сторону не завернул.

– Да пошел ты! – буркнул Леонтий, продолжая растирать культю. – У, зараза, разнылась!

– Шагай, тебе сказано, нечего по чужим дворам шариться! – громко зевнул

мужик, потянулся, а потом всмотрелся в Леонтия и удивленно отмахнулся: – Да ну, не верю... – Подступил ближе, склонился к солдату, хотел было опять зевнуть, но быстро закрыл рот, аж зубы клацнули. – Ленька! Ты, что ли? Ты вернулся?! На тебя же похоронка давным-давно пришла! Мол, погиб смертью храбрых, похоронен в братской могиле... А где – я забыл. Сам читал. Варвара твоя как получила похоронку, так в обморок и грохнулась, едва откачали. Все продолжала ждать от тебя вестей, не верила, что ты погиб. Ага... Война как закончилась, все деревенские мужики, кто в живых остался, домой вернулись. Мы, как соберемся, всё тебя поминали в числе погибших. А Варька каждый день на дорогу выходила – высматривала, не идешь ли. И вот ты сидишь здесь живой... Как же так, а? И правда живой, чертяка!

Мужик не удержался, хлопнул широченной ладонью солдата по спине так, что тот покачнулся и закряхтел.

– Слышь, Агафон, что ты размахался ручищами? Чуть спину не переломил, черт длиннорукий! Что на всю деревню разорался? Ну, пришел я, ну, живой – и что?

– Так это же я от радости... Ага! Много наших мужиков полегло, а ты уцелел! Я что говорю... За такое нужно выпить! – Агафон звонко щелкнул по горлу, а потом, словно невзначай, поинтересовался: – Слышь, Ленька, а где же ты столько времени пропадал? Неужто в лагерях побывал? Или какую-нить бабу утешал и забыл про свою Варьку? Сейчас же много такого добра. Сам знаешь, мужиков-то не хватает. На вес золота, так сказать...

– Какие лагеря, какие бабы, что ты мелешь помелом-то? – рассердился Леонтий. – Нога не заживала. Гангрена. Отпилят – а она опять гниет, отпилят – а она опять... Я сразу говорил, чтобы отрубили по самую мошонку и всё на этом. Ан нет, они же умные, всё знают и умеют. Говорят: «Пытаемся спасти». А что спасать, если уже гангрена пошла? Сами измучились и меня измохратили. Ладно, не подох, живучий оказался. Кое-как выкарабкался. Еле-еле душа в теле...

И заскрипел зубами – протяжно, громко, до озноба.

А потом принялся стаскивать сапог с ноги. Уцепился задинкой сапога за ступеньку, склонился, удерживая его, и запыхтел, заматерился, когда нога соскочила. Опять зацепился, снова стал дергать – и новые матюги, еще хлеще прежних.

– Погоди, Ленька, не психуй, – подскочил Агафон, ухватился за сапог и за ногу, дернул раз, другой... Примерился, рванул – и Леонтий съехал со ступеньки. – На, держи свой сапог. Нога-то не оторвалась, когда дерганул, а? – Агафон засмеялся, мелко затрясся. – Меня на фронте всегда звали, если сапоги прирастали к ногам. Почитай, сутками на ходу, сапоги некогда снять, портянки перемотать. Вот и прирастали. Глянешь, а от портянок одно название осталось. И твоя портянка сопрела, гляди... Ты, Ленька, посиди чуток, сейчас вернусь. Отметим приезд.

Он щелкнул толстым пальцем по горлу, а потом заторопился со двора.

Леонтий пошевелил пальцами. Кожа белая, рыхлая, местами сбитая до кровяных мозолей, а ногти на ногах толстые да желтые, и такой запах... Он пожамкал в руках вонючую портянку, та под пальцами стала расползаться. Нахмурился, хотел было выбросить, а потом повесил на крыльцо. Авось, еще послужит, когда просохнет.

– Ну, Ленька, давай за твой приезд выпьем! – закричал Агафон, появляясь в калитке, и бултыхнул бутылку с мутноватой белесой жидкостью. В другой руке он держал стопки и две вяленые рыбки. Засеменил к крыльцу. – На, держи...

Сунул одну стопку Леонтию, сам зубами вытащил пробку из бутылки – и забулькал самогон.

– С возвращеньицем!

Чокнулись. Выпили.

Леонтий поморщился: отвык. Выпивал при случае, но так, чтобы каждый день, не было желания. Он пошкрябал щетинистую щеку, достал кисет и принялся сворачивать «козью ножку». Закурил. Следом засмолил и Агафон. Поставил чурбак на-

против крыльца, уселся на него и дымил, поглядывая на соседа, на обрубок ноги и большой деревянный протез со сбитой набойкой. Похвастался:

– А я всю войну прошел – и ни одной царапины! Бывало, после боя глянешь: вся шинелька в дырах, а сам целый. Ага...

– У каждого своя судьба, – буркнул Леонтий. – У нас был такой же, как ты: тоже ни одного ранения, словно заговоренный. А через речку переправлялись – он утонул. Видишь, как судьба распорядилась...

– А для чего такие большие оглобли сделал? – Агафон ткнул в протез. – Ничего промеж ног не натерло? Гляди, отвалится хозяйство-то. Как же без него будешь, а?

И хохотнул, довольный.

– За свое хозяйство беспокойся, – покосился на него Леонтий и высыпал остатки табака в кисет. – Так удобнее ходить. Не потеряется. Ремнями привязал к ноге и шагай. Первый протез выстругал, так на ходу мотылялся, все колено истер. Вот и придумал с такими оглоблями. Подушечку под колено сделал, рюмку для култышки и ремни присобачил. Култышку сунул, захлестнул ремнями – ни в жизнь не соскочит. Проверено.

– Ага, понятно, – закивал Агафон и потянулся к бутылке. – Давай-ка еще раз за твое возвращение. Живой пришел, глянь-ка! – и удивленно мотнул башкой.

Выпили еще по стопке. Леонтий оторвал рыбий хвостик, погрыз и опять вынул кисет. Курил, поглядывая по сторонам. Вон сарай покосился. Огородишко зарос сорняками, а поле, где картоху сажали, почти все бурьяном покрылось. Лишь поближе к избе земля чернеет. Раньше-то поболее засаживали... В старые времена по осени картоху выкапывали, а нынче уже убрали. А может, даже и съели – кто знает. Он вздохнул.

– А что домой не писал? – покосился на него Агафон. – Как ушел на войну, так и пропал. Ни слуху ни духу...

– Что спрашиваешь-то? – Леонтий сгорбился, уткнулся взглядом в крыльцо. – Сам знаешь, как я жил.

Жизнь у него еще до войны не заладилась. Свела судьба с Варварой, но так и остались чужими друг для дружки. Да и женились как-то не по-людски. Слишком быстро все закрутилось. Немного погуляли, а потом расписались. Может, как говорят, влюбился по уши: девка-то красивая была, мимо не пройдешь – оглянешься. А может, чем-нибудь опоили, чтобы дальше своего носа не видел. На следующий день, когда свадебные гости опохмелились, кто-то с ехидцей сказал, что баба у него блудливая, как мартовская кошка. Леонтий не выдержал, обозвал жену по-всякому и оттолкнул от себя, а она взглянула и промолчала, ни слова не сказала в ответ, лишь нахмурилась и в избе скрылась. Он сидел на крыльце словно оплеванный и не знал, как быть дальше. Ударить кулаком по столу и сказать гостям, что не останется с Варварой, потому что его обманули? Засмеют и не поймут: сам же выбирал невесту, вот и живи теперь. И никуда не денешься.

Стали жить. Леонтий думал, перемелется – все забудется, но, видать, бесполезно. Не простила его Варвара, затаила обиду. Первое время возвращался домой, по хозяйству возился, ночью совался к жене, а она словно бревно лежит или отвернется и молчит. До замужества веселая была да ласковая. Дня не мог прожить без нее. А потом будто наизнанку вывернули... Замолчала с той поры, как он ее при людях обругал, и ни словечка не говорила.

Детей не было. Пустая оказалась.

По деревне про нее всякие слухи гуляли. Говорили, будто у Варвары раньше был заезжий хахаль, с которым она было уехала да через две недели вернулась. Всё думали, за ум возьмется. Ага, как же! Другого ухажера подцепила и назло всем закрутила с ним любовь, потом третьего... А потом Леонтий подвернулся – молодой, глупый. Окрутили его Варька с ее матерью, башку задурили и женили простачка... И

еще всякое шептали.

Так и жили молодые супруги – каждый сам по себе. Он дневал и ночевал на работе. Она собиралась и тоже уходила. Леонтий вернется домой, а ее нет. Появится, молчком сунется на кровать и не шевелится, а начни говорить – будто не слышит. И лаской пытался образумить, и смертным боем бил, а Варвара отлежится – и снова в молчанку играет. Потом Леонтия на войну забрали. Ни слезинки не проронила, когда провожала. Все смотрела на него, за руки хватала и старалась в глаза заглянуть, но молчала. Он буркнул, что прощает все ее грехи, но больше к ней не вернется, потом уселся на подводу и ни разу не оглянулся, пока деревня не скрылась из виду.

А сейчас приехал – и для чего?..

Леонтий помедлил, взглянул на соседа, выпил, отмахнулся от закуски и, уткнувшись носом в пропахшую потом гимнастерку, сгорбился на ступеньке.

– Устал я, Агафон, – сказал он. – И раньше была жизнь через пень-колоду, и сейчас вернулся, не знаю, зачем. Сижу, а в избу не захожу. Словно не моя она, а чужая. Как будто мимо шел, присел немного отдохнуть и сейчас дальше отправлюсь. Видать, вся наша жизнь – это дорога. Только у кого-то она гладкая, а у меня – вся в колдобинах...

– Знаешь, Ленька, у каждого в жизни колдобин хватает, – перебил Агафон. – Не успеваешь перепрыгивать и обходить. И люди не станут разбираться, кто или что тебя толкнуло в грязь, а тут же начнут судачить. Вот помочь отмыться и встать на ноги согласится не каждый, потому что всегда легче осудить, чем протянуть руку.

Они сидели и молчали. Изредка курили, а еще реже наливали самогонку и выпивали. Потом Агафон поднялся.

– Ну, бывай, – сказал он. – Подумай над моими словами, а я пошел. Умотался сегодня. На ходу засыпаю. – И громко, протяжно зевнул.

Направился к калитке, но потом обернулся.

– Слышь, а что про Варьку-то не спрашиваешь? Все-таки жена...

Леонтий пожал плечами.

– А зачем? – сказал он. – У Варьки своя жизнь, а у меня...

И махнул рукой.

– Уехала она, – зевая, сказал Агафон. – Немного не застал. Дня два как уехала, а куда – не знаю.

И ушел.

Леонтий невольно оглянулся на дверь. Уехала... Кажется, на душе стало легче, но в то же время навалилась усталость. Он боялся этой встречи, но в душе хотел увидеть ее, свою жену. Посмотреть, какой она стала за эти годы. Хотя какие годы, если его в середине войны забрали... Такая же осталась, как раньше. С ним холодная, словно ледышка, зато с другими была горяча, как шептались в деревне. Леонтий ушел на фронт и ей руки развязал: делай, что хочешь...

Он чертыхнулся. Хватит о ней думать и себя накручивать!

Долго поднимался, схватившись за шаткие перила. Придерживаясь за стену, допрыгал до двери. Она не заперта: зачем, если нечего воровать. Толкнул – заскрипела и распахнулась. Уже в сенях до боли знакомые запахи. На ощупь нашел в темноте дверь в избу, дернул. Не получилось переступить порог. Опустился на щелястый пол, на карачках пробрался внутрь. Прислонился к печке. Холодная, а все равно пахнуло хлебом и дымом. В животе заурчало. Леонтий уже забыл, когда в последний раз ел, да и желания раньше не было: покурил, водички попил – и хватит.

Заполз в горницу и опять прислонился к стене. Стена обшарпанная, давно не мазанная и не беленная. Взглянул по сторонам – и закашлялся, задохнулся. Частенько ему на фронте и потом в госпитале ночами снилось, как он сидит за столом, а на столе чугунок с картохой, рядом капуста лежит и полная чашка соленых рыжиков, а здесь груздочки выглядывают, а в другой чашке судак и щука соленые – сам

на зиму заготавливал. Каждый год опускал в погреб по два-три бочонка с рыбой, потом всю зиму питались с картошкой, с соленьями, а если еще под стакашок... И, как ни странно, Варвара снилась. Иной раз Леонтий чертыхался, а бывало, тоска накатывала, да такая, что хоть волком вой или о стену головой бейся!

И всегда была какая-то недосказанность в этих снах. Варвара стоит перед ним и смотрит, словно в душу заглядывает и выворачивает ее – эту душу, и вроде что-то хочет сказать. Потянется ему навстречу, а потом плечики поникнут, и стоит сгорбившись. Леонтий руку начнет к ней протягивать, а рука неподъемная, с места не сдвинешь. Рванется к ней – и тут же просыпается, а потом весь день смурной ходит...

– Эй, хозяева! – С улицы донесся густой голос, и раздались медленные тяжелые шаги. – Что свои ноги разбросали по всему двору? Ни пройти, ни проехать.

Заскрипела дверь. Склонившись, протиснулся высокий мужик, аккуратно приставил протез к печке, а сам заглянул в горницу.

– Здорово, Ленька! – забасил он, подхватил Леонтия и принялся тискать. – Здорово, чертяка! Живой, ёшкин малахай, а мы уж тебя тыщу раз похоронили! Значит, будешь жить вечно... – И опять тискает.

– Пусти, Панкрат! – захрипел Леонтий, стараясь вырваться из цепких рук. – Все ребра переломал, ирод!

– А мне Агафон говорит, ты вернулся, а я не верю. Сам знаешь, какой он болтун, – продолжал басить мужик. – С того света не возвращаются. Ага, ёшкин малахай... Думал, он лишку выпил. Присмотрелся – вроде трезвый, и по глазам видно, не врет, зараза. Ну, я у своей бабы пузырек забрал ради такого случая, немного снеди прихватил – думаю, ты же голодный вернулся – и сюда подался. Гляжу: точно, возле крыльца нога валяется. Не обманул Афонька! Аж дух занялся, так обрадовался. Ведь тебя же давным-давно схоронили, ёшкин малахай. Одна твоя Варька не верила, что ты погиб. Всё ждала...

И Панкрат опять полез обниматься. Потом дотащил Леонтия до стола и посадил на шаткую табуретку.

– Здесь чуток посветлее будет, – сказал он, вытащил из кармана бутылку, заткнутую бумажной пробкой, положил на стол большой сверток и метнулся на кухоньку. Загремел чем-то, захлопали дверцы, и Панкрат опять вернулся. – Вот, разыскал, – сказал он, поставил стаканы и разлил выпивку. Потом развернул сверток и придвинул к Леонтию. – Это для тебя, ёшкин малахай. Давай-ка опрокинем по стопке, и принимайся за еду. Истощал, кожа да кости остались! Ну, ничего, были бы кости, а мясо нарастет. Откормит тебя Варвара, поставит на ноги...

И запнулся, исподлобья взглянув на Леонтия. Тот промолчал, лишь сильнее нахмурился.

– Ну, «провались земля и небо, мы на кочках проживем», как мой батяня говорил. Давай-ка опрокинем за приезд, – сказал Панкрат, медленно выпил и затряс головой. – Ух, зараза, аж слезу вышибает! – И тут же ткнул пальцем: – Ты покушай, Ленька, покушай. Оголодал, пока добрался. Правда, мало разносолов. Голодновато в деревне, но ничего, не помрем – привыкшие.

Леонтий взял со стола маленького жареного окунька и принялся его грызть, обгладывая и обсасывая каждую косточку. У, вкусно-то как! Всякую рыбу пробовал, а своя намного вкуснее. Родная, можно сказать.

– Давай еще по стопке опрокинем, – подтолкнул Панкрат. – Ну и что, что темно? Мимо рта не пронесешь!

И снова закряхтел, закашлялся. Потом закурил, и огонек выхватывал из тьмы уставшее лицо, заросшее щетиной, и пальцы с обгрызенными ногтями.

– Ну, рассказывай, почему задержался, – наблюдая за Леонтием, сказал сосед. – Афонька говорил, что в госпитале валялся. А почему не писал домой? Все обиду держишь на Варвару, да?

– А тебе какое дело? – не стерпев, рявкнул Леонтий и бросил рыбью голову на стол. – Что лезете в душу? Один зашел, взялся учить, сейчас ты нос суешь... В своих семьях разбирайтесь, а ко мне не приставайте, не то враз отлуп получите. Ишь, защитнички выискались!

Не удержался, схватился за бутылку, налил в стакан, выпил и замолчал, поглядывая в темное окно.

– Дурак, – спокойно, даже неторопливо пробасил Панкрат и повторил: – Дурак! Развыступался, ёшкин малахай! Сам виноват. Поменьше бы других слушал, а побольше бы Варькой интересовался. Внимание уделял, так сказать. Глядишь, жили бы как люди. Ладно, потом поговорим... Лучше скажи, как в госпиталь попал, почему похоронку прислали?

– Как обычно попадают – ранили, – буркнул Леонтий. – Осколком зацепило. Гангрена началась. Если бы сразу отрезали ногу, давно бы приехал, а они «спасали». И на кой черт она нужна такая? – Он хлопнул по обрубку, поморщился – больно. – Это же не мужик, с такой култышкой, тем более в деревне: ни копать, ни пахать. Молодой еще, жить да жить, но уже стал обузой. Ай, да пропади всё...

Махнул рукой и отвернулся.

– Какая обуза, если всего полноги не хватает? – хохотнул Панкрат. – Вон возьми нашего Николая Дронова. Ну, у которого дом возле речки. Да ты знаешь его, ёшкин малахай! У него три култышки и рука крючком, а он живет да еще умудрился ребятенка сделать. И баба его рада-радехонька, пылинки с него сдувает. А ты: обуза, обуза... Кому – Варьке, что ли, обуза? Да ну, скажешь тоже...

– Что ты заладил: Варька, Варька... – взъярился Леонтий и крепко хлопнул ладонью по столу. – У нее своя жизнь, а у меня своя. Понял? Я вообще не хотел возвращаться. Никто не ждет меня. Некому ждать.

– Дурак, ох, дурак! – покачивая головой, сказал Панкрат и поднялся. – Ладно, я пойду, пока не разругались. Вижу, разговор не получается. Отсыпайся с дороги. Скажу своей бабе, чтобы завтра к тебе заглянула. Чем-нибудь поможем. – Постоял, помолчал, потом все-таки сказал: – А Варька твоя, чтобы ты знал, за десятерых ломила в войну, когда всех мужиков на фронт забрали. Всех баб поддерживала, с любой бедой к ней бежали, а она помогала. Последний кусок ребятишкам-сиротам отдавала, а сейчас поехала... – Он запнулся, а потом махнул рукой: – Смотришь далеко, а под носом ни шиша не видишь. Эх ты, горе луковое...

И ушел, хлопнув дверью.

Леонтий долго сидел за столом. Темно за окном, а в избе еще темнее. Руку протяни – и не увидишь. Курил. Вспыхивал огонек, выхватывая из темноты край стола, или отражался в мутном стекле. Леонтий потушит окурок, вытрусит в кисет и снова сидит. Обо всем думал. Мелькали перед ним обрывки прошлой жизни. Одни исчезали, другие складывались в какую-нибудь картинку. То война вспоминалась, то довоенное. Вот отец мелькнул, давно уж его нет в живых. Надо бы на могилки сходить к родителям, да и деда с бабкой проведать. Всех родных Леонтий схоронил. Один был у матери с отцом. Мать он помнил плохо: какой-то смутный образ, запахи больницы... А потом она померла. Леонтия воспитывал отец. Да как воспитывал, если его дома-то не было, все на работе пропадал? Вернется, повозится по хозяйству, что-нибудь перекусит и спать заваливается... Однажды по весне отец стоял на обрыве, смотрел, как вода прибывает, а край обрыва обвалился, и ушел под воду. Отца нашли в топляках, когда вода на спад пошла.

Пришлось Леонтию самому заниматься хозяйством. Не до учебы стало, рано пошел работать, а подошло время – женился, но жизнь как-то не сложилась. Конечно, Леонтий и себя за это корил, но Варвару – больше: мол, люди зря не будут говорить, дыма без огня не бывает. С другой стороны, может, со всем бы они справились, если бы он, мужик, ей плечо подставил. А он, получается, оставил ее

одну со всеми бедами-напастями: мол, разбирайся, как знаешь... Вспомнил он, как они с Варварой познакомились, как гуляли, о чем разговаривали... Что ни говори, а с ней было интересно! И смеялась она так, что и не захочешь, а следом за ней зальешься. А уж как взглянет...

Леонтий чертыхнулся: все-то она в башку лезет! Неуклюже поднялся. Придерживаясь за стену, допрыгал до кровати в углу. Скинул гимнастерку и повалился на матрац. Покрутился, устраиваясь на подушке, – и от нее Варварой пахнуло, как показалось. Хотел сбросить подушку на пол, а потом обнял покрепче и уснул, словно провалился. Все, он дома...

Едва рассвело, Леонтий был на ногах, если можно так сказать. Сунул свой обрубок в протез, захлестнул ремнями, вышел во двор, постоял, поглядывая по сторонам, потом взял ведро и как был в нательной рубахе, так и направился к колодцу: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

– Ой, гляньте-ка, Леонтий воскрес из мертвых! – протяжно, с ехидцей, заголосила толстая баба, стоявшая возле колодца. – Прикатил, а его раскрасавица умызнула. Видать, поехала нового хахаля искать...

– Дура ты, Глашка! Что языком-то поганым мелешь? – всплеснула руками старушонка в широкой юбке до земли, в кацавейке и теплом платке. – Не знаешь – не болтай! Здрасте вам, Леонтий Матвеич! – Она склонила голову. – Вот радость-то, живым вернулись! А Глашку не слушайте. Завистливая баба.

– А чему завидовать-то? – уперев руки в бока, возмутилась Глафира. – Что у него баба гулящая или что он безногим воротился? Хе-хе, вот радость-то! И Варька не баба, и он не мужик. Так, две половинки... – И поджала тонкие губы.

– Стыда у тебя нет! – покачивая головой, протяжно сказала старуха. – Не слушай ее, Леонтий Матвеич! Твоя Варька – золото, а не баба.

– Золото для других? – буркнул Леонтий, подхватил ведро и медленно направился к дому: скрип-шлеп, скрип-шлеп...

– О, баб Дуся, слышала? Сам Ленька сказал, что его Варька еще та гулена! Всех мужиков перебрала, огни и воды прошла, шалава подзаборная, – опять зачастила Глафира. – Горбатого могила исправит. Так и ее...

– Да замолчи уже! – сердито прошамкала старуха. – Сама не живешь и другим не даешь. Распустили сплетни на пустом месте, ославили девку на всю деревню... Вот погоди, скажу твоему мужику, пусть он тебя проучит!

– Тоже мне напугала – мужик! Да я сама его... – начала было Глашка – и ойкнула, когда рядом с ней вдруг загудел тягучий бас. – Коленька, я же пошутила... Конечно, ты настоящий мужик... А-а-а!..

– Правильно, Коля, так ее, заразу! – донеслось от колодца. – Приструни немного, чтобы почем зря языком не молола.

Во дворе Леонтий скинул исподнюю рубаху и принялся мыться холодной водой. Охал, фыркал, намываясь. Потом вытерся утиркой, висевшей на крыльце, подхватил рубаху и зашел в избу.

Усевшись за стол, сразу налил в стакан, выпил. Закряхтел, замотал головой: ух, крепка самогонка! Потом схватил окунька и принялся грызть. Достал из свертка, что оставил Панкрат, две небольшие картошки. Очистил одну: внутри почерневшая. Все равно откусил и зажмурился. Опять налил и выпил. Закурил. Стал осматриваться.

Впотьмах-то накануне родную избу не разглядел. Все такое знакомое, но в то же время чужое. Как он вчера сказал соседу, «будто я мимо проходил и просто присел отдохнуть». Так и сейчас было, но уже как будто немного отступило и притупилось... Стол, табуретки, кровать в углу, над ней простенький коврик. Рядом сундук, а в нем, как он помнил, его костюм, рубахи и ботинки, Варькины платья и прочие тряпки. Возле окна этажерка, на ней две-три книжки, огрызок карандаша, шкатулка – все нажитое богатство. А в углу икона виднеется. Это Варвара с собой принесла,

когда они с Леонтием поженились. Странно, если насовсем уехала, почему ее не забрала? Леонтий сдвинул брови. Знал, что жена дорожила этой иконой, которая ей будто бы еще от бабки досталась. Икона здесь, а Варвары нет, и куда укатила – непонятно, все молчат...

Леонтий поднялся. Придерживаясь за стены, вышел во двор. Распахнул дверь в сараюшку. Тишина. Раньше, хоть и жили сами по себе, а здесь и свинка была, даже не одна, и кур десятка два, и гуси ходили, и козу держали. И за всем этим хозяйством Варвара присматривала... Тьфу ты! О чем бы ни подумал, все думки неминуемо к Варьке сходятся!

Огляделся в полутьме. Скрип-шлеп, скрип-шлеп. Подошел к закрытой двери, звякнул щеколдой – открыл. Остановился на пороге. Здесь он столярничал. Верстак в углу, на нем лежит весь инструмент, на стенке пилы, угольники да линейки. Он постоял, рассматривая. Каждая вещь на своем месте, как он привык держать. Наверное, Варвара позаботилась... Вот черт, опять! Грохнул дверью и направился в избу: скрип-шлеп, скрип-шлеп.

– Хозяин, бывай здоров! – На крыльце стояла соседка с ведром и узелком. – С прибытием, Лень! Мы так рады, что ты вернулся живой, так рады! Я всю ноченьку глаз не сомкнула, все про тебя думала да про Варвару...

– Нечего думать, – буркнул Леонтий и стал медленно подниматься по ступеням. – Не успел появиться, уже всю плешь прогрызли. И ты будь здорова, Анюта! Что тебя нелегкая принесла?

– Панкрат прислал. – Она кивнула на ведро. – Чуток картошки положила. Плохо уродилась в этот раз, да и сажать было нечего. Вот здесь еще грибы. А Панкрат выделил для тебя самосад и газетку сунул на всякий случай. Мало ли что... – Она помялась, хотела что-то сказать, а потом махнула рукой, все оставила и пошла со двора. – Сами разберетесь, не малые дети.

Чему-чему, а табаку Леонтий обрадовался. Лучше без куска хлеба остаться, чем без курева! Проголодаешься – можно потерпеть дня два и даже три, а вот без табака сразу беда. Весь изведешься, всю траву да листья искуришь или изжуешь, но все равно тянет смолить – спасу нет. Он сразу подхватил узелок и ведро да быстрее подался в избу.

К вечеру снова нагрянули гости. А потом люди и вовсе потянулись друг за дружкой. По деревне быстро разошелся слух, что считавшийся погибшим Леонтий Шаргунов вернулся – без ноги, но живым. Несмотря на голодные времена, каждый старался прихватить гостинчик. К Леонтию заглядывали все: соседи, ребятня, деревенские бабы и молодые девчонки. И вдовы заходили – спросить, не встречался ли он где-нибудь на фронте с их мужьями... Спрашивали, а сами плакали.

Плакали все, кто приходил, бывало, даже мужчины не сдерживали слез.

Мужики приносили бутылку, рассаживались возле стола, а то и на подоконнике, если места было маловато, выпивали и подолгу разговаривали. Все разговоры в конце концов сводились к войне. Каждый старался выложить что-нибудь свое, наболевшее: или про себя, или про друзей, с кем рядом воевал. Этот вернулся, тот погиб, а тем повезло – в госпиталь угодили. Повезло, потому что в живых остались, а что теперь без руки или без ноги – это мелочи. Дома их готовы ждать сколько угодно и примут любых: здоровых, контуженых, безруких и безногих, слепых и глухих... Лишь бы вернулись.

– Вот я помню, наш полк вырвался вперед, – рассказывал невысокий тощий мужичок. – Ушли мы далеко от своих – и нас взяли в кольцо. Боеприпасы закончились. И как принялись фашисты садить в нас без передышки, зная, что никуда не вырвемся! Трое суток мы пролежали в болотах, головы не могли поднять – такой огонь вели по нам фрицы. Чтобы от него укрыться, мы выкладывали перед собой тела погибших товарищей. Они мертвые спасали нас живых. А через трое суток наши подо-

спели. Вот только от полка осталась всего одна рота. Так-то, братцы... Мне ночами снятся ребята, что там погибли. Приходят. Разговариваю с ними...

Он замолчал, уткнувшись взглядом в пол.

– Давайте, мужики, выпьем, – сказал кто-то.

Все выпили.

– А мы готовились к атаке. «Катюши» как врезали по немцам – ужас, что творилось! – заговорил крепкий мужик в расстегнутой до пупа рубахе. – Как дали, аж земля горела! Потом пошли мы, танки. И только двинулись в атаку, как из огня навстречу нам выскакивает фашист! Прямо вот так, передо мной. Гляжу, а у него вся башка седая и глаза белые-белые, даже зрачков не видно! Видать, рассудка лишился после наших «катюш». Никого не замечает и бежит прямо на мой танк. А я куда отверну, если рядом со мной другие идут? По нему прошли... Эх, война сволочная!..

И тоже смолк, уставившись куда-то в окно.

– Помню, заскочил я в один дом, когда Берлин брали, – медленно заговорил еще один мужик, потирая щетинистое лицо. – Слышу, кто-то возится в комнате. Забегаю туда, а там офицер-эсэсовец в гражданскую одежду переодевается. Видать, сбежать хотел. Меня увидел, пистолет выхватил и выстрелил мне в лицо. Промахнулся, мне только висок обожгло. Я его из автомата снял. Дурак он: нужно было в грудь стрелять, тогда бы попал. А он – в лицо из пистолета! Кто же так стреляет?

Сказал и пожал плечами, словно не в него палили и не его могли убить.

– Давайте, мужики, выпьем за всех, кто не вернулся домой, – предложил кто-то за столом. – За всех, кого до сих пор ждут и будут ждать...

Выпили. Потом потянулись на улицу, на перекур. И на крыльце опять долгие разговоры. Вспоминали войну, тут же переходили на деревенскую жизнь и начинали что-нибудь обсуждать, спорить, а иногда и ссориться. Тогда вмешивались жены и наводили порядок: одних ругали, других уговаривали, третьих просто уводили домой.

Прошло несколько дней, и на пороге появился председатель, Роман Тимофеевич. Зашел, осмотрелся. Нахмурился, увидев замызганные полы, мусор в углах, пепел на столе и подоконниках, разбросанные повсюду свертки, узелки и узелочки. В доме стоял стойкий запах махорки.

Леонтий сидел за столом – небритый, опухший и уже навеселе.

– Здорово, солдат! – Председатель подошел к столу, громыхнул табуреткой и присел напротив Леонтия. Покрутил в руках заляпанный стакан, чуточку налил в него и выпил. – За приезд, за твое воскрешение из мертвых!

– А, здрасте вам. – Леонтий пьяно качнул головой. – Как живете-можете? – и потянулся за бутылкой.

– Вашими молитвами. – Председатель перехватил бутылку и отставил подальше. – Не надоело в рюмку заглядывать?

– А что? – с гонором сказал Леонтий. – Имею право! Я домой вернулся. Вот гуляю...

Он обвел рукой стол.

– И долго еще собираешься гулять? – прищурился Роман Тимофеевич.

– Сколько хочу, столько гуляю. Вам-то какое дело? – повысил голос Леонтий. И заухмылялся: – Я человек списанный, к жизни и труду не пригодный. Калека безногий. Вся моя жизнь коту под хвост. Ясно вам?

– А, ну да, ну да! – закивал председатель. – Это проще всего – себя жалеть. Мол, больной, хромой, жизнью обиженный... И самогоном себя глушить – так сказать, горе заливать.

– Я войну видел! – Леонтий ударил кулаком по столу. – А ты, Тимофеич, дальше райцентра не выезжал. И не тебе меня совестить, понятно?

– А я каждый день смотрел в глаза детишек, которых к нам привозили в эвакуацию! – тоже повысил голос председатель. – У нас в деревне всю войну детдом

стоял, только потом его в город перевели. Ты знаешь, каково это, когда голодные дети смотрят на тебя и молчат? Страшно и больно... Твоя Варвара этих ребятишек выхаживала. В тень превратилась, потому что у самой маковой росинки во рту не было, все им отдавала. И если бы не она...

– Да что вы лезете ко мне с этой Варькой? – вспылил Леонтий и смахнул со стола пустую бутылку. Та, звякнув, покатилась по грязному полу. – Нашли икону! У меня своя жизнь...

– Знаешь, Ленька, я тебе раньше сочувствовал, – помолчав, сказал Роман Тимофеевич. – Ты рано без родителей остался, совсем еще мальчишкой пошел работать, чтобы себя прокормить. Потом, как женился, поползли эти слухи про Варвару... Я думал, надо же, как не везет человеку, жалел тебя. А теперь понял: ты просто дальше своего носа не видел и не хотел видеть. Тебе так было удобно. Наслушался бабьих пересудов, отвернулся от жены и успокоился. А ты бы своей башкой подумал, сколько Варваре пришлось вынести, через что она прошла! Ты помочь ей должен был, защитить. А ты бросил ее одну...

Председатель вздохнул. Хотел было налить себе в стакан, но передумал и поставил бутылку обратно.

– Я бросил?! – вскинулся Леонтий. – Я вернулся – и где же она, моя разлюбезная, а? Никто не знает, а кто знает – посмеивается. Говорят, к хахалю подалась…

– Дурак! – оборвал его председатель. – В город твоя Варька поехала, в детдом. Прикажешь на каждом перекрестке об этом кричать? Хочет она взять мальчонку-сироту. Мы с бумагами помогли. А что тебя никто не спросил, так ведь ты погибшим числился, столько лет не подавал о себе вестей... – И добавил: – Радуйся, сын у тебя будет! Еще один мужик в доме появится, помощник вырастет. Мальчонка – вылитый ты. Варвара как его увидела, так сразу к нему сердцем и потянулась.

– Сын… – Леонтий запнулся и в растерянности закрутил башкой. – Так ведь… А как жить-то будем? Я же безногий…

Сказал и поник.

– А руки и голова у тебя на что? – усмехнулся Роман Тимофеевич. – Чем собираешься заниматься? Так и будешь у бутылки дно искать или все-таки возьмешься за ум? Не для того Варвара мальчонку привезет, чтобы он смотрел, как отец лодыря гоняет и спивается.

– Да куда я со своей культей пойду? – Леонтий стукнул по ноге. – Ни копать, ни пахать...

– Кто тебя заставляет пахать? – пожал плечами председатель. – Ты же неплохой столяр и плотник. До войны любо-дорого было смотреть на твою работу. И двери делал, и окна, да много чего... Вот и займись. Мастерскую выделю, инструментами и материалом обеспечу. Помощников подберешь сам. Работы – непочатый край: нужно старое восстанавливать, новое строить... Сына в подручные возьмешь, пусть растет при деле, учится мастерству. Ну, как, согласен?

Леонтий растерялся от неожиданного предложения. Он уже привык считать себя ни на что не годным, обузой для других, а тут вдруг... Вспомнил, как в первый день после возвращения зашел в свою мастерскую, как задрожали руки, прикоснувшись к инструментам... Соскучился!

– Можно взяться, – степенно сказал он. – От работы я никогда не бегал. Приучиться бы только с одной ногой управляться...

– Вот и ладушки, – перебил Роман Тимофеевич и встал. – Договорились. Я распоряжусь, чтобы подготовили мастерские и прочее. А тебе даю еще три дня на уборку в избе... – Он обвел взглядом горницу. – И в семье порядок наведи. Нужно жить своей головой, а не верить чужим сплетням. Понял? Вот так!

Надвинув на глаза фуражку, председатель пошел к выходу. На пороге оглянулся, постоял, глядя на Леонтия, как будто прикидывал, можно на того надеяться

или нет. Потом погрозил пальцем и вышел.

Леонтий еще посидел за столом. Хотел выпить, но подумал и отставил бутылку в сторону. Посмотрел по сторонам: везде грязь, мусор, окурки... А запах!.. Поморщился и торопливо взялся за уборку. Думал о Варваре, о сыне, который скоро приедет, и удивленно качал головой.

Смеркалось, когда дверь распахнулась, и на пороге появился Агафон. Он хохотнул, увидев, как Леонтий елозит по полу в исподнем белье и косырем скоблит грязные половицы.

– Эй, Ленька, ты что это делаешь? – Сосед прислонился к косяку. – Полы драить – это же бабья работа! Хватит, поднимайся. Посидим, покурим, поболтаем. Столько не виделись...

– Некогда рассиживаться, – буркнул запыхавшийся Леонтий. – Иди отсюда, не стой над душой! Мешаешь. Хватит, отметили приезд. Пора делом заняться.

И опять взялся за косырь.

Агафон потоптался, что-то бормоча себе под нос. Собрался закурить, достал кисет, потом взглянул на чистый пол и молчком вышел.

Чуть погодя снова стукнули в дверь. Ввалился крепкий старик, держа в руке небольшой кукан с мелочевкой.

– Ленька, я рыбку принес! – забасил он и в грязных опорках прошлепал к столу. Положил на него рыбу и прищурился: – А ты чего на карачках ползаешь? Перебрал, что ли?

– Ну, дед Тимоха! Я тут полы скоблю, а ты в грязной обуви шляешься! – не удержался, рыкнул Леонтий и вытер вспотевшее лицо. – Вон, аж мокрый весь... Спасибо за гостинец.

– Ну ладно, не стану мешать. – Дед Тимоха направился к двери. – Не ругайся. Рыбку определи, чтобы не испортилась. Наловлю – еще принесу.

Леонтий не ответил, все скоблил полы. Доски зажелтели. Намочит их – сразу смоляным духом тянет. Опять берется за косырь и начинает скоблить. Немного продерет, смывает водой – и опять запах смоляной...

Наконец закончил. Чувствуя усталость, устроился на крыльце с кисетом. Над деревней висели густые сумерки. Дорога терялась в них, но Леонтий все равно смотрел вдаль, дымил самокруткой и ждал. Вдруг они приедут уже сегодня – Варвара и мальчик. Какими словами их встретить? «Здорово, малой, я твой папка. Здравствуй, Варя. Мне Тимофеич все рассказал...» Так, что ли?

Задергалась щека, следом затряслась голова. Он схватился рукой, словно старался удержать. Врачи говорили, что это нервное, со временем пройдет...

Леонтий представил лицо жены. Вспомнил, как она смотрела в тот день, когда его забирали на войну, – словно хотела что-то сказать или спросить, но не решалась... Вспомнил слова председателя, что нужно жить своей головой. И вдруг успокоился. Здесь его дом, и теперь у него по-настоящему есть семья. Война и мытарства по госпиталям остались позади. Можно начинать жить заново. Они с Варварой и сами не пропадут, и сына на ноги поставят. Ничего, что он, Леонтий, без ноги. К этому можно приспособиться. Главное, что живой.

Он сидел, курил, вглядываясь в дорогу, по которой к нему должна была прийти новая жизнь, готовый встать и шагнуть ей навстречу. Может, они приедут завтра, а не сегодня. Путь-то из города не близкий... Ну и ладно: ведь Леонтий больше никуда отсюда не денется. Он теперь всегда будет с ними. Он вернулся.

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

Россия-Турция

Поэт, эссеист, переводчик. Окончила Казанский медицинский институт и Московский литературный институт имени А. М. Горького (1996). Шесть лет проработала детским врачом, позже полностью посвятила себя литературе. Широко публикуется в литературных журналах и альманахах, как в России, так и за рубежом. Автор пятнадцати поэтических сборников, ее стихи переведены на двенадцать европейских языков. Ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк). Лауреат множества международных и российских литературных премий, участник международных поэтических фестивалей. Возглавляет русскоязычную секцию Союза писателей Татарстана, организатор международных поэтических фестивалей, посвященных Г.Державину, Н.Лобачевскому, В.Хлебникову, проходящих в Татарстане. В настоящее время преподает русскую литературу в Университете «Эрджиэс» (Кайсери, Турция). Переводит тюркскую поэзию на русский язык. Несколько лет назад была представлена на страницах нашего журнала обширным интервью и подборкой стихов («На стыке культур рождается все самое интересное» №8, 2016)

«ПЕТРОГРАД ПАСТАНЕСИ», или

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ТУРЕЦКОЙ ЖИЗНИ

Кажется, что русские были в Турции всегда. Настолько тесны сегодня наши связи, настолько много точек соприкосновения, несмотря на разницу культур, конфессий и мировоззрений. Между тем, история наших взаимоотношений начитывает немногим более десяти веков. Первыми сюда прибыли русские дипломаты; некоторые из них так и остались здесь, очарованные местной экзотикой. В турецких тюрьмах томились русские военнопленные, участники нескольких русско-турецких войн. Купцы и моряки, артисты, военные, художники, священнослужители – словом, много всякого русского люда побывало здесь, расселившись на долгое время в турецких пределах.

В конце девятнадцатого века в стране появились и татары, когда российский император Александр III начал открыто притеснять мусульман и возобновил политику христианизации. Последующие волны татарской эмиграции были вызваны столыпинскими реформами, Первой мировой войной, репрессиями большевистского режима, невозможностью получить в советское время духовное образование и открыто следовать религиозным традициям.

В истории российской эмиграции начала XX века Стамбул всегда будет занимать особое место. В 1917 году он встретил первых русских эмигрантов, вынужденных покинуть родину. Не принявшие октябрьскую революцию российские дворяне, офицеры, студенты предпочли изгнание существованию в социалистическом «раю». Основным контингентом беженцев были «белые» русские, которых называли так за поддержку царистской «белой гвардии». Массовый «исход» в Турцию начался в 20-х годах, когда группы людей сели на пароходы и военные корабли и по Чёрному морю перебрались в оккупированный союзниками Стамбул. Вспоминает турецкий ученый

Тюлай Алим Баран: «Крейсер «Генерал Корнилов», на борту которого находились уцелевшие офицеры Генерального штаба Белой армии и генерал барон Врангель, а также корабли средиземноморской эскадры адмирала Дюмениля во главе с «Валдек-Руссо», ходившие под флагом французского военно-морского флота, которые также транспортировали беженцев, часть пассажиров высадили в Турции. Их было так много, что сосчитать не представлялось возможным». Есть только приблизительные данные о числе беженцев. Согласно им, в Стамбул прибыло 150-200 тысяч человек.

Эмигранты увеличили миллионное население города примерно на одну пятую часть, присоединившись к тысячам христиан и мусульман, которые так же бежали, спасаясь от войны в распадающейся Османской империи. Среди беженцев был будущий писатель Владимир Набоков, который ненадолго остановился в Стамбуле со своей семьёй. Русские аристократы открыли первые совместные (для мужчин и женщин) пляжи в городе, детективные агентства, студии фотографии и живописи. Однако большая часть прибывших русских лишилась своего имущества в ходе гражданской войны в России. Многие были вынуждены продавать уцелевшие драгоценности и картины на улицах Стамбула. Они кормились подаяниями от солдат оккупационных сил и жили в лагерях, развёрнутых в различных районах города. Стамбул приютил и Льва Троцкого, проигравшего Иосифу Сталину в борьбе за власть. Троцкий нашел убежище на одном из островов Стамбула в 1929 году и провёл там четыре года, прежде чем перебрался в Мехико. Дом у моря на Бююкаде, где Троцкий написал «Историю русской революции», существует по сей день.

Беженцы из России, несомненно, повлияли на турецкую жизнь. Популярны в те времена были рестораны русской кухни, которым давали непривычно звучащие для турецкого уха названия: «Максим», «Московит», «Киевский», «Медведь», «Золотой петушок», «Гнездо перелётных птиц», «Русский уголок», «Киевский кружок», «Яр», «Смирновская водка», «Зернистая икра», «Филипповские пирожки». Особенно популярным был «Петроград Пастанеси». Любителей посидеть в этих ресторанах называли по имени проспекта Пера – «перотами», а засидевшихся там мужей турчанки ругали: «Явился среди ночи – тебе тут «Петроград Пастанеси», что ли?» Самые предприимчивые из эмигрантов объединялись и открывали кабаре, ателье, книжные, продовольственные магазины, типографии. Издательство «Русская мысль» выпускало словари, самоучители иностранных языков, издания классиков, детские сказки, газеты и журналы. Появились также лотереи, балы-маскарады, танцы и некоторые другие запрещённые в исламе развлечения и способы заработка. В музее Стамбула хранится письмо жительниц к руководству города. Его подписали несколько тысяч женщин. В этом письме они требовали выселить всех россиян из города, из Турции, потому что, по их мнению, вместе с русскими в городе появились проституция, пьянство, воровство. Но среди следов этих драм по сей день в Стамбуле сохранилась пара элегантных русских ресторанов, где подают борщ и бефстроганов с водкой. Цветочный пассаж, расположенный на Истикляль, главной улице города, назван в честь русских девушек, некогда продававших здесь букеты. Современная стамбульская система микроавтобусов, являющаяся близким родственником системы советских маршруток, была основана водителями бронетанковой бригады Белой армии.

В 2019 году, при поддержке Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, был издан фундаментальный сборник «Русская белая эмиграция в Турции. Век спустя. 1919-2019». Это, безусловно, уникальный труд. В нём приняли участие многие историки и филологи из разных стран, исследователи белой эмиграции и преподаватели турецких вузов. Среди авторов статей этого сборника – заведующая кафедрой русского языка и литературы университета Эрджиэс, где я сейчас преподаю, Сэвинч Учгуль. Составитель этого сборника, профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай, кропотливо восстановила 198 фамилий представителей русской творческой интеллигенции, которые осели в Турции в начале XX века.

Среди них были художники, музыканты, артисты оперы и балета... Подсчитаны так же имена писателей: 49 (26 поэтов и 23 прозаика).

Литература всегда поддерживала и давала силы русским эмигрантам. Не случайно то, что почти сразу здесь появились эмигрантские литературные объединения: Цареградский цех поэтов, Союз русских писателей и журналистов, Литературно-художественное общество им. А.П. Чехова. Самым активным и популярным писателем того времени был Аркадий Аверченко. Прибыв в Стамбул в 1920 году, сатирик прожил здесь полтора года. И уже в 1921 году вышли его сборники «Записки простодушного» и «Нечистая сила: Книга новых рассказов», а в 1922 году – «Кипящий котёл» и сборник рассказов «Дети» с приложением «Руководства к рождению детей» (1922). Аверченко также написал множество фельетонов о турецкой жизни русскоязычных эмигрантов, которые пользовались огромной популярностью, позволяя русским взглянуть на себя со стороны.

В 1927 году закончился разрешённый срок пребывания русских эмигрантов в стране. А в 1932 году был принят закон, запрещающий иностранным гражданам работать на территории Турции. В этих условиях даже тем, кого устраивала их новая жизнь, пришлось искать пристанище в других странах.

Русскую эмиграцию в Турции обычно не соотносят с так называемыми волнами, упоминаемыми в связи с массовыми выездами граждан из СССР в страны Европы и Америки. В большинстве случаев люди приезжали сюда для получения духовного образования или чтобы оказаться в среде, где жизнь по исламским канонам носила государственный характер.

В постсоветское время, когда курорты Турции стали популярнее российских здравниц, множество россиянок и жительниц стран СНГ обрели здесь семьи. Об этом столько написано, что сложно добавить что-то новое. Сейчас в Турции живёт и работает немало россиян и граждан из республик СССР. У каждого из них своя история. Большая часть из них – женщины. Девяносто процентов моих знакомых женщин в Кайсери, городе, который стал мне вторым домом, познакомились со своими будущими мужьями в интернете. Половина из них – выходцы из стран СНГ со схожими традициями. Например, из Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана и т.д. Большинство из них не работает, занимается воспитанием детей, потому как найти работу иностранкам, живущим вне столицы, довольно сложно.

Второй год я живу в Кайсери, большом городе Центральной Анатолии. Это высокогорная часть страны, расположенная почти в центре Турции. Городу, сменившему десятки цивилизаций, около трёх тысяч лет. Это видно по древним строениям, памятникам, по которым можно изучать целые эпохи. Здесь есть музей сельджукской цивилизации; частью его архитектурного комплекса является воссозданная древняя лечебница для душевнобольных, где в середине второго тысячелетия нашей эры – впервые в Европе – лечили пациентов музыкой и водой. Помимо прочего, Кайсери славен своими патриархальными традициями. Это не та Турция, которую видят туристы в столице или на курортах. Здесь течёт жизнь, которую вели турки на протяжении многих столетий. Хотя цивилизация, естественно, проникла и сюда. В этих местах соблюдаются строгие мусульманские традиции, что невозможно не учитывать гостям или временным жителям. В турецких университетах работает немало россиян и выходцев из стран бывшего СССР. Но больше всего людей прибыло из Азербайджана. Им легче ассимилироваться в новой культуре, так как из всех тюркских языков именно азербайджанский наиболее близок к турецкому. Более того, в нём сохранились слова из старо-турецкого языка. Поэтому лингвисты и историки турецкого языка часто обращаются к азербайджанскому.

В кавказском университете в Карсе работает татарская поэтесса, кандидат филологических наук, Чулпан З.-Ч. Уже более двадцати лет она живёт в этой стране. Ис-

тория её жизни в чём-то типична, а в чём-то и уникальна. В Турцию её привела любовь – не только к мужчине, но и к стране. Один из её дедов ушёл на фронт с белой армией, и следы его затерялись в Константинополе. О нём в семье вспоминают до сих пор. Однажды она призналась, что мечтой её бабушки было увидеть Стамбул, и добавила, что «мечты, как и болезни, тоже бывают генетическими». В детстве Чулпан перечитала все книги о Турции, какие могла найти. Выучила турецкий язык, совершенно не рассчитывая, что когда-нибудь он станет для неё основным языком общения. А дальше, как в сказке, она познакомилась с будущим мужем, гражданином Турции, бросила работу доцента в Казанском университете и уехала из России. Вышла замуж, родила сына. И ни разу не пожалела о своём решении покинуть родину. Сегодня она успешный учёный, который часто выступает на международных конференциях в качестве эксперта по вопросам тюркологии.

Большую часть жизни я прожила в Казани. Мой папа, татарин, сделал всё, чтобы я знала татарский язык. Выучить его в советской школе было просто невозможно, настолько убогие методики применялись в то время. Как известно, Казань – место пересечения культур, языков, традиций. В городе мирно соседствуют православные и католические храмы, мечети и синагоги, кирхи и дацаны. Я словно получила прививку толерантности ко всему. Моя бабушка по отцу была истовой мусульманкой, выполняла все религиозные обряды, учила меня арабскому языку. Турция меня не удивила и не показалась чужеродной, так как татары и турки относятся к одной этнической группе. Схожие языки (лексика одинакова приблизительно на 40%), традиции, одна религия. Поэтому ассимилироваться татарам в Турции не так сложно. К примеру, актриса Айдан Шенер, исполнительница роли Фериде в лучшей версии сериала «Королек – птичка певчая», снискавшего оглушительный успех в СССР, имеет татарские корни. Её отец происходит из казанских татар, а мать – из крымских.

Меня привела в Турцию не любовь к кому-либо или чему-либо, а обстоятельства. На президентских выборах 2018-го года я устроила, говоря неформальным языком, перформанс на избирательном участке, выразив свой протест против лицемерия выборов президента России, демонстративно порвав свой бюллетень и опустив клочки в урну для голосования. Тогда в моей жизни очень многое изменилось. Меня хотели уволить с работы и исключить из Союза писателей Татарстана. Многие знакомые посчитали своим долгом выразить собственное отношение к моему поступку. Иногда это носило агрессивный и оскорбительный характер. От меня отвернулись те, кого я считала близкими друзьями. Но были люди, которые полностью поддержали меня. Приглашение преподавать русскую литературу в университете Эрджиэс в той ситуации оказалось наилучшим выходом. Это не было бегством, поскольку я не планировала менять гражданство, но Турция стала мои новым домом, новым опытом, предоставила мне новые возможности.

Университету Эрджиэс, чьё название происходит от имени вулкана, у подножия которого расположен город Кайсери, всего тридцать пять лет. На литературном факультете есть отделения английского и русского языков, а также многих восточных языков, включая японский и корейский. Наш факультет славится среди других подобных факультетов углублённым изучением русской литературы. Возможно, поэтому профессор Сэвинч Учгуль решила пригласить меня, русского писателя, для преподавания профильной дисциплины. По приезде я начала вести «Турецкий дневник», куда записывала свои наблюдения и новые эмоции. Это была попытка фиксации жизни в новых обстоятельствах, писался он для себя. Некоторые события и размышления из него я выкладывала для друзей в социальной сети, и неожиданно он стал пользоваться популярностью. Александр Ливергант, главный редактор журнала «Иностранная литература», в котором летом выйдет моё эссе «Мои турецкие университеты», заметил, что в России ничего не знают о турецкой жизни. Тем более

о той, которая происходит вдали от столиц и курортов.

Я писала о самых разных будничных вещах. Вот, например, небольшая выдержка из дневника о том, как восприятие азана (призыв муэдзина, служителя мечети, на молитву) зависит от моего настроения:

«Вообще призывающие на молитву слабо интонируют его. И звучит он довольно монотонно. Если мне весело, хотя в последнюю пару месяцев отчаянного веселья я за собой не наблюдала, то и азан кажется оптимистической песенкой. Если я пребываю в каких-то средней тяжести раздумьях, то и в азане слышу горестные ноты. Ну, а если жизнь мне совсем не мила, то азан ещё больше усугубляет настроение. Не могу не откликнуться на важные для всех мусульман мира события, например, на Рамадан. Приходится иметь в виду, что окружающие держат пост. А это большое испытание. Меняется их режим жизни. Студенты просят не назначать занятия онлайн в ZOOM утром и днём. Так что обычно занимаемся в 4-6 часов вечера».

Как и все страны, Турция переживает сегодня не лучшее время из-за пандемии коронавируса. По выходным здесь объявляется комендантский час, когда нельзя выходить из дома даже за продуктами. Нашим домом считается университетский кампус и прилегающая к нему территория. Поэтому я почти каждый день просто катаюсь на велосипеде по пустынному университетскому городку. Изредка встречаю Юджина с кафедры английского языка. Он тоже часто ездит на велосипеде. Юджин из Лондона, ему за восемьдесят, но он живой и подвижный человек. Часто думаю расспросить его, как он оказался в Турции, но что-то мешает. Говорим больше о погоде, университете и любимых студентах.

Территория нашего университета утопает в зелени. Вместе с другими иностранными преподавателями я живу в Белимстеси – в научном городке, где занимаю часть первого этажа двухэтажного коттеджа с мансардой. С одной стороны со мной соседствует темнокожая семья из Судана с тремя маленькими детьми, с другой – кореянка. Большое панорамное окно выходит на большую лужайку. Ровно в восемь утра она орошается системой водных насосов и фонтанов.

Мне нравится моя работа. Рассказывать студентам то, чего они не могут найти в интернете, например, о жизни современных писателей в России. Пытаться понять вместе с ними мотивы преступления Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Одна из студенток – Эда Гюнель – начала писать стихи, вдохновлённая моим литературным вечером, который руководство университета организовало через три месяца после моего приезда в Турцию. У неё уже появилась первая публикация в стамбульском журнале. Алев Атуг, заканчивающая университет, как и Эда, в нынешнем году, отличилась удивительно кропотливым отношением к занятиям. Она записывала на наших лекциях каждое незнакомое слово и просила меня перевести все его значения. С некоторыми студентами складываются почти доверительные отношения. Халименур Авшар, одна из лучших студенток, часто помогает на занятиях, когда мне не хватает знания турецкого языка, чтобы объяснить какой-либо классический русский текст. Она знает наизусть стихи Марины Цветаевой и Беллы Ахмадулиной.

Гордость прошлогоднего выпуска нашего факультета – Халил Уилмаз. Он остался учиться в магистратуре. Более ответственного и аккуратного студента я, наверное, не встречала. Он и Халименур перевели несколько моих стихотворений на турецкий язык. Мне посчастливилось близко познакомиться с одним из лучших переводчиков русской литературы на турецкий язык – Угуром Буке. Он перевёл всего Толстого, Чехова и многих других писателей. В его переводе в одном из стамбульских журналов была опубликована подборка моих стихотворений. Вместе с ним мы поучаствовали в одном из знаковых турецких фестивалей «Фемина Стамбул», в котором, как видно из названия, поднимаются проблемы феминизма и гендерного равенства.

Но главным занятием здесь, конечно, является преподавательская деятельность, которая приносит и удовлетворение, и радость. Общаясь со своими учениками, я и сама узнаю много нового. Турецкие студенты невероятно почтительны. Это объясняется исконным воспитанием и традициями. Учитель, тем более преподаватель университета, пользуется здесь непререкаемым авторитетом. Они называют меня «Лилия ходжам», – «Лилия мой учитель». При этом они, как и все студенты, в меру безалаберны, смешливы и хулиганисты.

Мало для кого из них русская литература станет главным делом в жизни. В лучшем случае, они будут работать переводчиками или менеджерами-консультантами в русско-турецких фирмах. Многие из наших выпускников служат в авиакомпании «Turkish airlines». Но, конечно, есть среди них студенты, влюблённые в русскую литературу, планирующие продолжить обучение в магистратурах и аспирантурах российских университетов.

Но как бы ни менялась история, память о русском присутствии в Турции останется навсегда. На православном кладбище Шишли в центре Стамбула лежат русские принцы, принцессы и графини, Каракёйская церковь в столице все так же каждое воскресенье наполняется потомками русских эмигрантов, а в турецких университетах пусть изредка, но слышна русская речь. Этот материал я хочу завершить самыми обычными словами, которые определяют суть моего личного здесь пребывания: жизнь в Турции наполнила меня новым смыслом. Я словно получила в дар ещё одну судьбу, в которой, может быть, будет меньше ошибок и больше ценности.

ТУРЕЦКИЙ ДНЕВНИК

***

Жизнь в турецкой провинции
Исполнена отрадных смыслов.
Расстояние, если не облагораживает,
То отодвигает прошлое
На безопасное расстояние.

В наличии же потухший вулкан
И город с дивным прошлым,
Которое изучу непременно.
А ещё – много неба
И сказочной безвкусицы...

Порой настигает кручина.
Поплакаться, как всегда, некому.
Приучила себя и других
К своей – как её? – самодостаточности
И разительности своей
(Услышала однажды).

А маяка здесь нет.
И смотрителя маяка тоже нет.

***

На бульвар Ататюрка
Пришла весна.
На остановке трамвая
Стройная девушка
В чёрном никабе
Что-то шепчет в ухо,
Улыбаясь,
Наверное, улыбаясь,
Молодому бородатому человеку.

Солнце смотрит прямо в глаза
И не даёт рассмотреть номер трамвая.
Хотя в этом районе
Он только один – Т2,
Идущий из студенческого района Талас
До Джумхуриет мейданы.

Местные жители сосредоточены
На чём-то, неведомом мне.
Правда, одна женщина спросила,
Где поблизости Тюрктелеком,
И я впервые в этой стране
Показала кому-то дорогу.

Но прозрачный воздух,
Но тени от деревьев,
Но горы со снежными вершинами
Вокруг города
И всё остальное неизвестное
Рисуют сегодня для меня
Новую картину мира,
Может быть, даже –
Картину счастья.

***

Так долго смотрели на небо,
Что оно стало солнцем.
Охрипшие птицы
Больше не преодолевали
Земное притяжение.
Воздух застыл,
Как турецкий йогурт
После охлаждения.
Траектории падающих звёзд
Были причудливы,
Как уши любимого.
О, жизнь между сном и пробуждением!

***

Турецкие сумерки
Блаженную
Слабость духа
Несут,
Которую можно
Заесть пахлавой
Или иным лакомством.
А можно просто
Вглядываться ежевечерне
В Эрджиэс,
Потухший вулкан,
Пытаясь определить
Своё место на земле,
Но не отваживаясь
Смысл найти
В нынешнем.
И принять, наконец,
Эту беспримерную
Жизнь.

***

Я хотела бы жить с вами
В маленьком городе…
М. Ц.

Это была бы плохая идея –
Жить с вами
В маленьком городе.
Я бы предпочла
Видеться с вами нечасто,
Скорее, даже наоборот.
Мы целовались бы до одурения,
Почти без стеснения,
Без обещаний,
Без будущей тоски.
Мы гуляли бы по улицам,
Взявшись за руки.
Мы не могли бы насмотреться
Друг на друга,
Смеялись бы
И не строили
Планы на будущее.
А город смотрел бы на нас
С лукавством нежным
И строил бы собственные планы на нас.
А пока...
На чём мы остановились?

***

Буду смотрительницей маяка,
Нет, лучше женой смотрителя маяка.
Буду вставать на рассвете
И готовить ему простую еду.
Буду смотреть, как он ест,
Молча и неторопливо.
Буду приходить к нему днём
С термосом горячего кофе.
Буду смотреть, как он пьёт его,
Вглядываясь в горизонт.
Буду замечать, как меняется цвет его глаз
В зависимости от его настроения
Или времени суток.
Буду мало знать про него
И не буду стремиться узнать больше.
Вечером буду засыпать в одиночестве,
Не дождавшись его.
Буду видеть сны о кораблях,
Уносящих меня прочь
От чертова маяка...
Буду вставать на рассвете.

***

Бабушка шепнула мне,
Что я княжна.
И род у нас княжеский.
Но я была комсомолкой.
И засмеялась только.
Давно нет бабушки
И нет комсомола.
А я стала княжной.
Княжна,
Непреклонно-невесомо
Я брожу среди людей.
Я в гостях всегда, как дома.
Дома прячусь от гостей.
Улыбаюсь лишь глазами.
Оттого и не поймут,
То ли весело с друзьями,
То ли мне печально тут.
Я не верю в стойкость пены.
Старомоден мой язык.
И к речам моим степенным
Так никто и не привык.
Диковата, нелюдима.
И надменна, и смешна.
Я – обломок пирамиды.
Я – татарская княжна.

Урок географии, или Попытка непрощения

Кама старше Волги
На миллионы лет,
Страстней и неприрученней.
А мы купаемся в ней голышом
Под солнцем державинским.
И нету блаженнее нас.
Камы исток выше Волги истока,
В географии признак главенства.
Устроить Каму в джакузи
И перелиться через край,
И выдыхать периодически:
Не останавливайся!
Кама полноводнее Волги:
4300 кубических метров в секунду
Против 3100 в месте слияния.
...Ты сотворил беду.
Я не хочу хотеть прощать тебя.
Я пленных не беру.
Кама впадает в Каспийское море.

****

Осуждается татарский язык
За то, что посмел
Встать вровень с державным,
За то, что сумел сберечь себя,
За то, что «отца и матери язык»,
Эткэм-энкэмнен теле...
Одобряется татарский язык
В строго отведённых местах,
В строго отведённое время,
В строго регламентированных целях,
В строго отведенном объеме –
Кечкенэдэн анлашылган
Шатлыгым, кайгым минем.
Предлагается отказ от татарского языка,
Потому что не в тренде.
Потому что малое поглотится большим.
Потому что империя.
Потому что обречён.
Ярлыкагыл, дип,
үзем һәм әткәм-әнкәмне, ходам!
И туган тел[1]...

---

[1]Строки из стихотворения известного татарского поэта Габдуллы Тукая (1886-1913) «Родной язык».

АМИН АЛАЕВ

Кыргызстан – Канада

Анвар Амангулов (творческий псевдоним Амин Алаев) – канадский автор киргизского происхождения. Публиковался в российских литературных журналах «Дарьял», DARKER (журнал ужасов и мистики), «Союз Писателей» и в журналах «Литературный Кыргызстан» (на русском языке) и «Ала-Тоо» (на кыргызском языке). Родился и вырос в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил механико-математический факультет Новосибирского Государственного университета (Новосибирск, Россия) и отделение информатики CDI College of Business and Technology (Барнаби, Канада). Ныне живёт в городе Ванкувер (Британская Колумбия, Канада), где работает разработчиком программного обеспечения. Увлекается бегом на длинные дистанции и литературным творчеством.

Джонни

Рассказ

Много рыскающая лисица
обязательно попадется в руки.
*(киргизская пословиц*а)

Кто-то исступленно пробибикал где-то в конце этой длинной вереницы машин. По выжженному полю вдоль дороги с жалостным блеянием просеменила небольшая отара баранов грязно-желтого цвета. Брианна приоткрыла пыльное окно старой «восьмерки» с обшарпанным бампером и вопросительно посмотрела поверх очков на Мухтара.

– Байке сказал, что у нас проблема, – сказал он, протягивая ей стопку бумаг.

Брианна продолжала вопросительно смотреть на него, ожидая объяснений. Мухтар покачал головой и криво ухмыльнулся так, как будто бы он ожидал именно такого поворота событий.

– Он сказал, что таможенный бланк у нас старого образца и принять он его не может.

Она тоже не смогла сдержать усмешку. Сняв очки, Брианна стала протирать запотевшие и пыльные стекла полой своей рубашки навыпуск. Вновь раздалось яростное бибиканье в конце очереди.

– Пойду ещё раз попробую, – сказал Мухтар и пошел к окошку.

Мимо машины неторопливо прошли усталого вида женщины с разноцветными баулами. Одна из них тянула на поводу тощую корову. Брианна вытерла пот со лба и поправила заколку в волосах. Солнце пекло по-августовски яростно, и большое скопление стоящих в очереди машин с включенными моторами только подбавляло жару. Она надвинула на глаза солнцезащитные очки и со скрипом откинула назад сидение. Ей хотелось мощного ливня. Такого, какие бывают в Сиэтле поздней осенью.

Через несколько минут Мухтар вернулся. По улыбке на его лице она поняла, что ритуал общения с пограничниками не поменялся, несмотря на смену власти по ту сторону границы.

– Байке сказал, что совершенно случайно у него есть новый бланк. Но теперь они, оказывается, платные, и он уже его кому-то обещал, а новую партию должны завезти только во вторник ...

Брианна мысленно прикидывала цену вопроса, слушая Мухтара.

Слегка прищурив глаза, она перебрала в памяти весь свой предыдущий опыт пересечения границ в этой части света и сказала:

– Скажи ему, что у нас на это есть только двадцать долларов.

Мухтар, вновь криво ухмыльнувшись, отправился на очередной раунд переговоров.

Брианна Мак Элпайн вот уже в седьмой раз приезжала в Кыргызстан, и всегда с одной и той же целью. Будучи специалистом в этнографии и одновременно тюркологом, она собирала материал для книги о кочевых народностях Средней Азии, параллельно создавая материалы для одного почтенного журнала. То есть, правильнее сказать, о тех народностях, которые были кочевыми в недавнем прошлом, поскольку найти реальных кочевников даже в ледяном аду Центрального Тянь-Шаня не представлялось возможным даже с грантами Американского Географического Общества. В этот раз ее визит был особенным, и она не планировала задерживаться в Кыргызстане больше, чем на несколько дней. Путь ее лежал на юг – сначала в Ош, а потом через таджикский Бадахшан в тот узкий рукав афганской территории, который назывался Ваханским коридором. Брианна имела очень смутное представление о том, что там ее могло ждать, но судя по рассказам коллеги-журналиста, проведшего там предыдущую зиму, более интересного места для эксперта по кочевой культуре в этом мире было не найти. Мухтар не возвращался. Она вышла из машины и, со скрежетом захлопнув дверь с облупленной краской, неторопливо потопала по пыльной дороге к пограничному окошку. Где-то неподалеку начал истошно вопить ишак. Приблизившись к грязному строению, она увидела Мухтара, что-то интенсивно обсуждающего с пухлым офицером в форме, выглядящим немного комичным сквозь толстое мутное стекло.

– Ну как? – спросила она, тронув Мухтара за плечо.

– Байке вот всё приготовил, готов уже печать ставить, но вдруг вот оказывается, что двадцать баксов вопрос не решат, – Мухтар от негодования путался в английском синтаксисе, поставив глагол по-тюркски в конце предложения.

– Сколько же решат? – спросила Брианна. Именно такого развития событий она и ожидала.

Пограничник начал что–то оживленно говорить, размахивая бланками и большой круглой печатью перед носом Мухтара, и, прежде чем тот перевел Брианне суть сказанного, она вытащила три купюры по пять долларов, и сама сунула их в окошко.

– Азыр отуз беш[1], – сказал она, мягко, по-английски, произнеся жесткую киргизскую «р». Несколько мгновений и офицер, и Мухтар изумленно глядели на Брианну. Пограничник накрыл деньги картонной папкой, со смачным звуком шлепнул печать на бланке и протянул его Мухтару. Тот молча кивнул и передал бланк Брианне. Та едва заметно улыбнулась и сунула его в задний карман потертых джинсов.

Ее радовало, что ее понимание киргизского улучшалось с каждым приездом. В этот раз это было особенно важно – на афганском Памире, по рассказам многих, никто не говорил ни по-английски, ни даже по-русски. Мухтар с третьего раза завел свою видавшую виды «восьмерку» и проехал шлагбаум, облегченно вздохнув сразу после этого. Брианна усмехнулась и развернула потрепанную карту. Памир, окрашенный в ярко-оранжевую охру ввиду своей убийственной высоты над уровнем моря, казался нервным сгустком посреди огромных горных систем Центральной Азии, хаотично расползающихся в разные стороны. Она внимательно разглядывала эту «Крышу Мира», как ещё его называли, понимая, что жгучий интерес и страх в ней смешивались в одно странное состояние, когда бежать и оставаться на месте хотелось одновременно.

Из конца очереди вновь раздалось остервенелое бибиканье, слегка угасающее и перекрываемое ревом мотора старой мухтаровской машины.

[1] «Теперь тридцать пять» (кирг.)

* * *

С момента последнего привала прошло уже больше трёх часов. Ветер усиливался, но, несмотря на пронизывающий холод, Брианну он беспокоил куда меньше, чем потертости на бедрах. Она и не догадывалась, насколько ей станет ненавистна езда верхом, особенно с учетом того, что в детстве она проводила много времени на ранчо своего деда в Техасе, где передвигалась почти что исключительно верхом на тех коренастых ковбойских лошадках, что в Америке называют *Quarter Horse*. Киргизские лошади были куда более невзрачны и меньше по размеру, но тут, в суровых горах Центральной Азии, в них ценили совсем не внешний вид. Выносливость при переходах по крутым, часто едва заметным, каменистым тропам при почти постоянном ветре – вот что требовалось от этих приземистых, всегда однородно тёмных лошадей с короткой гривой и неприветливым норовом. Третий день пути верхом с Мухтаром и двумя проводниками, которых Мухтар отыскал где-то в Узгене, казалось, совершенно не утомляли вороного мерина, на котором ехала Брианна. В то же самое время внутренняя поверхность ее бёдер от этой езды превратилась в одну большую мозоль, которая не давала ей покоя и заставляла ругать саму себя за то, что она не захватила с собой хоть какую-нибудь мазь для кожи.

Был конец августа, но тут, высоко на горных тропах, было довольно холодно даже днем, а ночью она куталась в свой спальный мешок так, как если бы уже была зима – не снимая носков и свитера. Был третий день пути, и две ночи, проведенные в палатке, казалось, готовили ее к тому, что ее ожидало в конце этого длинного верхового перехода. В первую ночь ее разбудила потусторонне вопящая сова где-то совсем недалеко от места ночевки; во вторую она почти не спала из-за непрекращающегося воя волков. Их вой иногда сливался со звуками порывов ветра, делая силуэт пламени от костра сквозь ткань палатки особенно жутким. Киргизы-проводники и Мухтар всю ночь поддерживали костер, уходя спать по очереди, но, судя по опухшим лицам утром следующего дня, близость волков беспокоила их ничуть не меньше, чем Брианну.

Она стала вести дневник, как только они покинули Ош. Вначале ей хотелось всё быстро набирать на своем айпэде, но оказалось, что переходник для сети был забыт в Бишкеке, и айпэд разрядился ещё до того, как они выдвинулись в путь из последнего предгорного аила далеко к югу от Оша. Брианна стала писать от руки в большом блокноте, который был специально куплен для этих целей перед отлетом из Сиэтла. Проснувшись утром после второй ночевки в горах, она поморщилась от боли в потертостях на бедрах, пока вылезала из спальника, размяла пальцы и сделала очередную запись.

«28 августа: Ночь была неспокойной, страшно выли волки. Старший из проводников сказал, что кочевье, к которому мы направляемся, уже не так далеко, и мы должны достичь его сегодня вечером. Ужасно хочется двойного эспрессо, но на Памире нет Старбаксов. :) Кожа на бедрах распухла и в одном месте почти кровоточит».

Сейчас ей тоже хотелось двойного эспрессо, и даже сильнее, чем утром. Горная тропа всё круче брала вверх, и ей приходилось всё крепче держаться за седло, чтобы не сползти вниз. Мерин уверенно шел вверх по тропе, не отставая от проводников на таких же, практически идентично черных лошадях. Один из киргизов, тот, что помоложе, негромко пел что-то крайне заунывное, покачиваясь в седле. Иногда из-под чьих-нибудь копыт вниз зловеще и всегда неожиданно сыпались камни, и Брианна всякий раз едва сдерживалась, чтобы не вскрикнуть от страха. Мухтар и две вьючные лошади замыкали процессию.

Ветер вдруг стал ослабевать, и прямо на них стал наползать густой серый туман. Казалось, что, идя вверх по этой дороге, они вошли в наползшее на гору

облако. Брианна не видела ничего дальше десяти метров, но, похоже, никого, кроме нее, это не смущало. Проводники по-прежнему неторопливо, но уверенно двигались вперед, а тот, что помоложе, по-прежнему напевал себе под нос свою тоскливую мелодию.

Вскоре тропа перестала виться вверх, и ещё полчаса они ехали сквозь туман почти что без подъёма; затем начался спуск, щекотавший и без того издёрганные нервы Брианны едва ли не сильнее, чем подъём. Туман рассеялся так же неожиданно, как и появился. Глядя по сторонам, она увидела большие, закрученные спиралью рога архара, лежащие в полуметре от тропы. Рога были выбелены чуть ли не до блеска ветрами и непогодой; никаких других костей рядом не было. Брианна поёжилась от этой зловещей сцены и вспомнила жуткий вой волков прошлой ночью. Молодой проводник перестал напевать и громко вскрикнул, показав камчой куда-то вдаль. Прищурив глаза, она впилась взглядом в ту сторону, куда была направлена камча, и увидела несколько едва заметных серых столбиков дыма, курящихся в полукружии долины внизу. «Наконец-то!», – облегченно подумала она про себя и опять поморщилась от боли на бедрах.

Несмотря на долгий переход, они не стали делать привал, а продолжили двигаться в сторону дыма. На некоторое время дым исчез из-за того, что тропинка делала извилистую петлю вдоль подножия огромной скалы, в некоторых местах почти что отполированной и идеально вертикальной, словно крепостная стена. Брианна заметила на скале странные рисунки, тронутые временем, и некоторое время силилась вспомнить, где она уже видела нечто подобное. Одновременно с усиливающимся ветром начинали сгущаться сумерки. А ещё через час они въехали в узкую долину, по центру которой текла небольшая речушка. Вдоль реки стояло несколько юрт из грязно-серого войлока; тут же был загон для овец и высокие, в человеческий рост, аккуратно сложенные пирамиды из кизяка. В загоне, словно гигантское желто-черное желе, в одну блеющую массу сгрудились согнанные туда на ночь бараны. На склоне неподалеку паслись лошади, как будто бы клонированные с той, на которой, изнемогая от боли, ехала верхом Брианна. А в середине, между лошадьми и юртами, величественно возлежал огромных размеров двугорбый верблюд.

Несколько всадников рысью мчались к ним со стороны юрт, с каждой минутой становясь всё ближе. Послышался собачий лай. Старший проводник, обернувшись, дал понять, что все должны остановиться. Брианна почувствовала учащенное сердцебиение и пот на ладонях, позабыв об усталости и боли от мозолей на ногах; неизвестность казалось очень интересной, ещё немного и она сможет прикоснуться к жизни этих людей, волею судеб застрявших в Средневековье, но этим-то и крайне ценных для ее исследований. Всадники перешли с рыси на шаг и вскоре можно было различить их волчьи малахаи и темные, выдубленные ветром и горным солнцем лица. Старший проводник степенно их поприветствовал, и начался диалог, продолжавшийся несколько минут. После этого он обернулся и показал, что можно ехать. Мухтар поравнялся с Брианной и радостно сказал вполголоса:

– Всё в порядке. Баяндир ждет нас.

* * *

В по-настоящему кочевой жизни прошлого понятия границ и расстояний, вероятно, настолько же эфемерны, насколько и черные дыры в астрофизике – вроде бы они есть, и даже не только теоретически, но мало кто серьезно ими интересуется. Возможно, этим обусловлен феномен близости и взаимного понимания различных тюркских языков, от уйгурского на крайнем востоке, до турецкого на крайнем западе. Киргизы, как и многие другие тюркские номады, веками кочевали по просторам Центральной Азии от Алтая до Памира. Ввиду совершенно уникального стечения истори-

ческих обстоятельств, в конце двадцатого века они получили свое собственное государство, в котором эта кочевая жизнь сменилась той, что принято называть современной. Удел памирских киргизов был иным. Лихие набеги на караваны, идущие по знаменитому Шелковому Пути, сменились чуть более мирной пасторальностью к восемнадцатому веку. Памирское высокогорье было для них тогда летним пастбищем, куда киргизы отгоняли скот для выпаса; зиму же они проводили в теплых долинах. Стратегическое противостояние двух империй, Российской и Британской, сыграло злую шутку с их кочевым ареалом. Для того, чтобы избежать общей границы между российским Туркестаном и британской Индией, из Афганистана «вытянули» узкий коридор, буфером проходящий между этими двумя уже давно ушедшими в историю империями. К пятидесятым годам двадцатого века границы были наглухо задраены, заперев тем самым памирских киргизов в афганском высокогорье. С тех самых пор суровые памирские зимы стали для них удручающей реальностью, и кочевать они теперь могли лишь вдоль памирского высокогорья Ваханского коридора.

Брианну разместили в одной из юрт, расположенных в центре кочевья. Было почти темно, когда ее привели в эту юрту, в которой жили супруги лет сорока, их дочь, девочка пятнадцати лет, и ещё одна дочка, которой было четыре годика. Мухтар и киргизы-проводники попрощались и отправились куда-то к окраине кочевья вместе с джигитами, которые их встретили. Хозяйка вскипятила чайник и разложила на дастархане боорсоки, каймак и немного изюма. При тусклом свете керосинки они пытались общаться, как могли, дополняя речь жестами, и с плохо скрываемым любопытством разглядывали друг друга. Хозяина юрты, степенного и медлительного мужчину, звали Асхат, его жену, удивительно расторопную женщину с разбитыми от работы руками, Разия. Дети уже спали.

– Твоя юрта далеко? – спросил ее хозяин после третьей пиалы.

– Два перелета. На самолете. Семь и одиннадцать часов, – ответила она, силясь подобрать подходящее слово для «самолета».

Асхат с непониманием смотрел на нее; после нескольких уточнений, стало очевидным, что русское «самолет» и турецкое «учак» одинаково плохо воспринимались в этой юрте. Английское «эйрплэйн» также не прояснило картину.

Разия показала ей место, где был расстелен яркий ширдак. Брианна развернула свой спальник и влезла в него в одежде, сняв лишь обувь и куртку. В юрте было тепло; запах кизяка, которым топилась ржавая «буржуйка», перемешивался с кислым ароматом чего-то молочного. Ей стало невероятно спокойно – волки и холод были там, снаружи, а тут было тепло, и рядом – приветливые, хоть и почти не понимающие ее киргизы. Она поняла, насколько устала, и даже боль в бедрах ее не беспокоила так, как в прошлые ночи. Через минуту она погрузилась в глубокий сон, пока хозяева юрты всё ещё пили чай и что-то тихо, но оживленно обсуждали.

Утром ее разбудил задорный детский смех. Маленькая дочка Асхата и Разии то приближалась к ней, то со смехом отбегала в дальнюю часть юрты. Брианна заметила браслет на ее маленькой ножке и большую сережку в одном ушке. Девочка выглядела бы совершенно как мальчик, если бы не замысловато заплетенная коса. Притворившись, что ещё спит, она дождалась, пока та вновь приблизится и, резко открыв глаза, шутливо зарычала, оскалив зубы. Девочка вновь со смехом отбежала. В этот момент в юрту вошла раскрасневшаяся от утреннего морозца Разия и что-то строго сказала ребенку. Та, надув губки, перестала бегать по жилищу. Брианна вылезла из спальника и потянулась. Выходя из юрты, она вытащила из кармана куртки шоколадный батончик и дала его девочке.

Большое количество детей и женщин словно ждали ее выхода наружу, стоя полукругом перед незатейливой и кое-где потрескавшейся дверью в юрту. Она слегка опешила от десятков пытливо сверлящих ее глаз. Кое-кто оживленно переговаривался, кто-то хихикал. Ночью были первые заморозки, и дверь снаружи была покрыта

инеем. Изо рта шел пар. Отроги вокруг долины были словно присыпаны сахарной пудрой. «Как Бэйкер[1]», – мелькнуло у ней, пока она лихорадочно вспоминала, какое из известных ей киргизских приветствий было бы уместно употребить в этой странной ситуации. Лошади на склонах выглядели как маковые зерна на глазурном круассане. Огромный бактриан с заиндевевшими макушками горбов по-прежнему лежал на своем месте. Прежде чем она решилась что-то сказать, толпа расступилась, пропустив к юрте пожилого аксакала в окружении нескольких джигитов. Мухтар тоже был с ними. Приблизившись к ней, аксакал что-то важно сказал и показал на рослого парня с обветренными скулами и длинным рваным шрамом на щеке, стоящего справа от него. Мухтар быстро перевел:

– Баяндир приветствует тебя в своем кочевье и надеется, что тебе у них понравится. Мистер Солсбери говорил о том, что ты, возможно, приедешь к ним ещё два года назад. Барлас будет оказывать тебе поддержку и покажет всё вокруг, все вопросы к нему, – Мухтар показал на парня.

Брианна сначала протянула руку, но, вовремя спохватившись, отдернула ее и вместо этого учтиво поклонилась. Мухтар тихо шепнул ей на ухо:

– Это хан ваханских киргизов. Можно вытаскивать.

Она кивнула и извлекла из-за пазухи новенькую пару теплых перчаток камуфляжной расцветки и свернутую пачку пятидолларовых купюр. Баяндир приказал кому-то взять деньги, но перчатки взял сам и с одобрением их пощупал и рассмотрел.

– Джакшы, алтынчач, абдан джакшы[2]! – сказал он после этого, ещё раз показав на парня со шрамом.

После этого он развернулся и пошел к реке. Джигиты последовали за ним. Женщины и дети стали громко щебетать, смеяться и показывать на Брианну. Та непонимающе улыбалась в ответ, вопросительно глядя на оставшегося у юрты Мухтара. Тот тоже улыбнулся.

– Ну вот и все, теперь ты у них алтынчач, златовласка, – сказал он.

Брианна понимающе кивнула. Было очевидным, что никто и никогда в кочевье хана Баяндира ещё не видел блондинов.

* * *

«16 сентября: Сурчиный жир совершенно уникальное лекарство. Разия дала мне его для растирания мозолей на бедрах и через два дня я опять была в седле без какой-либо боли. Барлас и я потихоньку находим общий язык, однако лазить в словарь приходится довольно часто. Понемногу привыкаю к кумысу, который тут пьют так же часто, как и чай. Вчера мы помогали выгонять на выпас яков. Скоро перекочевка».

Брианна дописала предложение в своем журнале и сделала честную попытку допить большую кесушку кумыса, которую ей налила Разия. Кумыс был противно кислым и густым почти как жидкий однопроцентный йогурт, который она часто покупала у себя в Сиэтле. Допив его, она поблагодарила хозяйку и стала рыться в рюкзаке в надежде найти запасную флэш-карту для фотоаппарата. Как только она ее отыскала, в юрту постучался и сразу же зашел Барлас.

– Алтынчач, готова? Лошади ждут.

– Иду.

Брианна застегнула куртку и быстро вышла из юрты, помахав рукой Разие и её дочерям; они все вместе разделывали мясо зарезанного утром барана, собираясь что-то готовить. А через несколько минут они с Барласом на лошадях легкой рысью уже семенили к ближайшему ущелью.

[1] Гора Бэйкер (Mount Baker) – гора в северной части штата Вашингтон, видимая из Ванкувера и Сиэтла и круглый год покрытая снегом.

[2] «Хорошо, Золотой Волос, очень хорошо!» (кирг.)

Барлас со всей ответственностью подошел к поручению, данному ему Баяндиром. Брианна была вторым человеком не из кочевья, которого он когда-либо видел. То есть, конечно же, он видел тех торговцев-пуштунов, что приезжали к Баяндиру несколько раз в год, и таджиков из ближайшего кишлака, куда он с ханом ездил несколько раз в год, но они были не в счет. Два года назад к ним приезжал мистер Солсбери, который прожил у них два месяца, постоянно что-то записывая. А теперь вот Брианна. И он, и она были совершенно не похожи на обычных горцев Памира, они казались Барласу почти что сказочными существами из легенд, которые долгими зимними вечерами, бывало, рассказывала старая Каныкей-апа, приехавшими из сказочной страны Америки, где люди не пьют кумыса и не разводят яков, но зато имеют всё, что захотят. «Алтынчач-пери[1]», называл он ее про себя, с трудом привыкая к факту, что Брианна была высокой сероглазой блондинкой.

Сегодня он обещал показать ей архаров. Брианна много слышала о легендарных архарах Марко Поло с их гигантскими спиральными рогами, названных в честь знаменитого итальянского путешественника, и надеялась их увидеть воочию тут, на Памире. Барлас уверенно вел ее туда, где, по его рассказам, можно было увидеть целое стадо, и она надеялась сделать фотографии этих легендарных копытных. Когда дорога лежала вдоль небольшой долинки, они могли ехать бок о бок и разговаривать. Барлас был немногословен, но на все вопросы Брианны отвечал обстоятельно.

– Хан у вас дружелюбный, – пыталась она завязать диалог, – и лошадей у вас много...

Он с прищуром посмотрел на нее и растянул губы в улыбке. Его шрам свинцового от ветра цвета жутковато перекосился на скуле.

– У хана свои причины быть дружелюбным с тобой. И с мистером Солсбери.

– Что за причины такие? – с интересом спросила она.

Барлас перестал улыбаться и неторопливо почесал камчой свой шрам, как бы обдумывая ответ. Потом ответил, тщательно выбирая слова.

– Баяндир бывал далеко от нашего кочевья. Два раза. Один раз хадж совершал. В другой раз в Турцию ездил. Хан считает, что мы сильно отстали от мира.

– Как отстали? – спросила Брианна с ещё большим интересом.

Барлас уже настороженно посмотрел на нее и, сделав паузу, ответил:

– Он говорит, что теперь в мире не умирают так часто, как у нас в кочевье. Особенно дети. Потому что у вас есть целители, знающие, как заговорить недуги. Он говорит, что теперь в мире все умеют писать и читать, а не только муллы, читающие Коран. Что едят не только мясо с токочами[2], но ещё и много чего другого, что растет на земле, как, например, лук, который нам привозят пуштуны. Так он говорит.

– Так отчего же хан дружелюбен? – спросила она, стараясь уловить нить его рассуждений.

Барлас вновь почесал камчой скулу и поправил слегка сползший набок малахай.

– Баяндир хочет, чтобы к нам в кочевье когда-нибудь приехал целитель из Америки. И учителя, чтобы детей учить читать. Ещё он хочет послать кого-нибудь в Америку, чтобы потом тот вернулся и сделал жизнь в кочевье лучше.

– Ты имеешь в виду, чтобы кто-нибудь поехал поучиться?

– Да. Но у вас не говорят по-киргизски и на фарси тоже не говорят. Надо сначала ваш язык поучить.

Брианна улыбнулась. Барлас был трогательно наивен в этом аспекте, как, вероятно, и сам хан Баяндир.

– Ну так хочешь я буду учить тебя английскому? Ты ведь меня учишь киргиз

[1] Пери – в мифологии народов Средней Азии, сказочное существо в виде красивой девушки, обычно умеющее летать и колдовать. В некоторых сюжетах пери могут вступать в брак с людьми и рожать от них детей.

[2] Токоч – разновидность киргизских хлебных лепешек.

скому! Знаешь вот, как лошадь будет? Очень просто – «хорс».

Барлас ухмыльнулся.

– Нет, это не для меня... Я в Америку не хочу.

– Почему же нет?

– Мне Кара Мухаммед, тот пуштун, что лук нам привозит, рассказывал, что в Америке не так хорошо, как Баяндир думает.

– Что ж там плохого?

Лицо Барласа стало серьезным, а глаза превратились в узкие щелочки от прищура. Волчий мех малахая, надвинутого на брови, изящно развевался на ветру прямо над его глазами.

– Он сказал, что свободы там нет. Нельзя сесть на лошадь и поехать на охоту просто так, как у нас. Нельзя юрту поставить там, где хочется. Много, сказал, чего нельзя. А я не могу без свободы. Мы, киргизы, все такие.

Сказав это, он пришпорил своего гнедого аргамака и перешел на рысь, оставив Брианну чуть позади. Она остановила свою лошадь и с легкой улыбкой на лице стала что-то быстро записывать в своей тетради озябшими от ветра и трудно гнущимися пальцами. Барлас продолжал скакать вдоль долинки в сторону большой скалы, у которой река делала изгиб. Записав все, что хотела, Брианна двинулась за ним.

Она нагнала его у этого изгиба. Барлас приложил палец к губам, давая понять, что надо быть тише и показал камчой на скалу, что почти аркой свешивалась над речным поворотом. Они осторожно приблизились к ней. Брианна подняла голову и едва не ахнула – на скале стояло целое семейство архаров. Крупный самец с большими витыми рогами был в центре, по бокам от него стояли безрогие самки меньшего размера и молодняк. Серое небо над архарами и бурая, почти темно-красная скала, на которой они стояли, делали всю картину удивительно живописной. Она лихорадочно полезла в свой рюкзак, стараясь не делать резких движений, но вскоре поняла, что снять его со спины и вытащить находящуюся там камеру невозможно без угрозы спугнуть животных. Плюнув и выругавшись сквозь зубы, она как можно незаметнее достала из кармана айфон и, сняв одну перчатку, стала нервно делать фотографии на него окоченевшей ладонью. Снятая перчатка упала на землю, и это почему-то вспугнуло ее лошадь, которая начала пятиться и громко фыркать. Почуявшие резкое движение где-то внизу архары моментально и бесшумно исчезли.

Брианна спешилась и, сунув перчатку в карман, стала листать на айфоне сделанные фотографии. Из них парочка получилась совсем неплохо. Барлас с диким интересом смотрел на ее манипуляции с айфоном, свесившись с седла, а когда она простым движением пальцев увеличила изображение архара, просто раздвинув его на дисплее, интерес на его лице сменился шоком. У нее не осталось сомнений, что ее айфон был первым в кочевье Баяндира. Улыбнувшись, она поднесла айфон поближе к нему, заставив его пятиться от неожиданности. Но уже через минуту Барлас увлеченно двигал своими жесткими, как наждачная бумага, пальцами по дисплею, имитируя то, что делала Брианна, и с удовольствием причмокивая. Подождав, пока он рассмотрит все фотографии, она дала понять, что пора бы уже заканчивать и нажала на единственную кнопку айфона, закрыв приложение для картинок. На дисплее появился портрет, который она всегда держала на нем в качестве виртуальных обоев. Барлас внимательно рассмотрел его и, не отводя глаз, спросил:

– Бу ким[1]?

Брианна улыбнулась.

– Это мой муж, Джонни, – ответила она, с теплотой посмотрев на портрет лысеющего мужчины лет сорока с доброй, усталой улыбкой во весь рот.

– Киргиз?

Она едва сдержала смех.

[1] «Кто это?» (кирг.)

– Нет. У него папа ирландец, а мама китаянка. Это довольно типично для Сиэтла.

Где-то высоко наверху грозно пророкотало. Начался дождь. Упавшие на айфон капли нелепо исказили лицо Джонни, вытянув ему рот и сдвинув вбок глаза. Она сунула айфон в карман, взобралась на лошадь, и они быстро поскакали обратно.

* * *

«1 октября: Супружеская пара из самой ближней к реке юрты, Малдыбай и Суюнбике, похоронили вчера младенца. Ребенок прожил всего неделю. Скорбь висит в воздухе, но никто не видит в этом особенного трагизма; из шестерых их детей двое умерли в младенчестве, один в пятилетнем возрасте. Трое других живы и здоровы, старшему уже тринадцать. В этом высокогорном кочевье естественный отбор по Дарвину – не теория в университете, а регулярная и часто жестокая реальность...»

Брианна уже больше месяца жила в кочевье Баяндира, но практически каждый день открывал для нее неизвестные ей особенности жизни этих номадов, волею судеб оставшихся в далеком прошлом истории. Детская смертность у баяндировского клана была совершенно немыслимой для двадцать первого века, но сами киргизы относились к этому как к данности, с которой просто надо было сосуществовать. Барлас, ставший более общительным, часто объяснял ей разные нюансы жизни памирцев. От него она узнала как-то утром, пока он подкармливал яков, что маленькая дочка Асхата и Разии на самом деле не девочка, а мальчик.

– У них дочка старшая, ты ее знаешь, а потом были три мальчика, которые все умерли в раннем возрасте. Когда Аллах опять послал им мальчика, ему в первый же день ухо прокололи и повесили серьгу как девочке. Волосы выросли – косу заплели. Теперь вот одевают как девочку.

К концу Барлас почти перешел на шепот.

– Почему? – спросила удивленная Брианна.

– Чтобы Албарсты[1] и другие духи не думали, что она – мальчик. Так до суннета[2] будет. Только тихо об этом, – Барлас красноречиво приложил указательный палец к губам.

Брианна молча кивнула. В мировоззрении Барласа, да и всех, пожалуй, местных киргизов языческие представления о сверхъестественном каким-то непостижимым образом вполне мирно уживались с традиционным для тюркских народностей исламом. Помолчав немного, он вдруг пристально посмотрел на нее и загадочно спросил:

– А у тебя дети есть?

– Нет. Нет пока, – ответила она

– А ты детей любишь?

Брианна с улыбкой взглянула на него и ответила:

– Конечно, люблю.

Он почему-то сконфузился и зарделся. Шрам его в этот момент стал багровым. Ничего не сказав, он высыпал в корыто остаток сена, взял лежащее на земле седло и направился к фыркающим неподалеку лошадям.

Вечером Мухтар, живший в юрте Баяндира, принес интересную новость: завтра хан с джигитами едет в таджикский кишлак к западу от кочевья, чтобы купить соли для животных. Они не против взять с собой Брианну. Но дорога длинная, два дня туда, день там и два дня обратно. Ночевка в дороге будет не в палатках, а в какой-то огромной пещере в скалах, в которой можно спокойно переночевать, не боясь волков, тем более, что людей будет много. Перспектива ночевки в пещере среди

[1] Албарсты – в поверьях киргизов злой демон в облике уродливой женщины, вредящий роженицам и новорожденным.

[2] Суннет – мусульманский обряд обрезания.

мужиков-горцев, смотрящих на многие вещи куда более незамысловато, чем университетская среда, к которой она привыкла, звучала пугающе, но шанс посмотреть на таджикский кишлак и понаблюдать за тем, как кочевники вступают в торговые контакты с оседлым персами, был слишком соблазнительным для неё, как для исследователя. Брианна сказала Мухтару, что поедет.

Ночью выпал снег. Едва рассвело, как Баяндир и ещё с дюжину молодцов, включая Барласа и Мухтара, выдвинулись в дорогу. Брианна в черных солнцезащитных очках и в натянутом капюшоне, семенила верхом рядом с Барласом. Взятые путниками с собой яки двигались весьма неторопливо, задавая тон всей процессии. Два больших волкодава с мехом цвета пыльного шафрана игриво бежали вдоль кавалькады, иногда барахтаясь мордами в снегу. На выходе у долинки тропа стала совсем узкой, и вся процессия вытянулась в цепочку с яками посередине.

За весь день они сделали два коротких привала и с наступлением сумерек приблизились к той самой пещере, где планировалась ночевка. Пещера и правда была большой и просторной, запросто могущей вместить в три раза больше народу, чем было в их торговом кортеже. Лошадей и яков привязали прямо под скалой у входа, чуть дальше развели огонь. Все знали, что надо делать, лишь пару раз Баяндир что-то говорил своим людям, показывая куда-то камчой. Они быстро перекусили вареным мясом и жесткими несвежими лепешками, которые поджаривали на костре, как тостики. Лепешки впитывали запах кизяка, но не становились от этого хуже. Кое-кто пил кумыс, но Барлас сделал чай, и Брианна с удовольствием выпила две пиалы.

Один из парней время от времени пристально смотрел на нее во время трапезы, и под его острым взглядом Брианна уже пожалела, что согласилась на эту поездку. Отблески костра освещали странные рисунки на стенах пещеры, похожие на те, что она видела на скалах, когда они только подъезжали к стойбищу Баяндира с Мухтаром и проводниками. Глядя на них сейчас, она вспомнила, где она видела нечто подобное – несколько лет назад, когда они с Джонни путешествовали по штату Юта, она видела похожую наскальную живопись в одном из каньонов. В этот момент она почувствовала, что кто-то резко сорвал с нее очки.

Тот самый парень, что буравил ее взглядом, стоял рядом и с интересом рассматривал снятые с Брианны очки, трогая грязными пальцами с черными ногтями за стёкла. Она на мгновение потеряла дар речи, но, взяв себя в руки, показала жестом, чтобы он их ей вернул. Парень, равнодушно посмотрев на нее, продолжал изучать ее очки, совершенно немилосердно сгибая дужки, которые уже начали похрустывать. Брианна беспомощно стояла перед ним, продолжая активно жестикулировать, но без какого-либо успеха.

Уходивший помочь с лошадьми Барлас вернулся в пещеру и несколько секунд недоуменно наблюдал за сценой. После чего, четко поняв, что происходит, что-то резко сказал на киргизском парню. Тот цыкнул в ответ и повернулся к нему спиной. Глаза Барласа сузились, ноздри вдруг стали свирепо раздуваться и шрам, бегущий по щеке, вновь стал багровым. Не говоря больше ни слова, он схватил парня за воротник овечьего тулупа и, мощно отбросив к стене, прижал левой рукой свою камчу к горлу парня, а другой рукой очень ловко вытащил нож с широким лезвием и поднес его к носу уже трясущегося от страха джигита. Парень протянул руку с очками Брианне. Она взяла очки, быстро надела их и заплетающимся от волнения языком, коверкая киргизские слова, попросила Барласа убрать нож. Пламя костра почти что отражалось в шраме Барласа, чьи ноздри продолжали гневно раздуваться. Кто-то крикнул что-то с другого конца пещеры. Он медленно убрал нож и ослабил давление камчи у горла. Джигит, почувствовав, что опасность миновала, резко отскочил от стены и выбежал наружу.

– Не бойся, он больше не будет тебя тревожить, – сказал он ей Барлас, убирая нож.

В течении часа все постепенно угомонились. Брианна нашла удобную расселину между камней и расстелила свой мат. Не раздеваясь, влезла в спальник, изо всех сил надеясь, что ничего подобного не будет происходить ночью. В пещере пахло кизячным дымом, кумысом и мокрой шерстью животных. Было влажно и тепло. Иногда негромко ржали лошади. Изредка лаяли волкодавы. Кое-кто всё ещё негромко разговаривал. «Хорошо, что Барлас рядом был...», – подумала она и погрузилась в неспокойный сон.

Утром Брианна проснулась от недовольного мычания яков. Пытаясь приподняться, она почувствовала, что сверху на ней лежит что-то лишнее и тут же поняла, что чем-то укрыта. Щуря глаза от врывающегося в пещеру яркого утреннего света, усиленного отражением от снежного покрова, она увидела Барласа, всё ещё спящего, облокотившегося на огромный валун прямо под рисунками на стене. Он был в одном чепкене[1]; его просторный волчий тон[1] лежал на Брианне, укрывая ее с ног до головы. Она улыбнулась и потянулась к своему рюкзаку, лежащему неподалеку.

Весь день они медленно двигались по снегу на запад, и когда Баяндир объявил о последней остановке перед кишлаком, стало понятно, почему киргизы называли его Эски Джумуртка[2]. С вершины горы, на которой они делали привал, открывался довольно живописный вид на небольшую долину внизу, в самом центре которой расположился этот кишлак. Его строения вытягивались в форму овала с неровными сторонами, и издалека он действительно напоминал сваренное вкрутую яйцо с растрескавшейся скорлупой.

Сами таджики называли свой кишлак Намак, что означало «соль» на фарси; название было обусловлено тем, что в горах неподалеку были крупные залежи каменной соли, которую жители кишлака добывали и продавали, в том числе и ваханским киргизам.

Когда они въехали в кишлак, Брианна сразу заметила большую разницу как во внешнем виде, так и в манере одеваться между киргизами и жителями этого горного села. Весь кишлак был застроен небольшими одноэтажными мазанками, юрт нигде не было. Вывалившая на улицу толпа местных жителей с интересом наблюдала за процессией, с особенным удивлением пялясь на столь резко контрастировавшую с кочевниками Брианну. Пожилой мужчина в традиционном для афганцев головном уборе важно вышел навстречу из толпы и уважительно поприветствовал Баяндира. Тот спешился. Пожав друг другу руки, они начали оживленно общаться на смеси киргизского и фарси.

Оглядываясь вокруг, Брианна заметила, что на доме в боковом переулке что-то написано и похоже было, что английскими буквами. Показав жестами Барласу, что она хочет посмотреть, что там такое, она спешилась и, ведя за собой лошадь, пошла в сторону этого дома. Барлас верхом последовал за ней. Пройдя несколько метров, она радостно вскрикнула и едва не побежала к этому дому, испугав привязанного неподалеку ишака. На этой старой саманной мазанке во всю высоту стены было коряво выведено выцветшей краской:«INTERNET». Барлас недоуменно наблюдал за происходящим, косясь на большую тарелку спутниковой антенны, совершенно не к месту прилепившейся на крыше этого дома.

Хозяин дома, молодой афганец с рудиментарным английским, предложил им чаю. Через несколько минут Брианна подключилась к сети своим айфоном, одновременно поставив его на подзарядку. «Спит ещё, наверное...», – подумала она, ткнув пальцем в иконку Скайпа. Наполнивший дом звук скайповских гудков заставил Барласа насторожиться. Он с тревогой смотрел на улыбающуюся Брианну. Хозяин же дома оставался совершенно невозмутимым, что конфузило Барласа ещё больше. Через пару минут гудки сменились странным скрежетом.

– Привет, проснулся уже? – она радостно смотрела на заспанное лицо Джонни,

[1] Чепкен, тон – разновидности мужской верхней одежды у киргизов.

[2] Эски Джумуртка – Старое Яйцо (кирг.).

состоящее из мелких, неровных, раздражающе двигающихся квадратиков из-за неважного качества связи.

– Привет, привет... Как там на Крыше Мира?

Джонни выглядел заспанным и небритым, его большая лысина на макушке ярко отражала свет включенной в их спальне лампы. Он был одет в старую выцветшую майку с надписью «Голосуйте за Керри[1]!», которую Брианна привезла ему давным-давно из Нью Йорка ради хохмы, зная, что Джонни закоренелый республиканец. Послышался собачий лай, и на колени к Джонни радостно запрыгнул Шопенгауэр, или просто Шоппи, их серый мопс, взятый Брианной из собачьего приюта несколько лет назад.

– Тут холодно, уже снег везде. А ветер такой, что лицо у меня теперь как наждачная бумага, всё обветрилось. Как там, в Сиэтле?

– Ничего, дожди...

Хозяин дома налил ей чаю и тактично вышел из комнаты. Барлас с нарастающим беспокойством и глубоким непониманием происходящего продолжал молча смотреть на Брианну с другого конца стола, за который их посадил афганец. Брианна радостно щебетала с супругом, только что проснувшимся на другом конце света, делясь новостями и слушая его рассказы о том, что творится в далёком американском городе на берегу Тихого Океана.

– Ты знаешь, я уже не могу без кофе тут... Погоди, я сейчас тебе представлю Барласа. Хан Баяндир специально отрядил этого джигита, чтобы он мне во всём помогал.

Она жестами показала Барласу, чтобы тот подошел поближе к ней. Он продолжал беспокойно смотреть на нее, потом встал и неуверенно приблизился. Брианна, улыбаясь, повернула к нему дисплей айфона, и Джонни, увидев джигита, приветливо помахал ему рукой и поздоровался.

Гримаса ужаса перекосила лицо Барласа, и он с криком отпрыгнул назад, поскользнулся и упал, выронив из рук камчу. Поднявшись, он стал пятиться, не сводя взгляда, полного первобытного кошмара, с продолжающего ему махать Джонни на айфоне. Его побагровевший шрам казался длиннее, чем обычно, из-за отвисшей от страха и изумления челюсти. «Бисмиллах!», – тихо произнес он, уперевшись в стену, после чего стремительно выбежал из мазанки, с грохотом уронив по дороге стул.

Брианна, слегка оцепенев от произошедшего, повернула к себе айфон и продолжила диалог с мужем.

– Что-то не получилось у вас знакомства, – сказала она Джонни, растерянно улыбаясь.

– Бывает... – невозмутимо ответил тот.

Они пообщались ещё несколько минут. Она подождала, пока айфон зарядиться и заплатила хозяину. Даже тут, в диких горах Центральной Азии, все были рады наличным американским долларам. Чуть позже она узнала, что в этот день впервые за всю историю ваханских киргизов Баяндир расплатился с таджиками за соль не баранами, а долларами, которые она вручила ему при знакомстве.

* * *

«5 октября: Аксакал в таджикском кишлаке, где Баяндир и его люди купили соль, удивительно похож на Ахмад-Шах Масуда[2]. Соль в мешках навьючили на яков, и поэтому дорога обратно стала ещё более неторопливой; яки и так двигаются неспешно, а уж навьюченные тем более. В кишлаке визуально страшная нищета – кир-

[1] Джон Керри – номинант на пост президента США от Демократической Партии на выборах 2004 года, впоследствии госсекретарь в кабинете Барака Обамы.

[2] Ахмад Шах Масуд – полевой командир так называемого Северного Альянса, убитый агентами Талибана в 2001 году.

гизы на этом фоне контрастируют так же, как менеджеры Майкрософта в Редмонде с бомжами на Пайк Плэйс. Сегодня предстоит ещё одна ночевка в пещере Аю Таш[1], как ее называют киргизы, так как якобы когда-то давным-давно в ней жили медведи...»

– Эй, Алтынчач?

Она оторвала голову от тетради и посмотрела в сторону входа в пещеру. Барлас, не проронивший ни слова с тех пор, как он стремглав выбежал из той мазанки с интернетом, напряженно, но уже без страха смотрел на неё. Закрыв тетрадь и отложив ручку, она повернулась к нему.

– Да?

– Спать надо скоро... Баяндир говорит, что завтра холодно будет. Ты в порядке?

Было очевидно, что он пытается завязать разговор, но беспокоит его совсем другое. Он нервно теребил камчу в руках и совершенно без надобности всё время поправлял малахай на голове.

– Да, всё нормально. Холодно, говоришь? Надо будет ещё один свитер надеть...

Она стала рыться в своем рюкзаке, пытаясь найти этот свитер. Барлас, потоптавшись на месте несколько секунд, в очередной раз поправил свой головной убор и сказал:

– Ну, я пойду, коней стреножу...

Развернувшись, он пошел было ко входу, но вдруг резко развернулся и быстро спросил, будто бы боясь, что храбрость разузнать то, что надо, вот-вот покинет его:

– Алтынчач, а что, Джонни живет в этой штуке, которая делает фотографии?

Брианна, совершенно не ожидая такого поворота событий, едва сдержалась, чтобы не расхохотаться на всю пещеру. Сделав паузу, она восстановила самообладание и как можно строже ответила:

– Конечно.

Барлас нахмурился и почесал лоб.

– Всё время там живет, и ты с ним только вот так и общаешься, как в доме у того таджика?

Она изо всех сил напряглась, чтобы не улыбнуться, и молча кивнула, потом добавила:

– Иногда он оттуда выходит ко мне, но так ему там больше нравится.

– Оми! – воскликнул Барлас, покачав головой, и пошел к лошадям.

Найдя наконец-то свитер, Брианна приложила его к лицу, чтобы никто не слышал, и долго тряслась в беззвучном смехе.

Перед сном она вышла наружу справить нужду и подышать свежим воздухом без примеси запаха потных конских тел и тлеющего кизяка. Яки недовольно пробурчали, почуяв ее; купленная соль в больших мешках лежала аккуратно сложенной недалеко от них. Брианна взобралась на ближайшие валуны и зябко поежилась. Баяндир был прав – начинало холодать не на шутку. Присев на край большого черного камня, она посмотрела наверх. Глядя в небо, было совсем нетрудно понять, почему Памир называли Крышей Мира – сегодня облаков не было, небо было чистым и казалось, что вся Вселенная удалена от этой пещеры на расстояние не большее, чем высота знаменитой Спэйс Ниддл[2] в Сиэтле. Звезды сияли так ярко и гипнотизирующе, что на мгновение она забыла про холод. Млечный Путь сверкал массивным полукружием, и она вспомнила, что у всех кочевников есть легенды, связанные с ним. Киргизы считали, что это солома, которую куда-то тащит небесный путник, щедро ее при этом рассыпая. Она завороженно смотрела на созвездия, на блестящие вспышки падающих звезд, и думала, что здесь, в почти что арктических условиях высокогорья,

[1] Аю Таш – Медвежий Камень (кирг.).

[2] Спэйс Ниддл (Space Needle, Космическая Игла на английском) – архитектурное сооружение в Сиэтле, одно из самых высоких строений к западу от Миссисипи, 184 метра.

где клан Баяндира ведет непрерывную борьбу с силами природы за физическое выживание, красота ночного неба лишь то немногое, что может скрашивать жизнь этих неприхотливых номадов.

* * *

Три месяца жизни в памирских горах закалили ее вполне серьезно. Она привыкла к холоду и ветрам, к резко пахнущим кисломолочным продуктам, бараньему мясу и жиру, почти полному отсутствию овощей, а тем более фруктов, к постоянной езде верхом, к неприветливому норову яков, к перекочевкам по высокогорью, к грязному белью и невозможности принять душ, и даже к вою волков, который больше не вселял в нее дикого ужаса, хотя и заставлял настораживаться. Ее киргизский улучшился, и она стала понимать почти всё, что ей говорили. Толстая тетрадь была исписана на две трети, и она не могла нарадоваться, что случайно захватила с собой несколько авторучек из самолета, в двух из которых уже закончились чернила. План большой книги о кочевых тюркских народностях уже четко вырисовывался в ее воображении, перенасыщенном впечатлениями от погружения в эту кочевую жизнь, едва тронутую прогрессом.

Изменился и Барлас, по-прежнему помогающий ей во всем. Он перестал быть замкнутым и молчаливым, и, бывало, они болтали часами, скитаясь по окрестным горам, выполняя поручения Баяндира или просто прогуливаясь верхом. Барлас стал очень внимательным к Брианне и иногда ей казалось, что он выполняет поручение хана присматривать за ней чересчур ретиво. Она посмеивалась про себя, не придавая этому большого значения.

За два дня до ее отъезда обратно в Кыргызстан в кочевье приехали два пуштуна с двумя тяжело нагруженными лошадьми. Барлас объяснил Брианне, что приезжают они обычно два-три раза в год и привозят что-нибудь, чтобы обменять на баранов или лошадей, а самое главное – они привозят лук, единственный овощ, который киргизы потребляли в пищу на более-менее регулярной основе. Торговцев звали одинаково, но поскольку один из них был пожилым с белой бородой, а второй возраста Барласа с бородой черной, то прозвали их Ак Мухаммед и Кара Мухаммед.

Пуштуны с большим почтением поприветствовали Баяндира и его приближенных, расстелили яркий коврик у его юрты и стали раскладывать привезенные товары. Лук в мешках отдельно лежал в сторонке; он не требовал расхваливаний и презентаций, его купят обязательно. Глядя на них, Брианна вспомнила рассказы своего техасского деда. В далеком детстве, когда она каждое лето приезжала к нему на ранчо недалеко от Эль Пасо, за вечерней стопкой виски дед часто рассказывал про времена на фронтире, когда соседство с кочевыми команчами заставляло быть готовым ко всему в любое время суток. Сам дед застал тот период, будучи совсем ребенком, но вот его дед, которого звали, как и мужа Брианны, Джонни, человек как раз и заложивший это ранчо, повидал немало в те времена. По слухам, он и деньги на ранчо заработал, будучи команчеро – так называли торговцев, что имели храбрость брать на себя огромный риск ездить с товарами вглубь владений команчей. Джонни, по рассказам деда, был в этом смысле уникальным человеком – во всем Техасе он был единственным англоговорящим команчеро. Все остальные были мексиканцами. Ездить торговать в кочевье Баяндира для этих двух Мухаммедов, судя по всему, тоже было занятием рискованным, о чем красноречиво свидетельствовал автомат Калашникова, грозно торчащий из-за спины младшего из них.

В этот день было теплее, чем обычно, и даже ветер, казалось, слегка ослабил свое ледяное дыхание. Туч не было, и вся долинка вдоль речки была залита ярким горным солнцем. Пока все были заняты торговлей с пуштунами, Брианна решила доскакать до ближайшего ледника, огромным грязно-голубым языком сползавшим в до-

линку с другого от кочевья конца. Барлас охотно согласился ее сопровождать.

Они рысью помчались вдоль реки, постепенно переходя на более спокойную поступь. Барлас был улыбчив. У Брианны тоже было хорошее настроение.

– А что, эти пуштуны из продуктов только лук привозят? – спросила она, повернувшись к нему.

– Бывает, что не только лук, – ответил Барлас.

– Что же ещё?

Он прокашлялся и стал говорить чуть тише, будто бы рассказывая тайну.

– В той юрте, где ты живешь, у Асхата с Разией, у них дочка есть, старшая. Ее Айгерим зовут.

– Ну конечно, знаю.

– Ну вот, Кара Мухаммед глаз на нее положил, нравится она ему очень. В прошлый раз он ей яблоки привозил. Такие вот, как лук по размеру, только красноватые. Говорят, они сладкие, как санза[1].

Брианна удивленно посмотрела на него – жизнь среди этих кочевников не переставала ее изумлять.

– Ты что, ни разу не ел яблок? – спросила она с недоумением.

– Нет, не ел. Но я видел, как их ела Айгерим.

Отчего-то это рассмешило ее, и она громко рассмеялась. Он бросил на нее слегка озадаченный взгляд.

– Ничего, вот пошлет тебя хан в Америку, мы тебе много разных яблок дадим попробовать. А что же Айгерим?

– Айгерим маленькая ещё, сама ничего не решает. Но вот отец ее что-то не очень горит желанием дочь замуж за пуштуна выдать, хотя тот уже хороший калым обещал...

Брианна понимающе покивала. За время пребывания на Памире она стала лучше разбираться в хитросплетениях взаимоотношений между населяющими его народностями. Отношения эти были полны предрассудков и условностей, совершенно немыслимых для ее родного Сиэтла.

– Понятно... Ну да ладно. А про яблоки не забудем! Я на следующей неделе с мистером Солсбери буду встречаться, если он к вам соберется опять, я с ним обязательно парочку пришлю специально для тебя.

– Как на следующей неделе? – Барлас непонимающе нахмурился.

– Ну, как? Я же послезавтра уезжаю. Дорога долгая, только на следующей неделе и смогу с ним встретиться.

– Как уезжаешь?

Печать недоумения на его лице быстро сменилась смятением и беспомощностью. Он остановил свою лошадь, не отрывая взгляда от Брианны. Та развернулась к нему и, пожав плечами, сказала:

– Я у вас долго гостила. Пора мне домой. Меня Джонни ждет...

Они доехали до ледника, и Брианна сделала несколько фотографий. Всю дорогу обратно Барлас не проронил ни слова. Нахмуренные брови на его лице странно сдвигали его напряженный шрам к центру, делая его лицо ещё более печальным.

Вечером, когда она разбирала свои вещи, заранее готовясь к долгой дороге, в дверь юрты постучали. Пришедший Барлас попросил ее ненадолго выйти.

Небо вновь было полным звезд. Изо рта шел густой пар. Где-то далеко, на склоне у реки, ржали кони. Барлас был оживлен, казалось, от прежней угрюмости не осталось и следа.

– Кара Мухаммед Айгерим опять кое-что привез, – сказал он, заговорщицки улыбаясь.

[1] Санза – мучное кондитерское блюдо.

– Что же?

– Называется апельсин. Круглый, как лук. Отлично пахнет.

С мгновение они молча смотрели друг на друга. Не зная, что сказать, Брианна неловко вставила:

– Ну, я надеюсь, всё у них теперь хорошо будет.

Барлас внимательно посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

– Теперь всё будет хорошо.

Он кивнул ей и быстро пошел в сторону реки. Брианна пожала плечами и вернулась в юрту.

* * *

Утром приехали те самые проводники из Узгена, которые помогали им добраться до кочевья, чтобы на следующий день отправится с Брианной и Мухтаром обратно в Кыргызстан. Брианна встретила их у реки и поприветствовала на киргизском, вызвав у тех улыбки умиления. Была первая неделя декабря, и с лохматых морд яков и лошадей по утрам свисали ледяные гроздья маленьких сосулек, которые она не уставала фотографировать. Мухтар что-то обсудил с проводниками и сказал ей, что Баяндир планирует той[1] сегодня вечером.

– Джигиты уже отправились на охоту, хотят добыть архара.

День не был насыщен событиями. Многое из своих вещей она оставила Разие и ее дочкам, чем несказанно их обрадовала, аккуратно собрав остальное в рюкзаки. Асхату она дала такие же перчатки, что были подарены хану при встрече, которые сразу же были спрятаны Разией в большой кованый сундук, на который было водружено немыслимое количество ярких одеял. В каждой юрте, даже самой небогатой, обязательно было много одеял, сложенных высокой стопкой, и Брианна никак не могла понять, зачем их столько, предполагая, что, наверное, эти одеяла и их количество – своего рода фактор статуса у киргизов, такой же, как и количество баранов и лошадей. После обеда она долго общалась с Айгерим, пытаясь объяснить ей, что такое океан. Сделать это было совсем непросто, поскольку ничего, больше ледниковой речушки, на берегах которой стояла ее юрта, она, как и все киргизы в кочевье, не видела. Разговаривая с ней, Брианна поняла, что и деревьев та тоже никогда не видела, и поэтому концепция леса также требовала детальных объяснений.

Едва начали сгущаться сумерки, как громко залаяли собаки. Джигиты возвращались с охоты. Брианна вышла из юрты и увидела несколько всадников с вьючной лошадью, быстро приближавшихся с ближайшего склона. Впереди скакал младший брат Баяндира, Муртаза; поравнявшись с Брианной, он осадил своего коня и показал камчой на вьючную лошадь позади. К ее спине был приторочен крупный архар серебристого цвета с большими спиральными рогами, кончик одного из которых был обломан. С одной стороны его шкура была окровавлена; открытые застывшие глаза казались сделанными из стекла.

– Барлас подстрелил, – сказал он и пришпорил своего вороного.

Джигиты проехали мимо. Барлас, ехавший сзади и державший на поводу вьючную лошадь, бросил на нее странный, как будто бы оценивающий взгляд, но ничего не сказал.

Через пару часов архара освежевали и Разия с другими женщинами стали готовить незамысловатое блюдо – печень порубили на небольшие кубики, которые оборачивали в подкожный жир архара, щедро посыпали солью и черным перцем и насаживали на металлические шампуры. Барлас с джигитами развел огонь у юрты Баяндира и жарил эти шашлыки на открытом пламени. Брианна с интересом наблюдала за процессом, отмечая про себя ту изобретательность, с которой киргизы не

[1] Той – пир (кирг.).

давали ветру сдувать жар пламени, но не надеясь на какую-либо гастрономическую изысканность этого блюда.

Вскоре, сидя в юрте Баяндира на почетном месте, она трапезничала с ханом и его приближенными – шашлыки эти со свежим луком оказались просто восхитительным блюдом. Хан долго и пространно говорил о том, как он рад был принять в своем кочевье сначала мистера Солсбери, а теперь вот и ее, и что это только начало их сотрудничества, которое, вне всякого сомнения, будет чрезвычайно полезно как его клану, так и американцам. Брианна уважительно кивала, вставляя иногда короткие «макул» и «тура», изредка прося Мухтара, сидящего рядом, уточнить, правильно ли она поняла тот или иной оборот. Ей постоянно подливали кумыса, заботливо следя за тем, чтобы большая кесушка всегда была наполнена. Спустя час Брианна поблагодарила хана и всех присутствующих и сказала, что ей надо бы ещё собраться перед завтрашней дорогой. Ещё полчаса были потрачены на прощальные речи, а когда они с Мухтаром вышли из ханской юрты, стало уже совсем темно и даже угли на жаровне, где Барлас с помощниками жарил мясо, перестали искриться под порывами ветра.

– Ну ладно, до завтра, – сказала она Мухтару, – пойду собираться, ещё с Разией надо кое-что обсудить.

– Давай, – ответил он, – только Разии и Асхата и их дочери Айгерим пока в юрте нет, они будут скоро с ханом обсуждать сватовство. Кара Мухаммед, молодой пуштун-торговец, очень настойчив. Говорит, любовь у него. Но обсуждать, скорее всего, будут размер калыма.

Она с любопытством посмотрела на Мухтара и покачала головой. Тот усмехнулся и, махнув ей рукой, пошел к своей юрте. Вернувшись к себе, Брианна действительно не застала никого кроме малыша, мирно похрапывающего под ворохом одеял. Керосинка была включенной; она стала в очередной раз перебирать свой скарб, стараясь вспомнить, всё ли она положила, куда нужно.

Послышался тихий стук в дверь юрты. Она открыла дверь. На пороге стоял Барлас. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Брианна была уже готова что-нибудь сказать, как он схватил ее, сильным и ловким движением закрыл ей рот мускулистой ладонью, вытянул наружу и повалил на землю перед входом. Несколько секунд потребовалось, чтобы затолкать ей кляп и завязать вокруг головы обрез яркой ткани с одеяла. Ещё немного, и ее руки тоже были связаны. Он с легкостью взвалил ее на плечо и торопливо куда-то понес. Она пыталась кричать и вырываться, но кляп был настолько плотно засунут ей в рот, что трудно было даже дышать. Барлас, казалось, даже не замечал ее резких дерганий и извиваний. Послышалось тихое ржание, и Брианна почувствовала, что оказалась верхом. Прежде чем она отчетливо поняла это, он удивительно быстро связал ей ноги, пропустив веревку по животу лошади, свободным концом привязав ее к седлу за талию. Она отчаянно вцепилась в лошадиную гриву, понимая, что теперь ей не вырваться.

– Чу!

Он повел лошадь с Брианной, продолжающей скулить сквозь заткнутый рот, обратно к юрте. Сквозь прорезь ткани на глазах она увидела, как он привязал лошадь и быстро забежал в юрту Асхата и Разии, выскочив из нее буквально через несколько секунд с ее рюкзаками. А ещё через минуту они верхом припустили легкой рысью в сторону ближайшего ущелья. Над долиной сияла огромная полная луна, и Брианна вспомнила, как ее дед в Техасе рассказывал много лет назад, что такие полнолуния называли на Диком Западе «Луной команчей», потому что те предпочитали совершать набеги в полнолуние. Барлас, похоже, при свете луны ориентировался не хуже, чем днем, и расстояние между ними и кочевьем быстро нарастало. «Вот вляпалась!», – беспомощно подумала Брианна, чувствуя, как от холода и быстрой езды у ней начинают коченеть уши. Скоро и пальцы, которыми она вцепилась в гриву коня, почти полностью онемели.

Барлас покружил немного после того, как долина осталась за плечами, чтобы запутать следы, и уже без петлей и дуг уверенно взял на восток. Они ехали всю ночь, сделав лишь две короткие остановки, на которых он дал лошадям напиться, надел на нее шапку и выдал ей ее перчатки из рюкзака. Когда начался восход, Брианна поняла, что ее бедра опять безнадежно натерлись от многочасовой езды. К полудню они выехали к небольшому горному озерцу. Барлас развязал ее, выпустил лошадей пастись и вытащил из своего курджуна нарезанное мясо и боорсоки. Они быстро поели.

– Куда мы едем? – осторожно спросила Брианна, боясь услышать что-нибудь ужасное.

– На Алтай, – ответил он.

– Почему на Алтай?

Он протянул ей кружку с кумысом, но она отказалась, покачав головой.

– Каныкей-апа рассказывала, что все киргизы пришли с Алтая, и когда они жили там, они были золотоволосыми и сероглазыми.

Брианна внимательно смотрела на него, силясь понять ход его мыслей. Он прожевал мясо и допил кумыс из кружки, вновь наполнив ее из небольшого бурдюка.

– У нас тоже будут дети с золотыми волосами, как у тебя, Алтынчач. Теперь ты будешь моей. Калым твоим родителям позже пошлем.

Брианна потеряла дар речи. Мысли в ее голове метались, как испуганные кошки, остервенело прыгая туда-сюда, не давая возможности чётко осознать, что стоило бы сказать в этой ситуации.

– А как же твое кочевье? Как же Баяндир хан?

– Туда нам уже не вернуться. Если меня поймают, Баяндир прикажет меня убить.

– А как же твои родители и родственники?

– Ничего с ними не будет. Обеднеют на дюжину баранов, да и всё.

– А как же я? Я ведь замужем! У меня есть муж, Джонни! Он ждет меня в Сиэтле!

Барлас допил кумыс из кружки и, выплеснув несколько последних капель себе под ноги, засунул ее обратно в курджун. Потом встал и, не торопясь, вытащил из кармана своего чепкена айфон Брианны.

– Аллах велик. Сегодня ночью я убил Джонни. Теперь между нами никого нет.

Он передал ей айфон. Стекло на сером матовом дисплее было разбито; сквозь корпус во всю ширь зияла большая дыра от мощного удара чем-то острым. Брианна смотрела на него, с ужасом понимая, что произошло. Слезы, капавшие из ее серых, воспаленных глаз, стекали тонкими струйками по корпусу айфона, проваливаясь в эту дыру.

– Пора ехать, – невозмутимо сказал Барлас, поправив свой малахай.

Она посмотрела на горизонт. Бесконечная гряда гор со снежными вершинами уходила вдаль. Над озерцом величаво кружил большой беркут. Резкими порывами налетал обжигающий ветер. Брианна натянула шапку на самые уши и смахнула слезы с глаз. Невдалеке тихо ржали лошади, казавшиеся крошечными на фоне огромного ледника, сползавшего в озеро.

Примечание.

В Ваханском коридоре Афганистана действительно кочует небольшое количество киргизов (около тысячи человек), но данная история является чистым вымыслом, любое совпадение имен, фамилий и названий населенных пунктов – абсолютная случайность.

ГЕННАДИЙ ЛИТВИНЦЕВ

Геннадий Литвинцев родился в 1946 году в Китае в семье русских эмигрантов. Десятилетним с родителями переехал в Россию. Окончил исторический факультет Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург). Работая журналистом, представлял в Прибалтике газеты «Советская культура» и «Известия», позднее в Центральном Черноземье – «Российскую газету». В настоящее время живёт в Воронеже. Пишет прозу и публицистику. Публикуется в журналах и интернет-изданиях. Издал три книги прозы. Победитель литературного конкурса Довлатовского фестиваля искусств (2015). Лауреат Бажовской литературной премии (2018).

«КРАСНОЕ КОЛЕСО» ОСТАНОВИЛОСЬ В РЕШТЕ

Недолгий век Персидской Советской республики

О тех событиях редко вспоминают как в Иране, так и в России, даже многие интересующиеся историей люди при словах о «Советской Персии», просуществовавшей с июня 1920 по сентябрь 1921 года, удивленно распахивают глаза. А ведь Иран едва не разделил судьбу среднеазиатских султанатов и ханств и не стал «советской социалистической республикой» в составе Союза ССР. Такой путь ему готовили присланные комиссары и местные коммунисты.

Александр Солженицын, оставивший многотомную эпопею о русской революции, назвал разлив большевицкого пламени «красным колесом». Это «колесо» проехалось по многим народам и странам, вторглось и на землю Ирана. Но тут и завязло. Можно сказать, «Красное колесо» остановилось в Реште.

Конечно, большие события в жизни людей, а тем более в исторической судьбе народов нельзя объяснить какой-то одной причиной, хотя бы она и казалась нам самой главной. С самого начала XX века северные края Персии трепали разного рода волнения и мятежи. Их порождало недовольство экономической отсталостью, нищетой населения, архаичностью политического строя страны, особенно на фоне растущей экспансии иностранного капитала, прежде всего, российского и британского. Особенно сильны оппозиционные настроения были в провинции Гилян,что на южном побережье Каспийского моря. Здесь сформировалось мощное «дженгелийское движение» (от слова «дженгель» – лес), участниками которого были представители самых разных социальных групп – крестьяне, торговцы, рабочие, ремесленники, интеллигенты. Гилянские «лесные братья» вооружались и время от времени устраивали налеты на правительственные учреждения.В мае 1920 года в Гиляне загорелась «Персидская революция»: начавшись, вроде бы, случайно, от извне поднесенной спички, она привела вскоре к провозглашению Советской Республики и Временного революционного правительства.

* * *

Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры –
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

В инстанции «пророка» выступал известный русский поэт Велимир Хлебников. С удостоверением сотрудника Литературно-издательского отдела Оргбюро Конференции пролеткультов вождь русского футуризма в октябре 1920 года появляется в Баку. Советская власть в Азербайджане была установлена в апреле 1920 года. И все же южный, более спокойный и сытный город манил к себе многих поэтов и писателей, художников и ученых, бежавших от ужасов Гражданской войны и голода в России. Хлебников сразу попал в хорошо знакомое общество. Два места прежде всего привлекали его – Бакинский университет и Кавказская РОСТА, художественным отделом которой к тому времени заведовал Сергей Городецкий. Там же работал Алексей Крученых. Последний уехал на Кавказ гораздо раньше, спасаясь от военной мобилизации в царскую армию. И у Крученых, и у Городецкого были хорошо налажены литературные связи, они сотрудничали в газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий». Городецкий вел в Баку Цех поэтов, возглавлял журнал «Искусство» и литературную часть Политуправления Каспийского флота. Руководивший университетской кафедрой классической филологии Вячеслав Иванов выхлопотал Хлебникову студенческий паек, Городецкий взял его на работу в РОСТА сочинять подписи к плакатам. О том, чем он занимался в Баку, Хлебников сам написал в «Досках судьбы»: *«Чистые законы времени мною найдены осенью 20 года, когда я жил в стране огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Доброковским* (художником-графиком – **Г.Л.**). *Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего»*. Поэт мечтает о напечатании своих трудов. Пока же он как штатный лектор читает доклад «Коран чисел». Доклад получился неудачным. Он пишет сестре: *«От меня вдруг улетели все мои мысли, и мой очарованный мир покинул меня, точно я изменил ему. Все видения будущего вдруг покинули меня, точно ненужное дерево стая отдыхавших голубей. Это случилось после того, как я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученом обществе при университете «Красная Звезда». Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом. Доклад я озаглавил «Коран чисел». Вот почему все те, чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение и благонамеренный образ мысли, шарахнулись прочь и испуганно смотрят на меня»*. А в письме к своему харьковскому знакомому В. Ермилову Хлебников с горечью сообщает, что если люди не захотят научиться искусству предвидеть будущее, он будет обучать ему лошадей.

Вскоре после этого доклада Хлебников уволился с должности лектора. Опубликовать «Законы времени» в Баку практически не было никакой возможности. Ни Городецкий, ни Крученых такой материал не взяли бы, тем более не взяли бы его в университетском издательстве, где печатался Вячеслав Иванов.

Стихи с пророчеством «Персия будет советской страной!» Хлебников сочинил уже в обозе Красной Армии, весной 1921 года наступавшей на Тегеран. «Мы были в 42 верстах от цели, – вспоминал очевидец похода. – Между нами и Тегераном лежала одна гора, после взятия которой дорога на столицу была открыта». По несчастью или к счастью, не все пророчества сбываются. Хлебников хоть и зачислен был агитатором армейского политотдела, в событиях разбирался плохо, придавая всему увиденному мистико-анархистскую окраску:

Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несу в руке
Фрашокерети (мир будущего).

Нет нужды расшифровывать имена и образы, наспех взятые поэтом из зороастрийской мифологии, они мало что дадут нам для понимания происходившего в те дни. Лучше обратиться к более адекватным источникам, например, к дневнику Моисея Альтмана – поэта, филолога, ученика Вячеслава Иванова, командированного в Персию от РОСТа редактировать в прикаспийском Энзели газету «Красный Иран» (переводной вариант – «Иран Сорх»). Газета выходила с громкими аншлагами вроде: «Шах и мат дадим мы шаху. С каждый днем он ближе к краху». Так вот, М. Альтман записывает в своем дневнике: *«В Персии сейчас Кучек-хан, он дружит с коммунистами, коммунисты – с ним, но эта дружба вражды опасней. Друг с другом заигрывают, но игра эта – с огнем, и каждую минуту можно обжечься. Может, уже кто-нибудь собирает хворост, и скоро затрещит он сухим огоньком. Кучек-хан отдаленно напоминает Махно»*.

Редактор «Красного Ирана» как в воду глядел: спустя месяц руководитель «Гилянской Советской республики» действительно ссорится с коммунистами и уходит из Решта (столицы республики), а к власти в Гиляне приходит «Более революционный» Национальный комитет во главе с Эхсаноллой-ханом и провозглашает Персидскую ССР. В течение 1920–1921 годов отряды, сформированные частью из моряков астраханской флотилии и бакинских кавалеристов, частью из местных боевиков-«дженгелийцев», то одерживают победы, то терпят поражения; большевики за спиной Эхсаноллы вновь ведут переговоры с Кучек-ханом, Решт несколько раз переходит из рук в руки. И тогда на помощь республике в начале 1921 года выходит сформированная в Баку Персидская красная армия. В ее рядах не только военные и политработники, но и художники, журналисты, агитаторы, другие гражданские лица. На пароходе «Курск» из Баку является и Велимир Хлебников. О времяпрепровождении поэта в революционной Персии рассказывают материалы обнаруженного в 1964 году в Баку архива Р. Абиха. Рудольф Абих, ученый-иранист и военный разведчик, был из первых зачинателей мятежного бурления в Гиляне, позднее руководил агитотделом Персармии, в котором под его командой пребывали и Хлебников с графиком Вячеславом Доброковским.

Первым и главным закоперщиком революционного пожара в Персии по праву можно назвать Федора Раскольникова. Журналист по профессии, в годы войны побывавший в мичманах императорского флота, после Октября он сделал стремительную революционную карьеру – из матросов в заместители самого товарища Троцкого по морским делам. Будучи с рождения Ильиным, имя романного героя Достоевского он взял из любви к «топорной работе». Немало офицерских голов раскроил Ильин-Раскольников с «братишками» на Балтике после октябрьского переворота. Он же организовал расправу над арестованными министрами Временного правительства Шингаревым и Кокошкиным, о которой с ужасом шептался весь Петроград. В персидский портовый город Энзели Раскольников прибыл в боевой рубке миноносца «Карл Либкнехт» во главе эскадры с двумя тысячами «братишек» десантного отряда. Поводом для вторжения был угон в Энзели остатками деникинских войск нескольких судов из Астрахани.

Вот как вспоминал об этом сам Раскольников:

«Серго Орджоникидзе жил в Баку на площади Свободы, недалеко от могилы жертв революции. 16 мая 1920 года, когда мы сидели за чайным столом, к Орджоникидзе пришел Нариман Наримановичч Нариманов – человек с бронзовым цветом лица, большой лысиной и темными, как чернослив, глазами. Он был председателем Совнаркома Азербайджанской Советской республики и только что вернулся из Москвы. Я поглядел на часы: приближалось время, назначенное для съемки с якоря. Поднялся из-за стола и стал прощаться.

– Ну, товарищ, желаю вам успеха, – сказал Нариман Наримановичч, глядя на меня своими глубокими темными глазами.

Раскрасневшийся от волнения Серго тоже произнес несколько добрых слов. Мы обнялись и крепко расцеловались… Мы проплыли мимо мигающих огней маяка на острове Наргин и ушли в черный, как нефтяная копоть, сумрак каспийской ночи».

«На рассвете 18 мая, когда персы и англичане еще спали, наша эскадра неожиданно появилась перед глинобитными, с плоскими крышами домами Энзели, – вспоминал Раскольников. – *Я на своем миноносце прошел вдоль берега. Выбрав место, удобное для высадки десанта, я распорядился поднять сигнал о начале десантирования. Несколько матросов в кожаных сапогах с высокими голенищами, крепко сжимая в руках коричневые винтовки, бодро выскочили на песчаную отмель. В их руках как огромная птица трепетало широкое Красное знамя с перекрещенными молотом и серпом. Матросы с привычной ловкостью и проворством влезли на телеграфные столбы, срезали медную пряжу проводов. Телеграфная связь Энзели с внешним миром была прервана. Затем они заняли шоссейную дорогу, идущую из Энзели на Решт и Тегеран»*. (Рассказы мичмана Ильина / Ф. Раскольников. – Москва: Сов. лит-ра, 1934. - 171 с.)

К полудню Энзели был полностью в руках красного десанта. Английский генерал Чемпейн с офицерами отбыли на автомобилях в Решт. Следом длинной колонной потянулись бородатые сикхи, угрюмо посматривавшие из-под тюрбанов цвета хаки на зубоскаливших краснофлотцев. В рессорных повозках, в которые были впряжены серые армейские мулы, под брезентовыми тентами с красными крестами стонали раненые. Побывавший здесь позднее Сергей Городецкий так воспевал «красное вторжение»:

Промчалась буря по базарам,
Смерчами дервиши прошли,
Крича, что северным пожаром
Зарделся берег Энзели.
И Персия с глазами лани,
Подняв испуганно чадру,
Впилась в багряный флаг, в Гиляне
На синем веющий ветру.

Боевым походом Раскольников руководил на пару с женой, Ларисой Рейснер, имевшей немалый чин «когенмора» – комиссара Морского Генерального штаба Советской России. Рейснер когда-то слыла модной поэтессой, входила в поэтические кружки Петербурга, дружила с самыми прославленными поэтами «серебряного века», признававшими в ней несомненный талант. Окрашенные взаимным любовным чувством отношения связывали будущую «валькирию революции» с Николаем Гумилевым. Он и привил ей интерес и любовь к Востоку, особенно к Персии. Лариса называла Гумилева «мой Гафиз», а влюбленный поэт дал ей имя «Лери», созвучное с «Пери» из персидских сказаний. Мода на восточное тогда охватила весь творческий Петербург. Поэт Вячеслав Иванов организовал «кружок гафизитов», изучавший суфийские духовные традиции и творчество легендарного средневекового поэта-мистика Хафиза (Гафиза). Заседания кружка посещал и Гумилев с подругой. Потому Рейснер считала себя знатоком персидского искусства и философии. И она же была способна «во имя революции» на любую безнравственность и любое злодейство. Осип Мандельштам рассказывал своей жене, как Лариса специально устроила у себя вечеринку, чтобы облегчить чекистам арест тех, кого она пригласила в гости. *«Стихи Лариса не только любила, но еще втайне верила в их значение*, – пишет Надежда Мандельштам в своих «Воспоминаниях», – *в первые годы революции среди тех, кто победил, было много любителей поэзии. Как совмещали они эту любовь с готтентотской моралью: если я убью – хорошо, если меня убьют – плохо?*»

Через несколько дней после высадки советского десанта Раскольников прямо заявил местным властям, что *«ввиду восторженного приема советских моряков населением и раздающихся со всех сторон просьб о том, чтобы мы остались с ними и не отдавали на растерзание англичанам, красный флот останется в Энзели даже после того, как все военное имущество будет вывезено»*.

Развить военный успех до степени «народной революции» Раскольников решил с помощью местных партизан, совершавших из горных лесов вылазки против шахских властей и поддерживавших шаха англичан. Он вступает в переговоры с вождем «дженгелийцев» Мирзой Кучек-ханом и убеждает его возглавить движение, обещая военную и иную поддержку Советской России.

«И вот он пожаловал в Энзели, – писал Раскольников в своих мемуарах. – *Сперва показался отряд загорелых черноволосых курдов, вооруженных винтовками, револьверами и кинжалами. Это был отряд личных телохранителей Кучек-хана. Затем появился и сам Кучек-хан, сопровождаемый своими соратниками и шумно приветствуемый персидской толпой. Высокий, стройный, красивый, с правильными чертами лица, он шел с непокрытой головой и раскланивался с народом. Длинные темные вьющиеся кудри пышными локонами падали на его плечи, а грудь была туго обтянута косым крестом пулеметных лент. Широкие брюки заправлены в бледно-зеленые обмотки, завязанные белыми тесемками. На ногах вышитые серебром жесткие кожаные туфли с острыми, загнутыми кверху носками…Войска генерала Чемпейна в начале июня покинули Решт. Кучек-хан со своими отрядами… провозгласил республику, стал готовиться к походу на Тегеран»*.

Поначалу все складывалось образцово-революционно. Раскольников с Рейснер заняли бывший губернаторский дворец, упивались легкой победой и громкой славой, строили безумные планы охвата «красным пожаром» всего Востока, вплоть до британской Индии.

Решт окрасился кумачовыми флагами, для чего у местных торговцев реквизировали все запасы ткани соответствующего цвета. Советская республика быстро обросла привычными большевицкими атрибутами: Совнаркомом, Реввоенсоветом, Ревтрибуналом, Особым отделом, культпросветом, а также «исправдомами». Для последних пригодились старые шахские «зинданы».

В матросской вольнице Раскольников-Ильин был своим, а Лариса Рейснер – чужой, прихотью командира, «персидской княжной», которую новый Стенька Разин для забавы нарядил в комиссарскую кожаную куртку и галифе. Матросов удивляла небывалая, почти собачья преданность, которую Раскольников выражал к жене, ее властная красота и «старорежимная» поэтичность, неудержимо проглядывавшая сквозь комиссарскую роль. «Княжна» ходила командиршей, отдавала приказы, ловко стреляла, гарцевала на коне перед строем – но в редкие минуты домашней тишины маска спадала с её лица. Она смотрела на все взглядом отсутствующего, ушедшего в себя человека, шептала стихи оставшегося в Петербурге «Гафиза», при звуке которых Раскольников однажды бросился к жене с маузером, но перед ее надменным спокойствием смог удержаться.

Придать событиям в Гиляне необходимую глубину и большевицкий характер, готовить «освободительный поход» на Тегеран лично Троцким послан был из Москвы «Якуб-заде» – Яков Блюмкин, профессиональный террорист, поначалу творивший «акты» в составе эсеровских дружин (это он по заданию эсеров в 1918 году застрелил германского посла Мирбаха), а затем перешедший на работу в ЧК.

В Москве Блюмкин близко знался со всей художественной богемой постреволюционной поры. Попасть в литературные круги ему было несложно: многие из известных русских поэтов, прозаиков, журналистов тогда симпатизировали левым эсерам и печатались в их изданиях – Александр Блок, Сергей Есенин, Андрей Белый, Николай Клюев, Алексей Ремизов…

Блюмкин подружился с Есениным, а тот познакомил его со своими друзьями-поэтами Анатолием Мариенгофом, Вадимом Шершеневичем, Александром Кусиковым.

«Преимущественно это были молодые люди, примкнувшие к левым эсерам и большевикам, довольно невежественные, но чувствовавшие решительную готовность к переустройству мира, – так описал «футуристов» Владислав Ходасевич (очерк «Есенин», 1926 г.) – *Философствовали непрестанно, и непременно в экстремистском духе. Люди были широкие. Мало ели, но много пили. Не то пламенно веровали, не то пламенно кощунствовали. Ходили к проституткам проповедовать революцию– и били их… готовы были ради ближнего отдать последнюю рубашку – и загубить свою душу. Самого же ближнего тут же расстрелять, если того* «*потребует революция*».

Блюмкин стал все чаще и чаще заходить на «литературные огоньки», скорее, не только по зову сердца, но и из-за обязанностей новой службы. Водил его туда Есенин. Известный случай произошел на именинах Алексея Толстого. Собралось человек сорок. Ходасевич вспоминал в том же очерке:

«*Пришел и Есенин. Привел бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к беседам. Порою вставлял словцо – и неглупое. Это был Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбаха, германского посла. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать. Захотел щегольнуть — и простодушно предложил поэтессе: «А хотите поглядеть, как расстреливают? Я вам это через Блюмкина в одну минуту устрою*».

В это же время Блюмкин познакомился с поэтом Осипом Мандельштамом и както предложил ему сотрудничать в некоем «новом учреждении», которое, как говорил Блюмкин, должно определить эпоху и стать средоточием власти.

Надежда Мандельштам в своих мемуарах со слов мужа писала: «О. М. в испуге отказался от сотрудничества, хотя тогда еще никто не знал, в чем будет специфика нового учреждения…: Он всегда как-то по-мальчишески удирал от всякого соприкосновения с властью». Однажды Мандельштам несколько дней прожил в Кремле, и как-то утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, «лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О. М., что сейчас сам Троцкий «выйдут кушать кофий». О. М. схватил в охапку пальто и убежал, пожертвовав единственной возможностью поесть в голодном городе». Объяснить свой импульс к бегству он никак не мог: «Да ну его… Чтобы не завтракать с ним…» Что же это было за «новое учреждение»? Скорее всего, речь шла о ЧК, куда Блюмкин только что пришел работать.

Вот такие и подобные им «рыцари без страха и упрека» задумали освобождать соседнюю страну от «гнета средневековых пережитков».

В своей автобиографии 1929 года о «персидской эпопее» Блюмкин написал коротко и ясно:«В 1920 г., после десанта в Энзели, я был командирован в Персию для связи с революционным правительством Кучек-хана. Там я принимал деятельное участие в партийной и военной работе в качестве военкома штаба Красной Армии, был председателем комиссии по организации персидского представительства на съезде народов Востока в Баку, захватывал власть 31 июля 1920 г. для более левой группы Эхсануллы, больной тифом, руководил обороной Энзели».

Двадцать второго августа под натиском шахских войск пал Решт. Энзели удалось отстоять лишь благодаря артиллерии советских кораблей. Через день из Баку прибыл стрелковый полк. Решт удалось отбить, но командование «Персидской Красной Армии» уже откровенно сообщало о «враждебности населения».

«В персидских массах нет никакого энтузиазма, отсутствует воля к борьбе, все объято пассивностью и страхом, – докладывал в Москву советский полпред Шалва Элиава. – Вся наша работа в Персии, начиная с Раскольникова, – сплошное недора-

зумение, приведшее к дискредитированию Советской России вследствие недопустимых действий наших войск и политработников, а также неразборчивого якшания с такой политической рванью, как Кучек-хан или Эхсанулла. Сейчас Эхсанулла сам держится на наших частях, никакой опоры в массах он не имеет… Для дальнейшего: либо почетный уход, либо движение вперед на Тегеран».

Что же значил тогда весь многочисленный штат политотдела армии, призванный вдохновлять и увлекать местных жителей? Можно представить, какое впечатление производили на неграмотных гилянских крестьян, торговцев, мулл, да и на спустившихся за добычей с гор повстанцев призывы к обобществлению собственности, к борьбе с «религиозным дурманом» и лозунги пролетарского интернационализма! Наглядные образцы общения с местным людом оставил Велимир Хлебников:

Блистает глазами толпа,
В четки стуча,
Из улицы темной: «Русски не знаем,
Зидарастуй, табарича».
……
«Русски не знай, плёхо.
Шалтай-балтай не надо, зачем? плёхо!
Учитель, давай, –
Столько пальцев и столько (50 лет), –
Азия русская.
Россия первая, учитель, харяшо.
Толстой большой человек, да, да, русский дервиш.
А! Зардешт, а! харяшо!».

Своим необычным видом (заросший, в лохмотьях) и бытовыми чудачествами Хлебников заслужил в Реште прозвище Гуль-муллы. Поэту нравилось думать, что оно значит «Священник цветов». На самом же деле – всего лишь «русский мулла», «русский поп».

«Нету почетнее в Персии – быть Гуль-муллой, – с гордостью написал он в поэме. – Гуль-мулла – желанный гость в любом доме, с него не берут денег. «Лодка есть, товарищ Гуль-мулла! Садись, повезем! Денег нет? Ничего. Так повезем, садись!»

Хлебникову кажется, что не только люди, но и вся природа здесь признала в нем своего. Для него все происходившее представлялось некоей закономерностью судьбы, истории, началом установления мира Справедливости и Добра, предсказанного Заратустрой и Маздаком, за который некогда погибла героиня персов Гурриэт эль-Айн.

Пацифист вряд ли бы принял участие в революционной экспедиции в Персию. Теоретически Велимир ненавидел насилие, воспевал свободу. Но освобождать мир от несправедливости собирался практически революционными способами.

В этом смысле он недалеко ушел от предводителей персидской авантюры – Абиха, Блюмкина, Троцкого.

Вот как воспринимал поэт свою миссию в Персии:

Я – Разин напротив,
Я – Разин навыворот.
Разин деву
В воде утопил.
Что сделаю я? Наоборот? Спасу!
Увидим. Время не любит удил.

В политотделе стихи успехом не пользовались. «Особист Горохов, как читал, расстройство рассудка получил», – докладывали Раскольникову. «Еще один рифмоплет и, верно, жрать хочет. И без пророков таких босоногих справимся», – отозвался тот. И все же по просьбе Рейснер Хлебников получил должность «лектора Летучего красного отряда» с постоянным довольствием. Впрочем, от армейской гимнастерки и обмоток Гуль-мулла отказался, отправился в поход на Тегеран верхом на ободранном обозном ослике, одетый в рубище с напоминающим чалму головным убором. Похоже, впоследствии это и спасло ему жизнь.

А между тем «русский мулла» писал родным в Астрахань: «Живется здесь скучно, дела никакого, общество – искатели приключений, авантюристы шаек Америго Веспуччи и Фернандо Кортеца».

Письмо Хлебникова вскрыли товарищи из Особого отдела Персидской Красной армии, не переставшие проявлять к этой темной личности повышенный интерес. После этого оно легло на стол сначала к Абиху, а потом к Раскольникову, в сопровождении рапорта следующего содержания: «Именующий себя Велимиром Земного Шара гр. Хлебников В.В., внедрившийся в ряды Персармии, разоблачен в сношении с главарями бандитских белых банд Америго Веспуччи и Фернандо Кортеца. Нашей агентуре они пока неизвестны, но, очевидно, присланы Антантой».

Красноармейцы и дженгелийцы стояли в 42 верстах от Тегерана, когда шахские войска, усиленные привлеченными на службу донскими и кубанскими казаками из бывших деникинцев, перешли в контрнаступление. Не выдержав натиска, мобилизованные в Красную армию гилянские крестьяне, лесные смутьяны и пришлые «табаричи» разбегались или сдавались в плен. Кавказский дивизион Амирова встретился с казаками в сабельном бою – и был вырублен почти полностью. Из «Летучего отряда» осталась в живых только горстка красноармейцев. В их числе бежали в сторону моря начальник разведки Персидской Красной армии Мугуев, начальник агитотдела Абих, «русский дервиш» Хлебников, художник Доброковский... Бросить пришлось все – обоз, артиллерию, раненых...

Настигшие Хлебникова казаки приняли его за бродячего дервиша – и отпустили. Словно подхваченный ветром сухой листок, Гуль-мулла ушел так же легко, как и пришел. С попутным судном он добрался до Баку, а оттуда отправился в Астрахань. Так окончился его персидский «шалтай-балтай»...

Из дневника М. Альтмана: *«Персияне, как, вероятно, и все восточные люди, отличались крайней вежливостью. Так, когда мы впервые прибыли в Энзели, все стоявшие на улицах персы постукивали себя руками по груди и бормотали: «Болшевик, болшевик», т. е. указывали, что они все приверженцы большевиков и рады их приходу. Когда мы уходили из Решта, на улицах не было ни одного извозчика и пришлось идти пешком. А из некоторых окон в нас при этом стреляли. Стреляли, вероятно, те самые люди, которые при нашем вступлении в Решт били себя в грудь, утверждая, что они тоже «болшевики». Минуя выстрелы, мы, однако, хотя и очень утомленные, дошли до решткого вокзала, чтобы оттуда отправиться в приморское Энзели, а оттуда кораблем доплыть до уже безопасного Баку».*

Несмотря на бесславный провал затеи с персидской республикой, партия не забыла заслуг Федора Раскольникова: он получил назначение командовать любимым Балтийским флотом. Вместе с мужем покинула Энзели и уставшая от жары и революционной канители воительница Лариса Рейснер. На прощание Рудольф Абих подарил ей добытый под Тегераном серебряный браслет с той самой, воспетой Гумилевым, персидской «больной» бирюзой.

Российским поэтам, отметившимся в то бурное время персидской темой, казалось, что они любят и знают эту прекрасную и таинственную страну. Но любили они Персию по-киплинговски, как книжную, нереальную, нафантазированную, страну, где «розы осыпают в тишине лепестки над могилами великого прошлого», где живет какая-то придуманная красотка Шаганэ. Настоящая Персия оказалась гораздо прозаичнее, но и более здравой, строгой и непокорной – она не поддалась на посулы «светлого будущего» через кровь настоящего и не впустила в свое священное пространство непрошеных гостей.

С уходом советских войск Советская республика продержалась в Гиляне еще несколько месяцев. К зиме остатки красного фронта были загнаны шахскими войсками в горы.

Малочисленный отряд Кучек-Хана, истощенный длительными переходами и голодом, попал в бурю. 10 декабря 1921 года заледеневшее тело Кучек-Хана было обезглавлено его бывшим соратником, курдом Хала Курбаном. Срубленная голова революционного дервиша была доставлена Ахмад-шаху Каджару. К ногам последнего правителя из каджарской династии ее бросил военный министр, русскоязычный казачий офицер Реза-Хан Пехлеви. В 1925 году он сам объявит себя шахом.

Хлебников написал о последних днях республики в очерке «Ветка вербы»:

«Я узнал, что Кучук-хан, разбитый наголову своим противником, бежал в горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там вместе с остатками войск замерз во время снеговой бури на вершинах Ирана. Воины пошли в горы и у замороженного трупа отрубили жрецески прекрасную голову и, воткнув на копье, понесли в долины и получили от шаха обещанные 10 000 туманов награды. Когда судьбы выходят из береговых размеров, как часто заключительный знак ставят силы природы!»

В декабре 1921 года Велимир Хлебников вернулся в Москву. Весной 1922 года, будучи тяжело больным, он вместе с художником Петром Митуричем отправился в Новгородскую губернию. 28 июня 1922 года Велимир Хлебников скончался в деревне Санталово Новгородской губернии. Был похоронен на погосте деревни Ручьи Крестецкого района Новгородской губернии. В 1960 году останки поэта были перенесены в Москву на Новодевичье кладбище.

Федор Раскольников возглавлял журнал «Молодая гвардия» и издательство «Московский рабочий», писал пьесы и воспоминания о революции. Потом был брошен на дипработу – послом в Эстонии, Дании, Болгарии. Его товарищи по революции один за другим исчезали, его кумир Троцкий давно стал «врагом народа». По пути в Москву Раскольников прочитал в газете, что и он объявлен врагом – и в тот же день бежал, заметая следы. В сентябре 1939 года он умер в клинике в Ницце: по уверению жены, от пневмонии, по мнению многих, от рук советских агентов.

Лариса Рейснер вскоре ушла от Раскольникова к одному из тогдашних вождей Совдепии Карлу Радеку. Умерла 9 февраля 1926 года в Москве на 31-м году жизни от брюшного тифа. В Кремлёвской больнице при ней дежурила её мать, покончившая с собой сразу же после смерти дочери.

Сотрудник ОГПУ Яков Блюмкин расстрелян 3 ноября 1929 г. на основании постановления коллегии ОГПУ. Официально обвинён в «оказании содействия антисоветской организации, организационных связях с руководителями ее, высланными за пределы СССР, в измене Советской власти и пролетарской революции».

Рудольф Абих арестован 8 сентября1939 года за участие в антипартийной оппозиции. Расстрелян 1 ноября 1940.

Все рассказанное умещается в одно рубаи персидского мудреца Омара Хайяма (перевод Германа Плисецкого):

Мы послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточке водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

Впрочем, Хлебников в «Иранской песне» (в мае 1921-го) сказал о том же – и даже дальше:

Верю сказкам наперед:
прежде сказки – станут былью,
но когда дойдет черед,
мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
пронесет толпа, ликуя,
я проснуся, в землю втоптан,
пыльным черепом тоскуя…

Есть такая суфийская притча:

Некий хан встретил на дороге маджнуна (юродивого).
– Ты откуда идешь? – спросил правитель.
– Из Ада, – ответил, широко улыбаясь, маджнун.
– И что же ты делал там?
– Нужен был огонь, чтобы разжечь костер, и я пошел спросить: не поделятся ли жители Ада им со мной?
– Ну и как, получил огонь? – усмехнулся хан.
– Нет, тамошний правитель сказал, что у них нет огня. Я, конечно, спросил, как же так? На что хозяин Ада ответил: «Каждый приходит сюда со своим собственным огнем».

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

Карантинные размышления

… Был у меня товарищ-друг Володя – Владимир Тасалов, бакинец, окончили с ним знаменитую 160-ю школу, подружились в 10-м классе, оба левши, оба писали стихи, оба увлекались шахматами, часто он приходил к нам домой, и мы допоздна сражались.

Вместе уехали в 1947 году в Москву, он поступил в Архитектурный институт (впоследствии став видным теоретиком искусства), а я в Литературный не поступил, не ведал, что прежде надо пройти творческий конкурс, вернулся в Баку и приехал в Москву лишь через два года, переведясь из АГУ на третий курс МГУ… Помню строку Володи: «Затянув потуже пояс, я сажусь в московский поезд», о нём я пишу в моём мемуарном повествовании «Минувшее – навстречу»: он для меня – огромный мир юности… – встречи в Москве уже были редки, а потом вовсе прервались…

И вдруг, через века, как говорится, и расстоянья, – чудо: от Марата Шафиева, с кем, великолепным поэтом-бакинцем, собирателем, исследователем и пропагандистом истинной русскоязычной поэзии, рождённой на щедрой по уникальности и полной загадок бакинской земле, у меня давняя переписка, получаю большой цикл стихов, автор – Ирэн Тасалова!.. да-да, из рода Тасаловых, внучатая племянница моего приятеля Владимира Тасалова!..

Читаю, каждая строка вызывает во мне восторг! Такая с болью правда! Смелость и мужество! Выражены наши чувства!..

«Грядут времена ужасающе тёмные,
Да здравствует пряник и кнут!»

Думаю: не рождается ли новая поэзия? Об этом особенно часто размышляется… да, именно в пору коронавируса, что представляется не разовой напастью, а постоянно действующей контрольной реальностью, объемлющей страны-народы, всё человечество, которое в своём развитии демонстрирует ныне утрату первичных ценностей, и высокие сферы, головные части мира погрязают во лжи, презрении к человеку, играют с огнём, причём это делается нагло, открыто, и в данных условиях не может не родиться поэзия, условно говоря, зрелости и трезвости. Не иллюзорная и самообманная, а ответственная. Не прямолинейной заштампованности, а глубины, ясности и чёткости.

Мнится, ибо память моя взбудоражена вестью о Тасаловых, что Ирэн Тасалова так воплотила, преумножив, как реализованное, так и, увы, не реализованное художественным талантом своего двоюродного деда!..

А продолжение читайте в подборке стихотворений Ирэн Тасаловой в дорогом мне «Литературном Азербайджане», щедром на новые имёна.

… Боже, как всевозрастающе богато современное интер(много)национальное русское (употреблено в качестве прилагательного!) Слово! И как велики в этом широком потоке питающие его ручейки и реки бакинцев – тут десятки имён, возникают и возникают в голове, начиная, скажем, от Инны Лиснянской, а далее или прежде… – умолкаю: непосилен труд назвать их, как-нибудь в другой раз.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ИРЭН ТАСАЛОВА

«Я – океан…»

Уроженка Баку, Ирен ТАСАЛОВА получила филологическое образование в одном из университетов Украины. В силу определенных жизненных обстоятельств надолго оставила профессию, вернувшись непосредственно к преподаванию много лет спустя. Получив второе высшее образование, она стала не просто преподавателем, а коррекционным педагогом-психологом для детей с нарушениями развития.

Первые стихи появились в юности – возможно, не без влияния ее дяди, поэта, богослова, члена СП России Артема Тасалова, некоторые из них публиковались в бакинских альманахах. После этого наступила десятилетняя творческая пауза, и лишь несколько лет назад Ирен возвращается в литературные круги города, становится участницей различных литпроектов и поэтических вечеров, проходящих в Баку.

Кроме оригинальной поэзии, активно занимается переводами из классической азербайджанской и персидской поэзии (автор свободно владеет персидским и турецким языками).

Из национальных авторов, как наиболее близких по духу, называет Физули, Вахида, Гусейна Джавида, а из мировой поэзии – Марину Цветаеву и Гарсиа Лорку.

Определяет поэзию как неотъемлемую часть своего бытия, хотя считает, что звание поэта слишком обязывает и цена, которую приходится платить за право быть поэтом, слишком высока, поэтому предпочитает называться просто сочинителем. Верит в то, что поэзия по определению делает людей лучше, чище, духовно выше, раскрывая человеческую натуру в лучшем своем проявлении. Ее тексты отмечены подлинной языковой культурой, классичностью слога, которую оживляют и орнаментируют выразительные образы, раскованность интонации, накал творческого нерва, идущий от пережитого и перечувствованного. Это очень женская поэзия в лучшем смысле этого слова, и сегодня, представляя первую публикацию автора, мы не можем не радоваться, что в полку наших «амазонок слова» прибыло, и надеемся, что диалог Ирен Тасаловой с читателями журнала успешно продлится и в будущем.

Марионетка

Ма-ри-о-нет-ка.
Ма-ри-о-нет-ка.
Кукла на веревочках удобна и проста.
В шапку кукловода капают монетки,
Ничего, что вор он,
что нет на нем креста.

Марионеткой управляют ловко,
Дергай за веревочки –
легче дела нет.
Ни к чему придумывать разные уловки,
Не осудит кукла и не даст ответ.

Марионеток после представлений,
Снова спрячет в ящик хитрый кукловод.
Сказочно удобно –
так, без объяснений
Прятать в темный ящик кукольный народ

Визит

Ветер треплет занавески,
Воздух влажен от дождя,
Тучи – вод небесных всплески,
Солнце в тучах, как ладья.

Утро – призрак в тихом в доме.
Вдруг звонка дверного вздор...
Здравствуй, милый незнакомец,
Неслучайный визитер!

– Здравствуй...
Я тебя не знаю.
(Лучше б мне тебя не знать).
Мысли, точно птичья стая,
Улетают – не догнать.

– Здравствуй...
Я не знаю, кто ты.
Без имен, прошу, молчи!..
Я ждала тебя с субботы,
Прятала под дверь ключи.

Я ждала тебя другого,
Вспять направив стрелок ход.
Не произноси ни слова!..
Слово ранит, слово жжёт...

Обнимай! Я позволяю –
Не дано рукам солгать.
– Здравствуй...
Я тебя не знаю.
Узнаю – за пядью пядь.

* * *

Закаты, рассветы...
Картинки цветные
несутся одна за другой,
А мы с тобой –
будто мосты разводные
Над заледенелой Невой.

Как ржавые сваи
измученной стали,
И вместе, и разделены.
Ах, если б и нас
разводить перестали –
хотя б до весны ...

* * *

Сказала «я люблю» – и осеклась...
Добавила – «тебя», и низложила
К ногам его над необъятным власть,
В пяти слогах неистовую силу.

Я голову склонила, и с тех пор
Взялась за кропотливую работу –
Любить его. Но лишь один укор
В итоге получила отчего-то.

Я сердцем вознеслась, и с тех высот
Запела вдруг. Но если б только знала,
Что для него – совсем наоборот:
Моей любви так невозможно мало.
Он отвечал мне, приподнявши бровь,
Чтоб я душой не слишком возгордилась:
«Когда твоя великая любовь
Хотя б на что-то в жизни мне сгодилась?..

Ее не обменять в голодный год
На сигареты и краюху хлеба!..»
И, нервно искривив в усмешке рот,
Смотрел поверх меня в седое небо.

* * *

Я – океан. Не переплыть меня, нет, лишь утонуть.
Нет, не испить меня – только хлебнуть чуть-чуть.

Горло сожгу солью семи морей –
Сколько в штормах моих сгинуло кораблей...

И не протянешь через меня мосты,
Цвет мой от бирюзы и до черноты.

Сколько секретов может хранить вода?..
Спят под водой моей целые города.

Сколько во мне опавших холодных звёзд.
Скольким я – дом, а скольким еще – погост.

Нет меня глубже, нет меня холодней.
Сколько во мне таится морских чертей...

Сколько во мне таится морских богов...
Сколько во мне таинственных островов...

Сколько во мне течений, сколько во мне скал!
Нет никого, кто бы все до одной их знал.

Мраморных волн величественен размах...
Можешь ли ты океан удержать в руках?..

Скала

Как в небесном мельхиоре,
Над седым холодным морем
Чайки жалобно кружили,
Нас с тобою обручили.

Тучи вслед за облаками
Опрокинулись снегами,
И скалу тотчас метели
В платье белое одели.

Так скала невестой стала.
Море камень целовало...
Среди скорби и печали.
Нас с тобою повенчали

Без колец и без обетов...
К берегам другого света
Корабли по морю плыли,
А ветра над ними выли,

Паруса в отрепье рвали
И о скалы разбивали.
Море тем негодовало
Да скалу волной хлестало.

Но не знает камень боли,
Такова у камня доля –
От того, что море злится,
Только глаже становиться.

И стоит скала у моря,
Молча, в радости и в горе.
По весне ветра дичают...
Нас с тобой не развенчают.

Зеркала

О, зеркала́ – серебряная гладь,
Печальней с каждым разом наши встречи.
Как тяжко неумение солгать,
Когда от глаз своих укрыться нечем.

О, зеркала... Здесь вашей нет вины –
Жизнь быстротечна и неумолима.
Мы стрелкой на часах сокрушены
И памятью одной непобедимы.

Еще вчера как будто я была
Юна, свежа... Блистала, как в зените.
А ныне что?.. Сгоревшая дотла?
О, зеркала! Солгите мне!.. Солгите,

Моих морщин уменьшив вдвое счет,
А блеск во взгляде вдвое приумножив.
Кисть бледность щек румянами затрет
И скроет грим несовершенство кожи.

Кораллы губ начертит карандаш,
Добавит жизни сочностью помада.
О, зеркала!.. Удел печален ваш,
Да я и своему не сильно рада,

Когда дрожит предательски рука
И стрелки выводить все тяжелее.
Вчера казалось, старость далека,
А завтра я страшусь столкнуться с нею.

О, зеркала!.. Я не хочу стареть,
Из тела выжимать себя по капле...
И золото, и серебро, и медь –
Всё за корзину молодильных яблок!

Я так боюсь быть скрученной дугой,
Ходить с клюкой старухой седовласой.
О, зеркала! Не смейтесь надо мной,
За много лет привыкшей слыть прекрасной!

Как мне смириться с ходом бытия,
Когда душа не тронута годами?
О, зеркала! Все женщины – как я:
Чем старше мы,
тем меньше дружим с вами...

*** * ***

Закончилась еще одна весна,
И я тому была, признаться, рада,
Что лепестки соцветий докрасна
Согрел июнь у старого граната.

И солнце было ярким, и вода
Теплым-тепла, как молоко парное.
И верилось, что обойдет беда
Мой дом и сад, как капище святое.

Где частокол магическим кольцом,
Как оберег твой –
нитью на запястье.
Где птицы гнезда свили над крыльцом
И песни пели по утрам о счастье.

И с ними вместе пела песни я,
Как будто просто так и без причины.
И верила в нетленность бытия,
Надежды доставая с мезонина.

Их после смоет осени вода.
Природа сколь прекрасна, столь жестока.
Вслед за теплом вернутся холода,
И ветер перестанет дуть с востока.

Так, спрятанные в холоде и тьме,
Слова, произнесенные когда-то,
Рассыплются по вымокшей земле,
Как зерна переспевшего граната.

* * *

Скажи мне, милый,
я – душа ли?
И с душами другими схожа ль?
Сплетенье счастья и печали,
Обтянутое белой кожей.

Бегущая, как кровь по венам,
Пульсирующая на запястьях.
Я пленница в тех хрупких стенах,
Что могут рухнуть в одночасье.

Прольется вечностью меж нами
Одна, всего одна минута.
И если бренного не станет,
Где мне искать себе приюта?

Мне места нет средь райских кущей,
Да мне они едва нужны ли...
Мне, не единожды живущей,
Но всякий раз с тобою, милый.

Нет, мне не страшно.
Виртуозно
Судьба свои тасует карты!
Ответы на мои вопросы,
О, если б знал ты!..
Если б знал ты,

Как боязно моим ресницам
С твоим навек расстаться взглядом,
Как страшно мне не повториться
С тобой в грядущей жизни рядом.

Не плотью, отданной гниенью
И не воскресшею ни разу,
Но тонкою прозрачной тенью
На радужке слепого глаза.

* * *

А мне в ночной тиши покоя нет,
Мне слышен гул несущихся комет,
И шепот душ, оторванных от тел,
Тех, кто родиться снова не сумел.

Пока же мир объят осенним сном,
Я слышу шелест кленов под окном
И птаху, что поет на странный лад,
Когда в ночи другие птицы спят.

Я слышу голос моря до зари,
Где Гилавар встречается с Хазри –
Там солнце обжигает гладкость вод
И в пурпур одевает небосвод.

Все снова повторяется точь-в-точь,
Рождая утро, умирает ночь.
И саваном ей розовый песок
Расстелен ветром небу поперек.

Мне б в этот час уснуть и крепко спать,
Но снова на столе моем тетрадь...
И слышу я в таинственной тиши,
Как точит Бог мои карандаши.

* * *

Плачет навзрыд гитара,
Плачет в тоске великой.
Плачет навзрыд гитара
Песней о Федерико.
В шуме Плаза Нуэва
И Карреро дель Дарро,
Всюду, справа и слева
Плачут навзрыд гитары.
Песнями-романсеро
Плачут навзрыд гитары,
Слезы льются мадерой
Меж камней тротуаров.
В мокрой от слез Гранаде
Плачут навзрыд гитары,
В небе над ней пожаром
Желто-красные пряди
Жертвы, павшей невинно
В бойне кроваво-дикой.
А где-то в роще маслинной
Тихо спит Федерико.

МИРМЕХТИ АГАОГЛУ

ЛИК ИМАМА

рассказ

Посвящается жертвам ИГИЛ

На этот раз удар топора пришелся не по корню дерева, а по затвердевшей земле. Руки совсем обессилели. Опустившись на землю, он сел, с трудом дотянулся до своего узелка с едой, на который положил шапку, и вытянул сигарету из пачки «Астры». Зажег спичку и прикурил. Глубоко затянувшись сигаретным дымом, он, упершись локтями в колени, вытянул руки вперед. Охватил взглядом простирающийся перед ним противоположный берег Куры.

До дому было недалеко: его можно было увидеть,если подняться на дамбу, но полчаса назад он совершил намаз здесь же, в зарослях тамариска, растущих вдоль берега. Отправляясь рано утром за дровами, он взял с собой коврик и все необходимое, надеясь, что, может быть, здесь, вдали от людей, дьявол не проникнет в его душу, и он с чистым сердце совершит молитву.

Будь он проклят, этот дьявол – его образ снова ожил перед глазами, когда он шел на молитву. Он почувствовал, что на него не снизошла благодать молитвы. Вот уже несколько дней он не находил ни сна, ни покоя. Он чувствовал себя идолопоклонником, неверным.

Совершать намаз его научил отец еще в детстве. С тех самых пор с ним ничего подобного не случалось. Несмотря на то, что ему было за пятьдесят, за всю свою жизнь он пропустил время намаза не более пятидесяти раз. Об этом знали не только в деревне, где он родился, но и в других деревнях, поселках и близлежащих районах. О его глубокой набожности и праведности было известно и председателю колхоза, и сотрудникам милиции, и участковому инспектору. Они знали также и то, что намаз он совершает не просто так, для видимости, не пропагандирует открыто религию и не зарабатывает, выполняя обязанности муллы. Он содержал свою семью, зарабатывая честным трудом, а людские пожертвования он раздавал бедным и неимущим.

На «Кюрсангинском нефтяном месторождении», где он работал, все знали его родословную и высокое происхождение. Благодаря ему, еще более возросло уважение и почтение к его роду. Поэтому когда в деревню привезли это таинственное изображение, в первую очередь об этом сообщили именно ему.

Как только Ага, вернувшись с работы, вошел во двор через ворота, старшая дочь по обыкновению поспешила к колодцу. Остальные дети, как обычно, с радостными возгласами побежали ему навстречу. Он присел на стул перед кухней. Дочь из кружки полила ему на руки – он вымыл лицо и руки, потрескавшиеся, словно русло реки, шею и затылок, охладил ноги. Младшая дочь поймала иранскую радиоволну и увеличила громкость – звучал азан, призыв на намаз.

На табуретку, стоящую перед ним, постелили скатерть, поставили стакан с блюдцем и сахарницу. Был готов и только что заваренный ароматный чай. Он совершил омовение перед намазом и ушел в столовую, где обычно молился.

Завершив молитву, он отправился заниматься скотиной. Жены и старших сыновей не было. Они работали в поле, на колхозных участках.

К вечеру соберутся все домочадцы, и они всей семьей будут ужинать в столовой.

Когда постучали в ворота, ужин уже давно подошел к концу. Он прилег в столовой на диване и, опершись на подушку, смотрел программу «Новости».

Тут неожиданно пришел бригадир Агагусейн.

Они вышли во двор и сели за стол под навесом. Поговорили немного об обстановке в деревне, о том, кто работает в поле, кто увиливает от работы, о новом назначении председателя Нуруша Алиева, о том, как последний наказывает расхитителей кормового клевера с колхозных угодий, о последнем выступлении Брейнвейна, о международной обстановке, империалистической политике Америки, напряженной обстановке в Афганистане, ослаблении шахского режима в Иране и т.п. Когда они остались за столом одни, Агагусейн тихо сказал, что Мешади Мехтиоглу Мамед позвал его по поводу одного дельца. Наказал, чтобы пришли ночью. Агагусейн, хотя и намекнул на важность вопроса, в подробности вдаваться не стал.

Это было неудивительно. Когда в деревне случалось что-нибудь запутанное, кто-то был обижен, кто-то не решался давать сватам девушки положительный ответ, когда сторона, у которой увели дочь, не хотела идти на примирение с противоположной стороной, когда возникал конфликт между должниками – во всех этих и других сложных случаях Ага приглашался как человек, пользующийся авторитетом среди односельчан и способный разрешить мирным путем тот или иной конфликтный вопрос.

Сельские коммунисты, должностные лица, вынужденные держаться подальше от религии, в вопросах религии доверяли ему и его решениям, находя успокоение в этом, словно считая, что так они выполнили свои духовные обязательства.

Мамед был дома не один. У него были инженер Джафар Шых Гулам оглу и шофер Самед Кябля Ахмед оглу. Сидя на веранде, они пили чай из самовара. Не видно было сына-подростка Мамеда – в это время он обычно гулял с друзьями. Налив только что прибывшим гостям чаю, его жена, словно призрак, удалилась и исчезла за одной из дверей.

Разговор за столом шел о текущих сельских делах: посевная и жатва в колхозе, сбор урожая, полив, скотина и т.п. Немного погодя вернулся сын Мамеда. Поднявшись на веранду, он поприветствовал гостей и, обернувшись к отцу, сказал: «Дяди Мирсаттара нет, он уехал в Баку проведать брата». Оставшись доволен сыном, Мамед велел ему пойти в свою комнату.

В деревне стояла тишина. Если бы не ветер, временами доносивший до них шум тракторов, можно было бы решить, что вся деревня, не считая пяти человек, сидящих на веранде, растаяв в кромешной темноте, бесследно исчезла. Тишину нарушал и доносившийся из сада стрекот сверчков и кузнечиков.

Мамед заговорил о главном:

– Вам известно, какова обстановка в Иране. Положение шаха удручающее, не сегодня-завтра его свергнут. Когда Самед был в Астаре, ему передали кое-что нелегальное. Говорят, эту вещь сделали в Иране и распространяют верующие люди. Самед сперва испугался, решив, что его хотят впутать во что-то темное, но, поговорив с людьми, убедился, что это вовсе не агенты какие-нибудь. Поэтому он взял эту вещь... Я покажу вам это, Ага, посмотри и ты, а затем поделись с нами своими соображениями.

Продолжая говорить, Мамед достал из нагрудного кармана пиджака платок, расстелил его на столе, затем, прежде чем достать эту таинственную вещь из паспорта, между страниц которого она была заложена, краешком глаза посмотрел на дверь веранды и оглядел двор.

Сын и жена были заняты своими делами. Жена, возможно, даже спала. Во дворе ничего не вызывало подозрения.

Он достал из паспорта заложенную в него картинку. Поцеловав изображение, он приложил картинку к глазам, затем протянул ее Аге:

– Ага, посмотри и скажи: это не изображение имама Али? Говорят, что это изображение нарисовали специалисты на основании сведений о нем. Изобразили точь-в-точь. Вот, говорят, распространяйте, раздавайте мусульманам».

Ага взял картинку. Три раза поцеловав изображение, приложил к глазам. Он внимательно посмотрел на человека, изображенного на картинке, на крепкие руки, державшие меч, лежавший у имама на коленях. Осторожно коснулся пальцами меча. У него задрожали руки. Мамед продолжал говорить, а он все еще не мог отвести глаз от изображения.

– Из нас более всех достоин хранить это изображение ты, я это знаю. Но не хочу подвергать тебя опасности, отдавая его тебе.

– Что ты говоришь?! Я сочту это за большую честь.

– Но это очень опасно.

– Да поможет мне Аллах!

– Дай Бог, с Его помощью! – повторили остальные вслед за Мамедом.

– Да поможет тебе Бог! Аминь!

– Вот еще что хочу спросить: тебе ведь хорошо известно, что ислам запрещает изображать лицо святого. Не берем ли мы грех на душу, распространяя это изображение?

– Клянусь Аллахом, не знаю, что и сказать, ты верно говоришь – в исламе запрещено изображать лицо. Я просто следую за муджтахидом в этом вопросе. Но мне неизвестно его мнение насчет изображения имама или других святых. Если переправили из Ирана… они, полагаю, знают больше нас…

Не рассуждая долго, он протянул изображение Джафару. Тот взял изображение, поцеловал и, глубоко вздохнув, тихо заговорил:

– Самед, тебе ничего не сказали, когда дали это изображение?

– Клянусь Аллахом, сказали – распространяйте. Как говорит Ага, они знают лучше и больше нас.

Джафар, обернувшись, посмотрел в сторону правления колхоза, затем опять повернулся к столу. Кирпичное здание правления колхоза, отражающее красноватый свет, навеяло на него ужас, словно и здание могло следить за кем-то или подслушивать.

– И я так думаю. Если в Иране так советуют, значит, в этом нет ничего такого, что противоречило бы религии. Это обычное изображение, это изображение имама Али, да буду я жертвой его, – сказал Мамед. – Ага, пусть эта фотография пока остается у тебя, но, ради Аллаха, храни ее в надежном месте и никому не показывай.

– Не беспокойся, – сказал Ага.

– И поинтересуйся, и мы все подумаем, где можно найти надежного фотографа, который не болтал бы языком понапрасну.

– Зачем ходить вокруг да около? Скажем фотографу Халигу. Он наш односельчанин, – сказал Самед.

– А не его ли отец написал в 1937 году донос, из-за которого отца Джафара – Шых Гулама – сослали в Сибирь? Этот подлец продаст и нас! – сказал Агагусейн.

– Почему ты не говоришь о своем отце, Агагусейн? – спросил вдруг Самед. – Твой отец, Салам бек, тоже был расстрелян не без содействия отца Халига.

– Давайте не затягивать вопрос. Дело-то не в Халиге.

Отца Мамеда тоже расстреляли в те годы, однако он сам положил конец разговорам о репрессиях.

Если на то пошло, в те годы объявили кулаком и сослали и отца Самеда – Кябля Ахмеда. Из тех, кто посещал тайные собрания, правительство не тронуло только отца Аги – Самедагу. Все были уверены, что большевики не оставят в покое сейида, поль-

зующегося авторитетом и уважением населения. Однако он все равно остерегался выходить из дома и общаться с людьми.

Однажды он ехал в Лянкяран. Его задержали прямо в пути. Он пробыл под арестом всего два дня.

В первый день начальника замучили сильные боли в животе и расстройство желудка.

На второй день прибежал впопыхах прапорщик и сообщил: «Командир, дома твои дети и жена лежат на полу и корчатся от болей в животе. Сельский фельдшер прописал лекарства, но толку от них никакого».

Прапорщик сказал скорчившемуся от боли командиру, мол, отпустили бы вы его, он старый, безобидный человек, почтенный сейид, ни с кем не имеет никаких дел, никому не мешает, ничего дурного за ним не водится, детей хоть своих пожалейте. Они ведь стонут от боли, скорчившись на полу. Отпустите старого сейида…

Ага не любил, когда говорили про чудеса, творимые его отцом. Во-первых, он считал зазорным хвастаться такими вещами. Во-вторых, нельзя идти против правительства, иначе оно могло отомстить его сыну, несмотря на то, что прошло уже 30-40 лет. В этом случае семья, состоящая из двенадцати человек, останется без кормильца.

Вернувшись к себе, он зашел во двор и увидел, что в доме не горит свет. Горела только лампа над воротами. Баня находилась позади дома. Вдоль ограды росли вьющиеся розы, и вход в баню напоминал джунгли: с улицы было не разглядеть заднюю часть дома. Включив освещение в бане, он опустился на корточки у входной двери. Закурил сигарету. Достал из нагрудного кармана пиджака платок, осторожно развернув его, взял фотографию с изображением. Посмотрел… смотрел… смотрел…

Свет, падающий из глубины бани, освещал лишь пядь земли у входа. Его руки дрожали, изображение то и дело становилось в темноте невидимым.

Один глаз Имама был изображен непорочным и безгрешным, словно глаз ребенка, другой глядел сурово и властно. Рука, державшая эфес меча, сжималась в гневе, другая рука лежала на лезвии меча, словно гладила ребенка по голове.

На руку, которая держала портрет, упали две капли. Это был не дождь… Он плакал.

Во время утреннего намаза изображение оживало перед его взором. Как хорошо, что он увидел лик имама! Он сам, неоднократно слушая беседы мулл на религиозную тему, рассказы о случавшихся на свете чудесах, читая главы из Корана, слушая в детстве предания, рассказываемые отцом, представлял образ имама. Были ли те образы такими же, как сейчас, были ли похожи воображаемые «имамы» на того, который был изображен на фотографии? Нет! Когда он увидел изображение имама, прежние образы словно улетучились из памяти. Сейчас он не мог вспомнить их.

Когда он совершал полуденный намаз на работе, образ имама стоял перед его мысленным взором. Совершая намаз, он закрывал глаза, и каждый раз перед глазами оживал образ имама, и он приходя в восторг, иногда минутами не поднимал головы, все плакал и плакал…

Вот уже целую неделю он носил портрет в нагрудном кармане пиджака. Завернув в платочек, он положил его возле маленького молитвенника. Поначалу его радовало осознавать, что портрет имама при нем – ему казалось, что с портретом ему и смерть не страшна. Он считал, что с этим изображением в кармане он может пройти через огонь и пламя. На первых порах ему хотелось показывать портрет верующим людям, которых он встречал на религиозных собраниях, вот, мол, портрет имама, но теперь портрет лишил его покоя. Даже когда он поднимал голову и смотрел в небо, перед глазами оживал образ имама, когда опускал голову и хотел думать об Аллахе, опять же видел его. Теперь между Всевышним и ним присутствовал он – имам. Он не

мог поднять головы и посмотреть вверх, словно влюбленный, предавший свою возлюбленную.

Портрет стал своего рода мерой его веры. Он не мог думать ни о чем другом, кроме портрета. Со дня своего совершеннолетия он ни разу не пропустил время намаза, но теперь ему казалось, что с того дня, как он увидел образ имама, намаз, совершаемый им, не угоден Аллаху и не принимается им. Он не знал, как быть, что делать, правильно ли он поступает. Он чувствовал только одно: стыд перед Аллахом.

…Он очнулся от грез, услышав голос сына. Время близилось к вечеру. С самого полудня он сидел, не шелохнувшись. Бросив окурок, он встал. Ноги ныли от боли. Сын звал его помочь принести собранные дрова – он взял топор, и, положив его на дрова в тачке, пошел вперед, толкая её перед собой. Ага зашагал вслед за ними по следам колес с ноющими от боли ногами. Еще сильнее ныла его душа.

Работники ночной смены ели и пили под навесом. Ага не присоединился к ним – он сидел перед костром, который развели перед управлением работники и пекли в нем картошку. Рабочие знали, что он избегает всяких увеселительных застолий, где распивают спиртные напитки. Поэтому они заранее отложили в сторону его долю и оставили у костра. Веселье под навесом было в полном разгаре, а он даже не притронулся к еде.

Наступило время вечернего намаза. Впервые в жизни его не беспокоило опоздание на намаз. Про себя он несколько раз сказал: «Будь проклят, дьявол». Затем достал из кармана молитвенник и при свете костра стал читать главу «Ясин» из Корана. Дойдя до определенного аята, замолчал. Закрыв книгу, взял ее в левую руку. Правую сунул во внутренний карман.

Развернув платок, взял в руки портрет. Всхлипывая, он смотрел на изображение. Всю неделю он пытался узнать, что думают на этот счет представители высшего духовенства, но не добился никаких результатов. Не было никого, кого можно было бы спросить о том, чего не знаешь. А портрет продолжал делать свое дело. Он стал абсолютно равнодушен к религии, намазу, он не мог всей душой понять Аллаха. На его вере словно появилось пятно; она разбилась вдребезги, словно стекло.

Хохот людей, веселящихся под навесом, постепенно усиливался. Для того, чтобы лучше разглядеть лик имама, он протянул руку ближе к огню. Закрыв глаза, он постарался вспомнить услышанные в детстве предания и рассказы. Слезы потекли из его глаз к бороде. Открыв мокрые от слез глаза, он еще раз взглянул на портрет, который теперь напоминал мозаику, закрыл глаза и открыл их вновь. И бросил портрет в костер, как ненужную вещь.

Подняв голову, он смотрел на звездное небо, где было рассыпано так много звезд… Словно кто-то горстями разбросал их по всему небу… А между звездами простирался длинный белый путь…

Перевод Этимада БАШКЕЧИДА

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

КОРОЛЬ ПОЭТОВ ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Бурное развитие научной мысли на рубеже XIX и XX веков вызвало стремительное развитие техники во всем мире, в том числе и в России. Кареты сменились автомобилями, керосиновые и газовые горелки – электрическими лампочками, появилась фантастическая возможность передавать на десятки километров посредством телефона и телеграфа, слушать сообщения и музыку по радио. Такого рода революционные изменения не могли не вызвать изменения мировоззрения творческих людей, появления новых идей, интеллектуального подъёма.

Это, естественно, в первую очередь, относится к литераторам, поэтам. В истории русской литературы отрезок этого времени длился примерно 50 лет, вплоть до самоубийства Владимира Маяковского. Это время называют «русским культурным ренессансом» или «Серебряным веком», который пришел на смену «золотому веку» XIX столетия, породил разные модернистские литературные творческие течения, направления, отличные от классики «золотого века». Это символизм и акмеизм, футуризм и имажинизм. Прекрасными представителями поэтов этого века были Валерий Брюсов, Федор Сологуб и Осип Мандельштам, Марина Цветаева и Анна Ахматова, Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Александр Блок и Николай Гумилев и многие другие. В 1909 году в этот список активно вошел Игорь-Северянин.

Однако настоящее его имя – Игорь Васильевич Лотарев. Он родился 4 (16) мая 1887 года в Петербурге в благополучной и состоятельной семье. Его отец, Василий Петрович Лотарёв, был командиром железнодорожного батальона, а мать, Наталья Степановна, приходилась дальней родственницей поэту Афанасию Афанасьевичу Фету (Шеншину). Родство со знаменитым поэтом сказалось на судьбе Игоря-Северянина.

Несмотря на недостаток образования – поэт окончил всего четыре класса Череповецкого реального училища – он был одержим литературой и десять лет издавал свои стихи за собственный счет в виде тоненьких брошюр. Его литературным кумиром и учителем был поэт Алексей Константинович Толстой. С 1904 года Лотарев начинает регулярно печататься в журналах, надеясь получить положительный отклик от редакторов. К 1912 году накопилось уже 35 стихотворений. Свои произведения Игорь Лотарев публиковал под псевдонимом «Граф Евграф д'Аксанграф», но вскоре он становится Игорем-Северянином. Это была не фамилия, а его второе имя, которое поэт считал своеобразным оберегом. Причем дефис между словами в имени обязательно сохранялся. Этот необычный псевдоним переломил до того неудачную его творческую судьбу и поставил его в один ряд с великими поэтами той эпохи.

Драма в его семье в связи с разводом его родителей в 1896 году, трагические события на Ходынском поле, Кровавое Воскресенье 9 января 1905 года и дальнейшие революционные события в стране оказали сильное влияние на Игоря Лотарева. Стало меняться его мировоззрение, его стихи наполняются революционными идеями обновления культуры, разрыва с литературной традицией.

В те времена футуризм был новым веянием в поэзии. Его лозунгом становится призыв: «сбросить Пушкина и Достоевского с корабля современности», утверждалась мысль, что современному читателю, охваченному лихорадочным темпом жизни в большом городе, глубоко чуждо творчество поэтов XIX века.

Первым из поэтов, кто оценил литературный талант Игоря-Северянина, стал поэт Константин Михайлович Фофанов. С ним молодой Северянин познакомился осенью 1907-го в Гатчине и считал его своим предтечей и наставником. Далее он на собственные деньги свои 35 брошюр объединяет в поэтический сборник под названием «Полное собрание сочинений в одном томе». Красоту его стихов можно почувствовать, например, в стихотворении «Весна»:

Вечер спал, а Ночь на сене
Уж расчесывала кудри.
Одуванчики, все в пудре,
Помышляли об измене.

Шел я к Ночи, – Ночь навстречу.
Повстречалися без речи.
– Поцелуй... – Я не перечу...
И – опять до новой встречи…

В 1909 году его судьба резко изменяется. Классика русской литературы Льва Николаевича Толстого писатель Иван Наживин попросил дать оценку стихам некоего молодого начинающего поэта. Когда Толстой прочел стихотворение Хабанера II:

Вонзите штопор в упругость пробки, –
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям – пойди, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли, –
И будет счастье в удобном смысле!..

он воскликнул с негодованием: «И это – литература? Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки…». Эти слова относились к будущему «королю поэтов» Серебряного века русской поэзии, двадцатидвухлетнему Игорю-Северянину.

Естественно, такой отзыв самого Льва Николаевича о творчестве никому в то время не известного молодого поэта, с легкой руки Наживина, не обошел стороной редакторов столичных газет и журналов и, соответственно, читателей. Казалось бы, что это конец литературной карьере Игоря Северянина.

Но одним из парадоксов его личности было то, что он ставил себя выше общественного мнения. К тому же благодаря этой критике и ее публикации в прессе он стал знаменитостью. Начался его взлет на Олимп поэзии. «Крещение Толстым» – так называло взлет Игоря-Северянина общественное мнение.

Как вспоминал впоследствии сам Поэт, «меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них, в вечерах, а может быть, и в благотворителях, – участие».

На волне успеха Северянин основал собственное литературное направление – эгофутуризм: «Я и будущее». Он провозгласил: раз природа создала всех людей эгоистами, нужно развивать в себе это качество. Однако меньше, чем через год поэт покинул созданную им группу и заявил, что желает быть одиноким. Причиной стал скандал между ним и Константином Олимповым (сыном к тому времени уже покойного своего наставника К. Фофанова), который, с целью стать лидером в группе эгофутуристов, оклеветал Игоря-Северянина. Мол, он, Олимпов, а не Игорь-Северянин, является создателем эгофутуризма. Кстати, Олимпов – это его псевдоним, дающий право претендовать его обладателю на высший титул среди богов на Олимпе поэзии. Это ему принадлежат «скромные» о себе строки: «Я От Рожденья Гениальный…», «Я выше Бога Сверкаю Венцом» и другие строки безмерного самовосхваления.

Игорь-Северянин, не желая опускаться до уровня этих интриг, не желая расходовать впустую время и силы, выходит из созданной им группы. «Находя миссию моего Эго-Футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом, и этому я солнечно рад», – так высказался Игорь-Северянин в своем открытом письме.

Тем не менее, он охотно выступает со своими стихами вместе с Владимиром Маяковским и Давидом Бурлюком, участвует с ними в «Первой олимпиаде российского футуризма» в Крыму. Его творчеством заинтересовались такие мастера слова, как Федор Сологуб, позднее Валерий Брюсов и Константин Бальмонт. Так, Валерий Брюсов написал ему дружеское письмо, одобрив брошюру «Электрические стихи», а символист Федор Сологуб отозвался о нем как «Восходит новая звезда».

Чтобы еще больше самоутвердиться, он снимает себе жилье, оформляет его как кабинет. На страницах газет дает объявления о часах и днях приема редакторов, поэтов, любителей поэзии. В 1913 году он издает сборник своих стихотворений под названием «Громокипящий кубок», в котором его философские мысли сочетаются с описанием красоты природы и человеческих чувств.

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром, – солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!

«Солнце и море»

Эта книга принесла поэту всеобщее признание и славу. За два месяца сборник был издан семь раз тиражом в 50 тысяч экземпляров, за пять лет выдержал десять изданий!

С этого момента начинается триумф Игоря-Северянина. Он впервые выступает перед публикой, в 1913 году принимает участие в турне Федора Сологуба по городам России, в том числе и Баку. Зрителей интересовала не только поэзия Игоря-Северянина, но и манера чтения им его стихов. Так, когда он выступал перед любителями поэзии в Тифлисе, публика сначала восприняла его не как поэта, а как комика: людям было непривычно слышать такое чтение стихотворений. Это было не чтение, а пение на мотивы разных композиторов. Как вспоминают знакомые Игоря-Северянина, «у него были хороши слух и голос, он очень любил музыку». Поэтому в первые минуты зрительный зал буквально задыхался от смеха, не воспринимая всерьез такое исполнение. Затем зал замер, завороженно слушая поэта.

И вот наступает его звездный час – 27 февраля 1918 года, всего через один год после отречения царя и несколько месяцев после прихода к власти большевиков.

Политехнический музей в Москве, в котором периодически проходят научные диспуты молодых и убеленных сединою ученых мужей, шумят вечера новой поэзии.

И вот здесь состоялись настоящие выборы – выборы без давления со стороны или сверху. Здесь происходило эпохальное событие: выборы короля поэтов! Знаменательно то, что это событие происходило во время Первой мировой войны, когда в стране царили хаос, разруха, борьба за власть различных партий, когда Россия бурлила, революционные события резко меняли сознание граждан в духовном и политическом аспектах, – но люди сохранили в себе любовь к поэзии, к музыке слова.

Предварительно, за неделю об этих выборов, по городу были расклеены объявления. Сообщалось, что на выборы приглашались все желающие выступить поэты, что стихи желающих принять участие в выборах, но не явившихся поэтов, будут прочитаны артистами, что звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и что результаты выборов будут объявлены немедленно в аудитории и всенародно на улицах.

По воспоминаниям очевидцев, зал был набит до отказа. «Поэты проходили длинной очередью. На эстраде было тесно, как в трамвае. Теснились выступающие, стояла не поместившаяся в проходе молодежь, читающим смотрели прямо в рот». Артистами читались стихи отсутствующих поэтов – Анны Ахматовой и Ивана Бунина, Валерия Брюсова, Александра Блока и Федора Сологуба и многих других поэтов. Основными претендентами на победу были эгофутурист Игорь-Северянин, кубофутурист Владимир Маяковский, символист Константин Бальмонт, футурист Василий Каменский.

Но самое интригующее состязание на шпагах поэтических строк проходило между Игорем-Северянином и Владимиром Маяковским. В течение последних нескольких лет на поэтических вечерах разных городов России они тайно ревновали друг к другу по количеству аплодисментов в их адрес. И вот состоялась их открытая дуэль.

Игорь-Северянин, в своем длинном сюртуке, глядя отрешенно поверх зрителей в зал, гордо вытянувшись и заложив руки за спину, напевно прочитал, вернее, пропел, три свои поэзы: «Весенний день», «Это было у моря» и «Встречаются, чтоб разлучаться».

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблён!..

Владимир Маяковский, в своей пресловутой желтой кофте-блузе, обязательном элементе его наряда, возвышался над толпой. Он читал «Революцию» и отрывок из поэмы «Облако в штанах», едва имея возможность взмахнуть руками. Он заставил себя слушать, перекрыв разговоры и шум. Он швырял слова до верхних рядов, торопясь уложиться в отпущенное ему время.

Публику мало интересовали поэты отсутствующие. Поэтому все внимание было устремлено на поэтов на эстраде, на «живых» поэтов.

По итогам голосования победил Игорь-Северянин, вице-королем окрестили Маяковского. На третьем месте по разным воспоминаниям был то ли Константин Бальмонт, то ли Василий Каменский.

Церемония награждения была довольно шуточно-своеобразной: из ближайшего похоронного бюро был доставлен взятый напрокат огромный миртовый венок. Его возложили на шею Игоря-Северянина. Венок свисал до колен рослого поэта, но

это не помешало ему спеть свои классические «поэзы».

Обиженный результатами выборов Маяковский оттолкнул венок, который собирались повесить ему на шею, как вице-королю.

А Игорь-Северянин свой титул короля воспринял крайне серьезно. Это был его следующий, наивысший титул – в начале своего славного пути он уже был «Принцем поэтов». Так, еще в 1913 году жена Федора Сологуба подарила ему книгу Оскара Уайльда с дарственной надписью: «Принцу поэтов – Игорю-Северянину книгу его гениального брата подарила Ан.Чеботаревская. Одесса, 17/III-1913».

Уверенный в своей исключительности, он еще в 1912 году писал:

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!»

Как полагается по этикету монарху после коронации, он своим «подданным» написал повеление – «Рескрипт короля»:

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран Королём поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи –
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим – любовь и песнопенья! –
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убеждён –
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе – порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран Королём поэтов –
Да будет подданным светло!

Сознание собственного дарования до конца жизни сопровождало Игоря-Северянина. Как-то, услышав от случайного прохожего сельчанина о себе: «местный поэт Игорь-Северянин», он остановился и резко бросил: «Не местный, а вселенский. А вы понимаете, что такое «вселенский?».

Через неделю вышел в свет альманах «Поэзоконцерт», на обложке которого был помещен портрет Игоря-Северянина с указанием его нового титула. В альманахе были опубликованы его стихи, а также стихи Петра Ларионова, Марии Кларк, Льва Никулина, Елизаветы Панайотти и Кирилла Халафова.

Вот она, долгожданная слава – сбылись все его мечты, цветы, шампанское, триумфальные поездки по России…

Однако все вдруг кардинально меняется – король русских поэтов покидает свое королевство, свиту своих поклонников и поклонниц! Игорь Васильевич Лотарев, он же Игорь-Северянин, покидает Россию – уезжает в Эстонию. В этой стране поэт впервые побывал еще в 1912 году, где в тихом посёлке Тойле он впоследствии проводил почти каждое лето. В 1918 году тяжело заболела мать поэта, и он перевёз её в Тойлу. С поэтом уехала его гражданская жена, певица Мария Волнянская (Домбровская). Но когда через два года Эстония становится независимой Республикой, Игорь-Северянин вынужденно становится эмигрантом, не желая вернуться в Россию. Ему по душе эта маленькая деревенька на берегу Финского залива, где тихо и уютно, морские пейзажи, где ему нравится заниматься рыбалкой. Он сам так говорил о себе: «Я не эмигрант, не беженец… Я просто дачник с 1918 года».

Какова причина этого поступка, конечно, было известно лишь ему. Но он был эгофутуристом, то есть он, помимо любви к самому себе, к своему Эго, своему Я, был и футуристом, он видел себя лишь в будущем. Он, как великий поэт, мог предвидеть это будущее. Видимо, он интуитивно предчувствовал грядущую гражданскую войну и красный террор в России, репрессии 30-х годов. Кроме того, поэт-лирик не мог понять и принять идеологию новой власти коммунистов, разгул безбожья и погром соборов, храмов. К тому же у него был лишь ему свойственный характер, который спровоцировал его покинуть родину. Его близкий друг, поэт Георгий Шенгели, писал: «Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал... Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьем, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника...». Не исключено, что он решил отдохнуть от шумихи вокруг себя, и, возможно, он был искренен, когда писал:

Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал…
Мне скучен королевский титул,
Которым бог меня венчал.

И вот он уезжает из страны, в которой исчезли нравственные ценности его жизни. Но, покинув Советскую Россию, он в 1940 году вновь оказывается в Советском Союзе после присоединения к нему Эстонии, которая через год была оккупирована фашистской Германией.

В 1921 году в жизни Игорь Игоря-Северянина происходят важные события – он принимает эстонское гражданство, расстается со своей гражданской женой. После смерти матери в конце того же года он делает предложение дочери местного плотника Михкеля Круута, у которого снимает квартиру, и становится законным супругом скромной и строгой Фелиссы Круут. Вскоре у них родился сын Вакх.

Несколько слов о его жизни в эмиграции. Игорь-Северянин за эти 20 лет выпускает сборники стихов «Вервена» и «Менестрель», «Роман в строфах» – «Рояль Леанд-ра», автобиографический роман в 3 частях» – «Колокола собора чувств». В 1928 году он издает «антологию эстонской лирики за 100 лет», занимается переводом стихов эстонских поэтов на русский язык. Летом 1931 года в Белграде выходит книга «Классические розы».

Будучи в эмиграции, он остается русским поэтом, преданным своей родине. В разных странах Европы, от Скандинавии до Балкан, в Германии и Франции, он выступает с лекциями о русской поэзии. В некоторых из них участвуют Владимир Маяковский, Алексей Толстой.

27 февраля 1931 года на вечере поэзии Игоря-Северянина в парижском зале Шопена присутствует Марина Цветаева, которая пишет:

«...Единственная радость за все это время – долгие месяцы – вечер Игоря-Северянина. Он больше чем остался поэтом, он – стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у трехсотлетнего, но – занесет голову – все ушло – соловей!»

Все годы эмиграции он мечтал вернуться в Россию:

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

«Игорь-Северянин – лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир и умеющий несколькими характерными чертами заставить видеть то, что он рисует. Это – истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это – ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире», – так о нем отзывался Валерий Брюсов. Прав Брюсов – Игорь-Северянин был Поэтом, совершенно далеким от политики.

Сегодня «красные», а завтра «белые» –
Ах, не материи! ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.

Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра те ж,
Они, бывалые, пройдохи дошлые,
Вам спровоцируют любой мятеж.

Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в «их» теориях – путь к Божеству?
Сегодня «белые», а завтра «красные» –
Они бесцветные по существу.

Резкие повороты его жизненного пути сказались на его здоровье. Бесчисленные поездки по странам Европы – дороги, гостиницы, незнакомые люди, языковой барьер, редакторы и издатели сборников его стихов... Не последнюю роль здесь сыграли и его отношения с женщинами: многочисленные и мимолетные встречи. И, как результат, его жена в 1935 году была вынуждена с ним расстаться. Его последней женщиной была Вера Борисовна Коренди (1903–1990), учительница русского языка и литературы в школе. Финалом перипетий его судьбы, его неустроенной личной жизни, отсутствия теплого домашнего очага оказался туберкулез. 20 декабря 1941 года, в возрасте 54 лет, избранный король поэтов Серебряного века Игорь-Северянин – (Игорь Васильевич Лотарев) покинул этот мир. Он был похоронен в Таллине на Александро-Невском кладбище. В последний путь его провожали обе жены. Одна – жена перед Богом. А вторая – жена по совести, разделившая с ним все тяготы последних, самых трудных лет жизни поэта. На его надгробии поклонники поместили надпись двух последних строк из его стихотворения «Классические розы»:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

P.S. Нельзя обойти вниманием тот факт, что все три победителя в состязании на выбор короля поэтов неоднократно бывали в Баку и принимали активное участие в культурной жизни нашего города.

Так, Игорь-Северянин впервые посетил Баку в 1913 году вместе с Федором Сологубом и его супругой, Анастасией Чеботаревской. Спустя годы, 1923 году, он в автобиографическом романе в стихах в 3-х частях – «Колокола собора чувств», упоминает о нашем городе.

…Солончаки, унынье, море
Каспийское, верблюд, киргиз,
Баку, Тифлис и, в заключенье,
Декоративный Кутаис...

Спустя несколько лет он, вторично совершая турне по Кавказу, югу России и Украине, 1 февраля 1917 года вновь попадает в Баку, где собирает бурные аплодисменты в Театре братьев Маиловых на своем вечере поэзии – Поэзовечере.

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930) бывал в Баку и до революции и после нее. Выступал во Дворце тюркской культуры – Исмаилия, (теперь в нем располагается президиум НАНА), в Доме Красной Армии – (Дом Ашурбековых), в Маиловском оперном театре, перед рабочими в цехах завода Шмидта. В 1928 году он писал: «Люблю я Баку. В нем есть что-то особенное, никогда не забывающееся».

В Баку неоднократно бывал и поэт-футурист, драматург, один из первых русских авиаторов Василий Васильевич Каменский (1884-1961). В письме своему другу в 1926 году он пишет: «…В Баку в Драм. Театре пойдет мой «Пушкин», в цирке «Емельян Пугачев», в 2 клубных театрах комедии «Скандальный мертвец» и «Женитьба совработника». Далее он делится впечатлениями: «…В Баку жить, брат, изумительно. Сегодня 4 декабря, а я хожу без пальто. Тепло, моревейно, виноградно, легко и укладисто». В другом письме 10 мая 1927 он гордится своем пребыванием в Баку: «Маяковский недавно выступал в Баку 4 раза, а я – 23. В Тифлисе он же 2 раза, а я – 16…».

НИДЖАТ МАМЕДОВ

В ЗАЩИТУ НАУКИ

Нижеследующий текст вдохновлен новым опытом в моей жизни – посещением психотерапевта.

Мой психотерапевт применяет когнитивную терапию, основанную Аароном Беком.

Бек начинал как фрейдистский психоаналитик, однако впоследствии разочаровался в классическом психоанализе, считающем, что проблема находится в бессознательном пациента, и усматривающем первопричину проблем в детстве. Когнитивная же терапия считает ровно наоборот: проблема находится в сознании пациента и заключается, прежде всего, в ошибках мышления и неосознаваемых автоматических мыслях. Когнитивная терапия отчасти напоминает мне буддийскую концепцию спасения.

Как говорит традиция, Будда на метафизические вопросы – есть ли Бог? есть ли загробная жизнь? и т.д. – сохранял благородное молчание, а о своем учении высказывался так: «Представьте, что в охваченном пожаром доме находятся дети, а я прохожу мимо. Что я должен сделать в первую очередь? Конечно же, зайти внутрь и спасти детей, пока это возможно. Если же я стану спрашивать «Кто построил этот дом?», «Из какого материала дом построен?» – дети сгорят заживо. Так и мое учение в первую очередь нацелено на спасение человека. Все остальные вопросы имеют второстепенное значение».

Одним из главных отличий нашего поколения миллениалов от поколения наших родителей является то, что те при возникновении проблем ходили к falçı и molla, мы же обращаемся к психотерапевтам.

И это вполне резонно. Ведь что бы ни изучал человек, – от вождения велосипеда до отдаленных галактик, – он изучает это посредством своего мозга/сознания. Значит, в первую очередь необходимо изучать сам мозг/сознание. Следовательно, идеальным на сегодняшний день занятием является наука, важнейшими направлениями которой оказываются психология и психиатрия, когнитивные и нейро-науки, исследование ИИ (искусственного интеллекта).

Наверное, наши читатели еще помнят первое реалити-шоу в азербайджанском эфире – «Qəfəs». В финал тогдашнего шоу вышли два молодых человека, из которых победителем должен был остаться один – тот, кто соберет больше зрительских голосов. Одним из финалистов был начинающий делец, на призовой фонд собирающийся открыть цветочный магазин. Другим финалистом был молодой ученый-биолог, призовой фонд собиравшийся использовать на свое обучение и исследования в области генетики. Выбор публики оказался вполне предсказуемым: зритель выбрал дельца. Не говорит ли этот выбор о том, что в нашем обществе со времени сентенции Сабира «Oxutmuram, əl çəkin!» ничего не изменилось?

Часть современных теоретиков считает, что постмодерн начался приблизительно в середине прошлого века, последовав после традиции и модерна. Другая часть убеждена, что у каждой эпохи были свои традиция, модерн и постмодерн.

Традиционное мышление во многом религиозно и символично. Его можно уподобить пирамиде, где все элементы подчиняются одной-единственной верхушке.

Постмодернистское мышление эстетично: незыблемая Истина, столь акцентированно выраженная в традиции, заменяется здесь на «радостную игру мира» (Ж. Деррида), вера уступает место агностицизму, декларированию того, что «у каждого своя правда». Фигурой постмодерна становится ризома – антиструктура, где каждый элемент может быть напрямую связан с любым другим элементом (нейронная система мозга; интернет).

Модернистское же мышление научно и атеистично. Его фигурой является жесткая структура, где каждый элемент логично вытекает из предыдущего.

Традиция не знает времени, она полностью пребывает в вечности.

Постмодерн акцентирует пребывание в «здесь и сейчас».

Модерн же всегда устремлен в будущее.

До совсем недавнего времени мысль Витгенштейна о том, что «решение научных проблем не приводит к решению проблем экзистенциальных», была вполне истинна.

Действительно, несмотря на все изыскания и открытия, человек продолжал оставаться отчасти неудовлетворенным, отчасти одиноким и, самое главное, смертным. С экзистенциальной точки зрения смерть можно было счесть единственным справедливым событием, коего не в силах избежать ни одно живое существо.

Однако буквально на наших глазах научно-техническая революция ведет к тому, что смерть (наряду с болезнями и старостью) станет предметом выбора каждого отдельно взятого человека. Ученые предполагают, что во вполне обозримом будущем с помощью генной инженерии, клонирования и цифровой загрузки сознания смерть перестанет быть неизбежной.

Если принять во внимание следующую последовательность познающего разума: миф – религия – искусство – наука, то мы можем утверждать существование прогресса.

Если раньше альтернативы мифологическому, религиозному и эстетическому мышлению не было, то уже лет двести она есть в лице науки.

Если в повседневной жизни встает вопрос выбора между верой и наукой, то чаша весов ощутимо склоняется в научную сторону. В повседневной жизни мы на 99% руководствуемся и пользуемся плодами науки. Эту статью автор набрал на компьютере и отправил на email журнала посредством научно-технического изобретения, а не обращался ко Всевышнему с молитвой послать почтового голубя, к лапке которого можно было бы прикрепить письмецо.

Совсем недавно я обратил внимание на то, что почти в каждом учении рационалисты соседствуют с мистиками: Платон и Аристотель – в философии, Фрейд и Юнг – в психологии, пророк Мухаммед и имам Али – в Исламе. Безусловно, по сравнению с мистическим, рациональное восприятие мира, себя в мире кажется бедным, холодным и «стерильным». Однако здравый смысл помогает лично мне – прирожденному и/или сконструированному обстоятельствами мистику – сохранять душевное здоровье.

Всё вышеизложенное вовсе не означает призыва отказаться от творчества и искусства.

Творчество, искусство, литература помогают нам осознавать собственные «безмолвные глубины», «невыразимое». Литература, к примеру, дает нам язык описания, риторические средства, с помощью которых мы можем вербализовать эти самые «безмолвные глубины» и тем самым избежать многих расстройств.

Иосиф Бродский в своем «Напутствии» – выступлении перед выпускниками Мичиганского университета – советовал им приобрести лупу и словарь и, если придется в будущем обращаться к психоаналитику, иметь в запасе более объемную лексическую базу для точного самовыражения.

В отличие от философии, вполне отдающей себе отчет о неизбежной двусмысленности языка и потому стремящейся к тавтологичности (бытие есть, небытия нет), литература показывает, что одна и та же вещь либо явление может именоваться разными словами. Например, месячные можно называть«недомоганием». Возможно, негативное именование естественных явлений приводит к негативным переживаниям, так как язык, реальность и сознание находятся в нерасторжимой связи.

Но ведь можно пользоваться и нейтральными обозначениями, такими, как «регулы», «цикл» и т.д.

В отличие от литературы научный дискурс опять же выглядит холодным и стерильным. Если оптимист говорит «Стакан наполовину полон», а пессимист «Стакан наполовину пуст», то ученый констатирует: «В стакане объемом 200 мг содержится 100 мг жидкости».

Наука – это, прежде всего, констатация, описание, статистика, эффективное действие ради ощутимого результата. Холодность и стерильность не самая высокая цена за точность и объективность.

На сегодняшний день, оставшись перед выбором между метафизикой философии и эпистемологией науки, я выберу последнее. Критически расценивая свое поспешно-пылкое желание заняться философией, я понимаю, что пройдет не один год, пока я обучусь ей, смогу применять в своей жизни и улучшать качество этой жизни. Более продуктивным и экономным путем, как мне представляется, является освоение когнитивных наук. Кроме того, философские истины воплощаются настолько окольным путем, что извращаются полностью. К примеру: Сократ говорил, Платон это записал, Аристотель откомментировал, а Александр Македонский воплотил в жизнь. Разница в том, что Сократ пошел на смерть ради своих убеждений, а Македонский ради своих убеждений посылал на смерть других.

На днях я перечитал джойсовский «Портрет художника в юности», где описывается становление героя, отошедшего от религии и выбравшего служение искусству. Теперь же мне хотелось бы прочесть гипотетический «Портрет ученого в юности», где герой отказывается от искусства в пользу науки.

ЭНАР ГАДЖИЕВ

Миру мир

Эфир тревожит вестью горькой,
Газетный лист кровоточит.
Но всё в порядке, если только
Внук на плече у деда спит.

В семье не все бывает гладко –
Тот скажет, эта не смолчит...
Но все спокойно, всё в порядке –
Внук на плече у деда спит.

Пульс беспокоит частым стуком
И под лопаткою щемит,
Но всё в порядке рядом с внуком,
Который на плече сопит.

Летит земля сквозь космос черный
Клубком любовей и обид
Я за нее вполне спокоен –
Внук на плече у деда спит.

Старик и мухи

Басня

Шумел, гудел базар восточный,
И дынь чарджуйских аромат,
Мешаясь с запахом чесночным,
Сводил с ума и стар, и млад.

О, буйство цвета!..
Эти краски –
Живой Матисс, Мане, Сезанн...
Как сцена из арабской сказки,
Лишь стоит выдохнуть: «Сезам!»

Мальчишки звонко предлагали
Шербетом жажду утолить,
Ослы стенаньем объявляли,
Что тяжко им тюки влачить.

Великолепие ковров
Искусным цветником стелилось...
А дальше –
ква́ртал гончаров,
Лудильщиков и ювелиров.

Средь этой роскоши земной
Сидел, едва тряпьем прикрытый,
Иссохший, язвами покрытый,
Старик с кудлатой бородой.

Он весь был мухами облеплен,
Но так ослаб и изнемог,
Что рои оводов и слепней
Он отогнать уже не мог.

Какой-то юноша невинный,
Влекомый жалостью единой,
Газетой, бывшею в руках,
Согнал всех мух со старика.

И что ж?.. Наш старец простонал:
«Как неразумно поступил ты!
Зачем ты этих мух согнал,
Что, насосавшись, были сыты?!..»

Мораль?..
Но нам не до морали –
Дай Бог, чтоб нас не покусали...

ЭНАРИЗМЫ

*

Бояться смерти нет причины,
Пока ты жив и видишь свет –
А с наступлением кончины
Тебя уже на свете нет.

*

Как часто, в смысл не вникая,
Твердим: «Года берут свое!»
Но сам я с грустью понимаю:
Года, увы, берут мое...

*

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом ...
Седеют старики у окон,
Воспоминая о былом.

*

Как?!..
Страсбургский пирог нетленный –
Гусиный баночный паштет?..
Вот так на склоне жизни бренной
К словам теряешь пиетет.

*

«Повторенье – мать ученья!» –
Важно детям сообщаем.
Сами ж –
все без исключенья –
Лишь ошибки повторяем.

*

Футбольный марафон –
Но не с кем потрепаться...
Я в городе родном
Живу, как в эмиграции.

*

Не философствовать –
учиться умирать:
Как гаснут звезды или никнут травы...
Бог нѐ дал людям эту благодать
И человек хрипит,
хлебнув земной отравы!

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО

(Топ-десятка лучших рассказов советской фантастики – по версии автора)

И сейчас, по прошествии полувека, я был и остаюсь весьма высокого мнения о советской фантастике. Ну, о том, что я был и остаюсь ее горячим поклонником – говорить, пожалуй, излишне.

В Советском Союзе ее, фантастику, бывало, недолюбливали. Называли «Золушкой» литературы. Ее опрометчиво считали то жанром, призванным популяризировать достижения науки и техники и «вербовать» будущих инженеров (и не более того!), то считали «литературой Мечты», призванной описывать неосуществимые утопии. Советская фантастика работала в условиях жесткой и подчас глупой цензуры…

…но, несмотря на все это, энтузиастам удавалось достичь многого. Учреждать редакции научно-популярной и фантастической литературы (или фантастики и приключений) и активно работать в их рамках; основывать серии и даже многотомные библиотеки советской и зарубежной фантастики;, переиздавать классиков жанра; открывать отделы фантастики в популярных журналах («Знание-сила», «Техника – молодежи», «Юный техник», «Химия и жизнь», «Изобретатель и рационализатор»). И все более и более становилось ясно, что советские писатели-фантасты способны не только воспевать науку и технику и описывать недалекое и отдаленное будущее с их чудесами и проблемами – они оказались способны поднимать вопросы морали и нравственности, рассматривать сквозь призму фантастики актуальные проблемы современности, интересоваться уже не столько техникой, сколько Человеком, человеческими взаимоотношениями в век научно-технического прогресса… Избранный жанр позволял авторам использовать приемы, неприемлемые (простите за невольный каламбур) в иных литературных жанрах.

Советская фантастика дала литературе массу славных имен, многие из которых завоевали всемирную известность. Это не преувеличение: кто не знает братьев Стругацких, по книгам которых снимали фильмы Тарковский и Герман-старший? Кто не знает бакинца Генриха Альтшуллера (Альтова), основоположника ТРИЗ – Теории Решения Изобретательских Задач? Кто не знает Кира Булычева, автора культовых книг, по которым были сняты культовые сериалы и фильмы?

Что же касается лично меня, то… советская фантастика – это мое детство, мои юность и молодость, это книжки, которые я запоем читал в благословенных бакинских библиотеках, у себя дома, и – чего греха таить – на школьных уроках, пряча их под учебниками… Все это сделало меня не просто поклонником, а и знатоком советской фантастики.

Иногда я думал: доведись мне составить свою личную Топ-десятку (как нынче принято говорить) самых сильных фантастических рассказов советских мастеров жанра – что бы я включил туда? Постепенно мысль приобретала материальную форму, и с конечным результатом вы можете ознакомиться ниже.

Оговорюсь, что в мою личную Топ-десятку вошли рассказы, написанные в период с 1962 по 1987 годы. Золотой век советской фантастики, серебряный век и – ее железный век…

Начнем, пожалуй.

№ 1. Из всех рассказов, написанных в соавторстве с Михаилом Емцевым и Еремеем Парновым (известнейший был в свое время творческий тандем, оба – ученые, работавшие в области физики и химии), самым лучшим я считаю рассказ **«Три кварка»**, впервые опубликованный в приложении «Искатель», в 1967 году.

…Советское океанографическое судно ложится в дрейф в виду Малого Инагуа – одного из островов Багамского архипелага (Атлантика). Семеро ученых совершают погружения с целью сбора коллекций. И вот во время одного из таких погружений случается странное и страшное: из океанской бездны поднимается некая необъятная бурая масса, дрожащее желе, что-то вроде огромного, с километр, одеяла с колышущимися краями. Масса убивает, словно электрическим разрядом, замешкавшихся акул и морских черепах и растворяет их в себе. А затем та же самая участь постигает двоих из семи дайверов…

Попытки спасти товарищей ни к чему не приводят. Попытка забросать бурую массу тротиловыми шашками тоже ничего не дает: «желе» быстро затягивает места разрывов и вскоре медленно уходит обратно в глубины океана. И вот что еще странно: ученый, от лица которого ведется рассказ, при виде «желе» там, под водой, испытал чувство невероятного одиночества, исходящее от загадочного существа! Его природа не дает покоя ученому, и он размышляет над ней.

Ученый предполагает, что «бурый студень» возник еще в архейскую эру, на заре жизни, в глубоких океанических впадинах, и представляет собой образец «параллельной эволюции», порожденной кварками, частицами с дробным зарядом (которые на протяжении миллиардов лет пронизывают атмосферу Земли и скапливаются во впадинах океанов). Это уникальное, бессмертное существо – и особь, и вид в одном лице.

Но еще больше, чем физика и биология «бурого студня», ученого занимает его психология:

«…это чудовищное существо само абсолютно одиноко… Оно не подвластно смерти и не знает врагов. Все для него чужое, и оно чуждо всему живому. В темных и холодных глубинах трудно заметить течение времени. Ему неведом страх, зато все живое цепенеет от ужаса при его приближении.

…Это странная жизнь вне времени, без вражды и какой-либо привязанности. В море всегда вдоволь рыбы, и поэтому нет никаких забот. Может быть, нет даже эмоций и желаний. Если за миллионы лет в буром студне и пробудилось сознание, то оно непостижимо для нас, равнодушно и сумеречно. У такого существа не может быть цели, как нет ее у самой природы.

…Полное отчуждение, принципиальная невозможность любых контактов. Слишком оно велико, чтобы замечать случайную добычу. Планктон или исполинский кит – для него все едино. Даже понятие добычи неведомо ему. Это всего лишь автоматический, само собой разумеющийся процесс.

…Она, эта жизнь, творит зло, не ведая ни зла, ни добра; сеет ужас, никогда его не испытывая; убивает, не зная смерти. Она одинока, эта жизнь, и не одинока, потому что ей никогда не осознать своего одиночества… Бурый студень – это отброшенный природой вариант, издержки эксперимента».

Далее ученый осознает огромную разницу между людьми и глубоководным бессмертным и одиноким чудовищем:

«Мы, люди, сильны тем, что нас много. В жизни и смерти каждого из нас источник бессмертия человечества. И то, что мы считаем самым прекрасным и высоким, дано нам потому, что мы смертны… Это изначально в человеке. Вот почему он никогда не завидовал бессмертным богам».

Если мой пересказ выглядит несовершенным и корявым, рекомендую прочитать **«Три кварка»** в оригинале.

Почему я внес его в десятку лучших фантастических рассказов советских авторов?

Налицо (на мой взгляд) ярчайший пример того, что может дать уму научная фантастика, как жанр: успешная попытка вообразить и описать живое существо, возникшее на иной основе, нежели все остальные, и ментально отличающееся от всех остальных живых существ, включая человека. Это как бы две различные формы живой материи, невероятно далеко отстоящие друг от друга на своеобразной шкале. Людей и «бурый студень» разделяет фактически непреодолимая пропасть. Вряд ли возможен контакт между двумя этими формами; людям и «студню» остается лишь сосуществовать на одной планете, изредка случайным образом пересекаясь друг с другом на «нейтральной территории» (то есть на определенной глубине океана). Возможно, человек придумает способ уничтожить «бурый студень»; «студень» вряд ли сможет ответить тем же…

Для меня ценно, что авторы «изобрели» иную форму жизни не где-то в Космосе, а у нас, «под боком», так сказать.

Не исключены огрехи в рассказе по физической и биологической части, но главной целью авторов, на мой взгляд, было **сравнение**… сравнение, позволяющее взглянуть на человечество под новым углом зрения и обозначить его, человечества, ценность.

Выбор рассказа обусловлен также и тем, что я по профессии – биолог. Но это не являлось основоопределяющим фактором…

№2. Творческое наследие Кира Булычева (под этим псевдонимом снискал себе немалую славу историк Игорь Можейко) огромно. Даже ограничив себя его рассказами, мне нелегко было выбрать самый лучший из них. Но, в конце концов, я твердо решил: это будет небольшой фантастический рассказ **«Снегурочка»**, впервые опубликованный в журнале «Знание – сила» в 1973 году.

…Действие рассказа происходит в далеком будущем, когда на Земле победил Свет Разума, земляне летают в глубокий Космос и общаются с огромным числом инопланетных цивилизаций. И вот как-то раз земной космический корабль спасает девушку с другой планеты – ее корабль потерпел страшную аварию в пространстве… Спасенную, однако, приходится немедленно поместить в специальный бокс: дело в том, что в ее мире основой жизни является аммиак, а не вода, как на Земле. Сие означает, что эта красивая девушка, равно как и ее сопланетники, живет при температуре минус семьдесят-восемьдесят. Общаться с ней можно только через толстое стекло, посредством микрофона… Земляне нарекают ее **Снегурочкой**.

И вот в Снегурочку влюбляется земной космонавт, главный герой рассказа.

Девушка с аммиачной планеты отвечает ему взаимностью, но… Земной парень никогда не сможет жить в ее мире без скафандра – он замерзнет на страшном морозе. Снегурочка никогда не сможет жить на Земле без скафандра – она просто-напросто сгорит в адском пекле, которым для нее обернется нормальная для землян температура обитания… Влюбленные подумывают найти **«нейтральную»** планетку, на которой царит мороз градусов в сорок. Правда, для него это будет несколько холодновато, для нее – довольно жарковато, но ради Любви можно и потерпеть!

Однако что это будет за жизнь, если придется все время терпеть?..

В финале рассказа главный герой высаживает Снегурочку на ее родной планете. Прощаясь, землянин по просьбе любимой снимает перчатку скафандра; девушка берет его руку и прижимает к своей щеке. На щеке мгновенно вспухает багровый ожог – след его ладони. А ладонь парня оказывается обмороженной…

Я счел этот рассказ самым лучшим из рассказов Кира Булычева и внес его в свою Топ-десятку.

Любовь – тема многих произведений реалистической прозы, сказок, фантастики. В фантастических произведениях нередко возникает любовь между землянами и неземлянами. Часто между ними не возникает особых препятствий: влюбленные живут на планетах со сходными условиями. Но в «Снегурочке» ситуация уникальна. Мало того, что она возможна лишь в рамках фантастического жанра; здесь показана абсолютная **невозможность** совместной жизни парня с Земли и девушки с аммиачной планеты. Им препятствуют не какие-нибудь кастовые предрассудки, психологическая несовместимость или несходство в анатомии или генетике; нет, между ними встает равнодушная **физика**.

Снегурочка у Булычева – не мифическое существо, не сказочный персонаж, не какая-нибудь нежить. Это человек из мяса, костей и нервов, просто судьба рядила ей родиться на планете, где основой жизни является аммиак. Она не виновата в этом, как не виноват и космонавт, родившийся на Земле. И в том, что между ними вспыхнуло чувство, тоже нет ничего предосудительного. Да вот только быть вместе им **невозможно**. Так все сложилось. Так устроена Вселенная.

Другого подобного рассказа я не знаю.

Правда, в «Сердце Змеи» Иван Антонович Ефремов показал людей с фторной планеты, но – лишь показал. Булычев же пошел гораздо дальше…

№ 3. В 1987 году в популярном советском приложении «Искатель» я прочитал небольшой по объему рассказ **«И услышал голос»**. Осмыслил его. И с той самой поры и до сегодняшнего дня непоколебимо готов внести его в десятку лучших рассказов советских фантастов и даже в Топ-десятку лучших рассказов, написанных фантастами мира.

Автор – известный астрофизик Павел Амнуэль, бакинец, который долгое время работал в Шамахинской обсерватории и в Институте физики Академии наук Азербайджана и был широко известен и как ученый, и как писатель-фантаст. Последние четверть века Павел Рафаэлович живет в Израиле и продолжает активно работать – и как ученый, и как писатель-фантаст, создавая все новые и новые повести, романы, статьи... Но, поскольку я в рамках данной десятки фокусирую внимание на рассказах, то – «И услышал голос». Однозначно.

Действие рассказа происходит в будущем, когда сотрудники Института Времени, так называемые **«хронографисты»**, получили возможность погружаться в прошлое – сначала не очень отдаленное, а потом все более и более глубокое. Интрига возникает тогда, когда один из хронографистов, посетив верхний архей (четыре с половиной миллиарда лет назад), время, когда на Земле должна была возникнуть жизнь, не обнаруживает там абсолютно никаких ее признаков!

Специалисты-теоретики заговорили о так называемых **«виртуальных мировых линиях»**; если верить им, то вся история жизни на планете Земля, а также возникновение и развитие человечества, по сути своей беспричинные, а значит, не имеющие следствий в общем развитии Вселенной, – существуют на виртуальной мировой линии, которая может в любой момент оборваться, и тогда **«Земля мгновенно станет такой, какой была четыре с половиной миллиарда лет назад, и будет развиваться в соответствии с логикой природы, и никакого человечества, которое эту логику нарушило, не будет»**.

Трудно жить, осознавая, что весь мир вокруг в любую минуту может «аннулироваться». Трудно и страшно. И человечество решает «подстраховать» себя. Туда же, в верхний архей, отправляется главный герой рассказа, хронографист, и к его машине времени прикреплен контейнер с шестнадцатью тоннами **протобионтов** – «закваски» будущей жизни на планете Земля, которую надлежит сбросить в

первобытный океан… Подвести или ошибиться нельзя: каждый запуск человека в столь глубокое прошлое связан с колоссальными энергетическими затратами, другого такого случая может и не представиться.

Прибыв на место и готовясь к выполнению задания, главный герой вдруг слышит внутри себя чей-то голос! Оказывается, на юной Земле существует небелковая форма жизни, и не просто жизни – Разума! Окутав Землю газообразной оболочкой, этот Разум управлял океанами, земной корой, климатом… Он возник задолго до первых простейших белковых организмов, за целый миллиард лет… и впоследствии исчез, не оставив никаких следов.

Главный герой рассказа оказывается перед чудовищным выбором. Сбросив в архейский океан шестнадцать тонн «закваски», он тем самым включит механизм уничтожения протоРазума (который будет погублен бурно выделяющимся кислородом), зато положит начало белковой жизни и человечеству; воспрепятствовав сбросу – человек сохранит в неприкосновенности протоРазум, но при этом пожертвует будущей жизнью и в итоге человечеством (да и самим собой)… Казалось бы, вопрос ясен: люди в первую очередь, какой еще может быть выбор?! Но главный герой мучается, ибо прекрасно осознает объективную равноценность двух этих вариантов жизни и разума, а также понимает, что альтернативы нет: или-или, сохранение одного означает неминуемую гибель другого…

До автоматического сброса протобионтов – одиннадцать минут. И за это время главный герой должен «решить за весь мир, за два разумных мира, должен выбрать».

Он может нажать на кнопку и отключить механизм сброса. Но он медлит, выбирая. И он выбирает. **«Сейчас я был – все люди. И мог сколько угодно твердить, что не готов принимать таких решений, что это жестоко… Но я должен был решать»**.

И главный герой дожидается того момента, когда контейнер автоматически раскрывается, и триллионы протобионтов вываливаются в океан.

Так один-единственный человек становится родителем нового мира – и в то же время убийцей мира старого.

Главный герой возвращается в свое время с неимоверно тяжким грузом на душе – он и только он знает, **какую** цену пришлось заплатить за право человечества существовать на этой планете… И он не должен, просто не имеет права рассказать об этом кому бы то ни было. Зачем людям знать, с чего они начали жить?..

Думаю, нет нужды объяснять, почему я считаю рассказ Павла Амнуэля достойным включения в десятку лучших рассказов советских фантастов. Это тот самый случай, когда высокую трагедию можно выразить лишь с помощью фантастики, и никак иначе. Здесь - мучительный выбор, чувство ответственности за совершенный поступок и осознание его последствий, возведенные в квадрильонную степень. Никакой другой жанр на это не способен.

Совсем недавно я узнал (рассказал сам Павел Рафаэлович), что в авторской версии его рассказа главный герой совершает суицид, более не в силах носить в себе ужасную тайну. Но редакция «Искателя» отвергла такую концовку, сочтя ее, видимо, слишком «чернушной».

Думаю, зря отвергла. Такая концовка лишь усилила бы эффект от рассказа.

№ 4. В 1977 году, в популярном приложении «Искатель», я прочитал фантастический рассказ писателя, журналиста, переводчика Виталия Бабенко **«Феномен всадников»**, который произвел на меня, как принято говорить в таких случаях, неизгладимое впечатление. Настолько неизгладимое, что я без колебаний включаю его в личную Топ-десятку лучших рассказов советских фантастов.

…70-е годы, Соединенные Штаты Америки. И начинается кошмар.

Невесть откуда на нашу грешную Землю (а точнее – на территорию США) прибывают странные и страшные существа – три всадника на мощных конях. Облаченные в буро-серые одеяния, похожие на средневековое платье, вооруженные какими-то подобиями палок с рогульками на одном конце, пришельцы начинают истреблять людей. Всех подряд, кто под руку подвернется. Стоит всаднику приложить к плечу (наподобие ружья) свою «палку» и прицелиться – и из странного оружия проскакивает молния, и жертва (человек!) мигом превращается в розовое облачко. И так – один за одним, один за одним… При этом грозные всадники не трогают животных – никаких. Их цель – только люди.

Всадники молчаливы, неумолимы и совершенно неуязвимы для всех видов земного оружия. Зато от их «палок» нет никакого спасения. Три всадника скачут по американской земле, сея смерть, ужас и панику. Апокалипсис…

Повествование ведется последовательно от лица нескольких рассказчиков: сержанта морской пехоты, взвод которого первым вступил в огневой контакт с пришельцами и полег практически полностью; художника, который стал невольным свидетелем прибытия всадников на Землю (по его словам, они выехали из материализовавшейся в воздухе странной конструкции, весьма напоминающей… дубовую бочку); чудом уцелевшего методистского священника, которого вместе с сотнями его прихожан всадники согнали в кучу и обложили «флажками» (точь-в-точь, как земные охотник – волков!); профессора-физика, размышляющего о природе «охотников»; шестилетней девочки, случайно столкнувшейся в саду с одним из всадников… Кстати, именно профессор (по совместительству еще и доктор философии) высказывает догадку, что всадники – не пришельцы из Космоса или параллельного пространства, а, скорее всего, материализовавшиеся своеобразные кванты земной Природы, появившиеся для того, чтобы покарать человечество за все те неисчислимые злодеяния, совершенные людьми по отношению к Природе и другим людям, за истребление лесов, целых видов животных, за геноцид целых народов… и три всадника не остановятся, пока не истребят человечество до самого последнего человека. И остановить их не сможет никто и ничто.

…но, как оказалось, нашлось на грешной Земле нечто такое, отчего всадники, все трое, осадили коней, потом повернули назад и отбыли обратно туда, откуда пришли. Остатки человечества были спасены. Во многом благодаря случайности, чистой случайности.

Разгадка кроется практически в последнем предложении рассказа. Не буду раскрывать тайну – прочитаете сами, если захотите. Во всяком случае, я рекомендую прочесть.

…Образы всадников из рассказа Виталия Бабенко преследовали меня долгое время. Я даже пытался рисовать их карандашом или шариковой ручкой: суровые лица, жестокие глаза, блинообразные головные уборы с перьями, камзолы, краги, перчатки.. . И кони под стать грозным охотникам-убийцам…

Почему я счел «Феномен всадников» достойным включения в Топ-десятку? Мне очень понравилась идея автора, которая обладает правом на существование исключительно в рамках фантастического жанра. В конце концов, негативное воздействие человечества на Природу достигнет критической точки, и тогда Природа, загнанная в угол, исторгнет из себя своих активных и мобильных защитников – и пусть они будут иметь вид всадников, превращающих людей в облачка, почему нет? Не все ли равно, как будут выглядеть те, кому предстоит **«зачистить»** планету от людей, не трогая всего остального? С другой стороны, даже у этих методичных **«чистильщиков»** имеется своя ахиллесова пята, дающая людям шанс уцелеть и, может быть, одуматься…

Отличный рассказ, одним словом.

№ 5. …У ленинградского автора Севера Гансовского была бурная жизнь: он потрудился грузчиком, матросом, электромонтером, почтальоном, учителем… Во время Великой Отечественной войны был снайпером, разведчиком. После войны окончил филфак; работал в основном в так называемых **«малых формах»** – писал повести и рассказы; впрочем, имеются у него и пьесы, и сказка… Из всех рассказов Севера Феликсовича я решил включить в свою индивидуальную топ-десятку рассказ **«Полигон»**, увидевший свет в 1966 году на страницах журнала «Вокруг света».

…На тропический островок где-то в океане, населенный малочисленным племенем индейцев, прибывают крупные военные чины одной из неназванных капиталистических стран и вместе с ними – штатский, Изобретатель. На острове предполагается устроить временный полигон для испытания оружия нового типа. В связи с этим индейцам предлагается покинуть остров. Те отказываются.

Изобретатель объясняет военной комиссии, что его детище – автоматический танк с компьютером внутри – не нуждается в экипаже. В то же время это – совершенное оружие: управляющий танком компьютер способен улавливать так называемую **«Е-волну»**, излучаемую мозгом любого человека. Проще говоря, в режиме обороны танк улавливает самые намерения противника и успевает сработать на опережение, то есть увернуться от выпущенного снаряда, ракеты или гранаты. А в атакующем режиме танк улавливает исходящие от противника волны страха и молниеносно совершает именно то, чего боится противник… Фактически любая паническая мысль может послужить для вражеских солдат и офицеров смертным приговором. При этом танк под завязку напичкан боезапасом и не нуждается в горючем, поскольку питается от солнечных батарей. ***Совершенное оружие.***

После испытаний танка в режиме обороны комиссия отправляется на обед. Изобретатель, уходя, переключает компьютер танка в атакующий режим.

С этого момента все присутствующие на испытаниях обречены.

Оказывается, танк – это своеобразная утонченная **месть** Изобретателя всем военным и, в частности, – Генералу, главе комиссии. Оказывается, сын Изобретателя воевал в одной из «банановых» стран под командованием Генерала и был там убит. После этого Изобретатель разработал танк, улавливающий Е-волну и устроил так, что Генерал оказался в числе членов комиссии. Это (по мнению Изобретателя) было бы справедливой и символичной расплатой – высокий военный чин, бестрепетно посылающий на смерть тысячи солдат и офицеров, чтобы убивать тысячи других людей, – на себе испытает, что значит умирать на войне…

Так оно и случается. Танк беспощадно уничтожает всю комиссию, уничтожает, безошибочно руководствуясь Е-волнами страха: боящихся попасть под снаряд – расстреливает, боящихся попасть под гусеницы – давит. Изобретатель пытается выбраться с острова вплавь, но, на свою беду, мельком думает – достаточно ли далеко он отплыл… и его собственное детище достает его снарядом.

Из прибывших на испытания людей в живых не остается, таким образом, никого.

Проходит какое-то время. Танк стоит на том самом месте, с которого произвел свой последний выстрел, стоит неподвижно. Индейцы с удивлением рассматривают это железное **чудо-юдо**, краснокожие детишки беззаботно играют на его броне и башне…

Готовый к действию в любой момент, танк, тем не менее, замер в неподвижности, потому что на острове его никто не боится…

В 1977 году по рассказу «Полигон» был снят одноименный мультфильм (режиссером Анатолием Петровым), потрясающая анимационная работа.

№6. Аркадий и Борис Стругацкие (братья, один из которых был по профессии редактором и переводчиком с английского и японского языков, а второй – звездным астрономом) создали около полусотни фантастических рассказов, позднее включенных в различные циклы (или вовсе никуда не включенных). Из них я выбрал рассказ Стругацких **«О странствующих и путешествующих»** (написан в 1962 году, опубликован впервые в альманахе «Фантастика-63»). Действие его происходит в так называемом **«Мире Полдня»** – коммунистическом будущем XXII века, когда человечество достигло небывалого технического могущества и обрело возможность мгновенно перемещаться в пространстве; благодаря этому широкое распространение получили исследования Дальнего Космоса.

…Люди XXI века стали замечать странную вещь: один из видов осьминогов (септоподы), обычно обитающих в морях и океанах, вдруг переселился жить в пресноводные озера, и более того – отмечены были многочисленные случаи, когда осьминоги выползали на сушу и даже пытались углубиться в нее как можно дальше! (при этом моллюски набивали свои жаберные мешки мокрыми водорослями – отправляясь на землю, они брали с собой запас воды точно так же, как люди, спускаясь под воду, берут с собой запас воздуха). Некоторым **септоподам** после такой вылазки удавалось вернуться назад, в водную стихию; но многие из них погибали на суше. Ученые никак не могли объяснить необычное поведение животных – оно не укладывалось ни в какие логические рамки. Зачем осьминоги покидали привычную среду обитания и упорно лезли в неведомую, враждебную среду? (Причем все **«путешественники»**, или **«разведчики»**, называйте, как хотите, были крупными, сильными самцами). Появилось предположение, что септоподы, наделенные зачатками разума, пробуют освоить новый мир, новую среду для существования – так, как в свое время это делали первобытные люди; и, как и в случае с людьми, первыми в неизвестное шли здоровые, крепкие мужчины... Для начала ученые решили хотя бы проследить пути миграции септоподов и с этой целью пометить их всех специальными «маячками», которые легко запеленговать. Именно этим и занят главный герой рассказа, биолог и дайвер – он выискивает в озере где-то под Ленинградом септоподов и метит их с помощью пневматического ружья. В перерыве между погружениями биолог знакомится со случайно забредшим в эти места человеком. Это Горбовский, звездолетчик и космический археолог. Завязывается разговор. Биолог объясняет Горбовскому смысл своего занятия, дает послушать, как пищат «маячки» помеченных осьминогов. Тут Горбовский начинает вести себя несколько странно. Сначала он заводит разговор о том, как трудно установить разумность тех или иных существ во Вселенной, и как сложно искать следы их разумной деятельности, поскольку ни о первом, ни о втором люди не имеют сколь-нибудь внятного представления. Еще Горбовский предостерегает, что в случае Контакта с инопланетянами, которые окажутся **«совсем не такими, как мы, и вдобавок неизмеримо выше»**, человечество испытает небывалое унижение и гигантский психологический шок... Далее происходит вот что. Решив послушать музыку, биолог включает радиоприемник, крутит ручку настройки. На волне шесть и восемь сотых метра приемник ловит постоянный мощный сигнал, напоминающий помехи, и, судя по всему, источник сигнала находится где-то неподалеку. **«Это я»**, – неожиданно говорит Горбовский. И рассказывает ошеломленному биологу невероятную историю. Оказывается, некоторое время назад Горбовский с двумя своими друзьями-звездолетчиками побывал в каком-то отдаленном уголке Вселенной, у звезды, возле которой никто из людей еще не бывал. Вернувшись из рейса, все трое с изумлением обнаружили, что «сделались источниками радиоволн с длиной волны шесть и восемьдесят три тысячных» – иными словами, постоянно излучают какие-то непонятные сигналы!

Вы понимаете?

Группа людей на звездолете забралась в неведомые космические дали, их там обнаружил некто разумный и, судя по всему, очень могущественный, и пометил «маячками» – точно так же, как люди на Земле метят странных «путешествующих» осьминогов! Это даже унизительно как-то – люди, полагающие себя венцом развития мыслящей материи, для кого-то неведомого оказались всего-навсего необычными тварями, которые залезли куда-то не туда... Да, многое в нашей жизни зависит от точки отсчета! И на долгие годы мне запомнился крик души главного героя рассказа «О странствующих и путешествующих»: **«Да ведь есть же разница между звездным кораблем и мокрой тиной в жаберном мешке!..»**

№ 7. ...В 7-м номере популярного журнала «Техника – молодежи» за 1974 год я, четырнадцатилетний бакинский паренек, прочитал рассказ советского писателя-фантаста и ученого-физика Дмитрия Де-Спиллера **«Удивительный Игви»**.

...Трое земных космонавтов высаживаются на северном полюсе далекой планеты Игви – лишенной атмосферы, безжалостно обожженной своим солнцем... Люди, само собой, в скафандрах, и вылазка их носит чисто формальный характер – что можно найти на фактически мертвой планете?

...В то же самое время **трое игвианцев** (на планете есть-таки жизнь, и даже разумные ее формы!!!) прибывают на северный полюс своей планеты для неких научных исследований.

Люди и игвианцы крутятся друг возле друга буквально на одном пятачке игвианской поверхности, при этом не подозревая о существовании друг друга и друг с другом не сталкиваясь!

Как это может быть?!

Весь фокус в том, что люди топчутся на **внешней** стороне планеты Игви, а местные жители – на **внутренней** ее стороне! Так уж устроены игвианцы: место их обитания – твердь земная, вернее, игвианская, в тверди они чувствуют себя вольготно, а вот внешний вакуум для них столь же неприступен, как для землян – гранит.

Земляне же, естественно, наоборот: в вакууме они передвигаться и работать способны, а в тверди игвианской – нет.

По сути это – своеобразные антиподы, и они относительно друг друга – **«кверху ногами»**, только по обе стороны не планеты, а ее коры... Тонкой коры, напоминающей запыленное, мутное стекло.

Все ж и люди, и игвиане некоторым образом замечают друг друга. Три блинообразные опоры земного космического корабля, стоящего на поверхности Игви, игвианцам изнутри видятся тремя темными кругами; подошвы сапог землян, шагающих по Игви, игвианцам изнутри видятся небольшими овальными темными пятнами, резво передвигающимися по поверхности; когда же один из изумленных игвианцев пытается загарпунить загадочное двигающееся пятно, один из земных космонавтов чувствует сильный удар в пятку откуда-то снизу, отдергивает ногу, а потом видит высунувшееся из почвы острие гарпуна...

Разделенные границей двух сред – тверди и пустоты – люди и игвианцы живут каждый в своей среде, не имея возможности **«побывать друг у друга в гостях»**, это физически невозможно.

Игвианцы – светящиеся пульсирующие амебы, обитающие в твердых недрах родной планеты – отбывают с полюса к себе домой; люди улетают на своем космическом корабле на Землю; и те, и другие уносят в своей памяти удивительные события, свидетелями и участниками которых они были...

Спросите: почему я так высоко оцениваю этот рассказ?

Потому что я люблю **настоящую** фантастику.

Мне претит, когда фантасты описывают землеподобные миры, населенные подобиями земных животных и растений и человекообразными разумными существами.

Иногда это оправдано, но в большинстве случаев свидетельствует о недостатке воображения. Но я ведь любитель фантастики, я хочу видеть то, чего нет и не может быть у нас, на Земле, иначе к чему покидать родную планету и уноситься в Космос – чтобы увидеть там то же самое?! Поэтому я так люблю необыкновенные миры, созданные могучим воображением настоящих мастеров фантастики – Станислава Лема, Хола Клемента, Артура Кларка… Солярис, сплошь покрытый Мыслящим Океаном; планета, сплюснутая наподобие детского волчка; мир, скрученный лентой Мёбиуса... Здесь есть, чему поразиться, тут есть, над чем поразмыслить, тут можно восхититься воображению авторов, описывающих реалии невероятных миров!

Замечу, что прочие рассказы Дмитрия Де-Спиллера тоже произвели на меня впечатление, но не такое сильное, как «Удивительный Игви». В общем-то, я не числю этого автора в своих любимчиках и прекрасно вижу его недостатки; но в редких случаях удачная идея рассказа захватывает меня больше, чем его литературная составляющая. Это – как раз тот самый случай.

P. S. Слово **«игви»**, вернее, **«игвы»** я потом встретил в андреевской «Розе мира». Кажется, это были какие-то сущности, населяющие подземный мир…

№ 8. Советский писатель-фантаст Анатолий Днепров (Мицкевич); о нем в 60-е писали – **«кандидат физико-математических наук»**; но мало кто знал, что во время Второй мировой войны будущий ученый и писатель-фантаст был разведчиком и, как Штирлиц, под **«легендой»** работал в ставке Роммеля… Но после войны да – стал ученым и фантастом и написал множество рассказов и повестей. Большинство из них носит ярко выраженный антифашистский и антиимпериалистический характер и по сегодняшним меркам они могут быть отнесены к так называемым **«агиткам»**… Пусть так, но эти «агитки» (правильнее было бы назвать их **памфлетами**) выполнены на высоком уровне: крепкий сюжет, яркие образы, незамысловатая, но действенная мораль, а главное – необыкновенные идеи! Так, о самовоспроизводящихся машинах, о роботе «без тормозов», о клонировании человека я впервые узнал из рассказов Днепрова «Крабы идут по острову», «Суэма», «Ферма Станлю», «Трагедия на улице Парадиз»…

Из богатого творческого наследия Анатолия Днепрова я выбрал рассказ **«Когда задают вопросы»**.

Действие его происходит в Москве, в первые годы после Великой Отечественной войны. Несколько друзей-физиков, вернувшихся с фронта с ранениями и наградами, собираются на традиционный «капустник», на котором обсуждают дальнейшую судьбу науки. Мнения расходятся. Кто-то считает, что ничего нового в науке открыть уже нельзя, останется лишь «дочищать» открытое. Кто-то считает, что открытия возможны, но их способны совершить «незашоренные» умы, не боящиеся задавать себе самые неожиданные вопросы и вести научный поиск **«методом тыка»**.

В пылу спора друзья вспоминают о своем однокашнике Алике Монине – как раз таком человеке, который любит неожиданные вопросы; Монин занялся биофизикой и работает теперь в госпитале. Друзья решают навестить Алика Монина прямо на его рабочем месте, и там поздней ночью (биофизик в этот день дежурит) разговор продолжается. Выясняется, что Монина интересует проблема амнезии, то есть полной или частичной потери памяти. Своим слегка поддатым друзьям Монин демонстрирует работу электроэнцефалографа: поочередно надевает на их головы электроды и включает аппарат (**«снимает биотоки»**). Перья самописцев чертят на ленте характерные кривые, присущие здоровым, но пьяным взрослым людям…

Монина занимает вопрос: где же хранится человеческая память? Можно ли считать данные электроэнцефалографа подлинными «биотоками мозга», ведь между электродами и непосредственно мозгом располагаются черепная коробка, мускуль-

ный слой, кожный и волосяной покровы?.. Друзья много и умно спорят по этому поводу… но под конец вечеринки Монин выкидывает странный номер. Он снимает со шкафа человеческий череп, укрепляет на нем электроды и врубает электроэнцефалограф.

Далее по тексту: **«Восемь перьев, все одновременно, пронзительно взвизгнули и заплясали на бумаге. Как загипнотизированные, мы смотрели в насмешливые пустые глазницы. А прибор продолжал торопливо и взволнованно выписывать лихорадочную кривую биотоков бодрствующего человека.**

– Вот так, – назидательно сказал Монин».

И финал:

«Когда, наконец, мы вышли из ворот и остановились, чтобы передохнуть, наш членкор Федя Егорьев сказал:

– Наводки. Конечно, наводки от сетевого тока…

С этой удобной, успокоительной мыслью мы разъехались по домам».

Почему я счел рассказ Анатолия Днепрова «Когда задают вопросы» достойным включения в Топ-10?

Очень просто. Я люблю в советской фантастике многое. В том числе люблю советскую фантастику за содержащуюся в ней **науку**. Отталкиваясь от имеющихся знаний, советская фантастика умела будить или, по меньшей мере, будоражить мысль. Обыгрывая название днепровского рассказа, читатель советской фантастики часто задавал вопросы…

А настоящая фантастика существует, помимо всего прочего, и ради этого тоже.

№ 9. В 1972 году популярный советский журнал «Техника – молодежи» проводил международный конкурс фантастических рассказов «71 – РОБОТ – 72». Лучшим был признан рассказ **«Сторожевой пес Корпорации»** молодого писателя-фантаста из Донецка Виталия Забирко.

Мне тогда было 12 лет. Рассказ продрал меня до самых печенок и по сей день там, в печенках, и пребывает.

Вот о чем в нем говорится. Некто, по имени Барт (судя по всему, гражданин одного из капиталистических государств) потерпел кораблекрушение, и после недельного болтания по волнам его шлюпку прибило к какому-то островку, затерянному в океане. Барт был один.

Поначалу он решил, что ему невероятно повезло. Остров был буквально завален разнообразными консервными банками – с мясом, рыбой, фруктами, соками, молоком… Консервы вовсе не были просроченными или непригодными – просто Объединенная Консервная Корпорация сваливала на этот островок излишки своей продукции, дабы поддерживать на нее, продукцию, установленные цены. Груды консервных банок периодически доставлял сюда и сбрасывал летающий беспилотный контейнер.

Возблагодарив судьбу, Барт решил было подкрепиться… но не тут-то было. Оказалось, что он на острове не один. Тут пребывал еще и **симбионт** – бывший человек, в которого вживили так называемый **«эволюционный ящик»**; теперь это существо не ело, не пило и не спало, подзаряжалось от солнца и непрерывно, словно заведенное, обходило островок. Из всей одежды на нем лишь набедренная повязка и крепкие полусапожки. Вообще-то симбионты строго-настрого запрещены законом, но тут закон преступно обошли, а несчастного бывшего бродягу или пьяницу простонапросто насильно сделали получеловеком-полумашиной. Так вот, при каждой попытке Барта завладеть какой-нибудь банкой симбионт подскакивал и вышибал ее ударом ноги из рук потерпевшего кораблекрушение. Барт пробовал разжалобить симбионта, но тщетно – тот не знал жалости и вообще каких-либо эмоций. Барт в от-

чаянии дошел до того, что пытался подкупить симбионта – но зачем симбионту деньги?.. Получеловек-полумашина знал лишь одно: его задание – не позволять никому пользоваться валяющимся тут добром. Такова его программа – программа Сторожевого пса Корпорации, и симбионт тупо ее придерживался…

И Барт понял, что ему предстоит умереть от голода и жажды – умереть тут, посреди невероятного изобилия еды и питья. Нелепость. Глупость. Идиотизм. Но это так.

Тогда, собрав последние силы, Барт заманивает симбионта к краю пропасти и завязывает с ним схватку из-за банки консервов. Человеку удается столкнуть симбионта вниз, и симбионт разбивается вдребезги.

…Утолив жажду и голод, Барт решает спуститься вниз. Там он видит мертвого Сторожевого пса; от удара из человеческой плоти вылетели все технологические составляющие. Внимание Барта привлекли крепкие полусапожки; стащив их с ног мертвеца, Барт решил осмотреть поближе «эволюционный ящик» – он никогда не видел раньше такой техники. Взяв в руки этот небольшой металлический диск с присосками на одной стороне, Барт и не понял, как «эволюционный ящик», влекомый человеческим биополем, присосался к его собственному животу…

…и Барт стал следующим Сторожевым псом Корпорации.

Теперь его удел – безостановочно обходить остров и, при случае, не давать ни одной живой душе воспользоваться сваленными тут консервированными продуктами.

Нелепость. Глупость. Идиотизм. Но это так…

Так и хочется задать слегка перефразированный вопрос из фильма «Игрушка»: кто большее чудовище – бездушный симбионт, выбивающий еду из рук умирающего от голода человека, или те, кто решил завалить остров пригодными еще продуктами питания, вместо того, чтобы раздать их людям, да еще и приставить такого Сторожевого пса?

Фантастический прием позволил автору продемонстрировать принцип «собаки на сене», возведенный в абсолют. И доведенный до абсурда.

Однако, как показывает жизнь, подобный абсурд встречается сплошь и рядом.

Излишек урожая кофе или кукурузы, сжигаемый в паровозных топках; излишек молока, выливаемого в реку или просто на землю; наконец, несанкционные продукты, раздавливаемые паровым катком…

Этим можно было бы накормить уйму голодающих. Но продукты уничтожались и уничтожаются. И все ведь законно – в рамках закона, по которому действуют Корпорации…

«Сторожевой пес Корпорации» – потрясающая притча; она напоминает мне **«белый карлик»** (нейтронную звезду), небольшого радиуса звезды с чрезвычайно высокой плотностью; так и здесь – в небольшом по объему рассказе спрессованы глубокий смысл, высокая трагедия, философия иррациональности…

№10. Илья Иосифович Варшавский (1908 – 1974). Как о нем писали – **«инженер-конструктор, в прошлом моряк»**.

Но кем только ему не приходилось работать – в том числе и на ленинградском радио… Богатейшая биография! Моим ровесникам не нужно объяснять, кем был в советской фантастике Илья Варшавский.

Великий Мастер короткого рассказа, умевший быть как веселым, так и серьезным. Его сравнивали с О. Генри. Станислав Лем, если не ошибаюсь, прочитал папочку с рассказами Варшавского и удивился тому, как **«в этой папочке уместилась вся американская фантастика»**…

Повторяю, среди рассказов Ильи Иосифовича – много веселых, даже смешных, да таких, что просто животики надорвешь… Но мой выбор пал на один из «серьезных» его рассказов, **«Побег»** (альманах «Фантастика-1968»).

Действие происходит на другой планете, населенной такими же людьми, как и мы.

Концентрационный лагерь; главный герой – некто Арп Зисто, пожизненно заключенный, пашущий в каменном карьере, начинает кашлять кровью. Лагерные медики безжалостно направляют его на хлопковые поля, где больные зэки долго не живут… Накануне отправки к Арпу Зисто обращается кто-то из лагерного подполья с предложением устроить побег. Арп колеблется: пойманного беглеца ожидает мучительная казнь. Но терять ему, по ходу, нечего, и бедолага соглашается.

Арпа тайком вывозят из концлагеря в грузовике, под грудой мусора. В этой же машине – еще беглянка, девушка по имени Жетта, с нашитой на рукаве зеленой звездой (знак низшей расы).

Те, кто устроил заключенным побег, объясняют: спасенных вывезут на свободную территорию, отвоеванную у джунглей и не подвластную правящему фашистскому режиму. Здесь они смогут обзавестись жилищем, семьей, здесь они будут свободны, но – придется поработать, ибо колония свободных живет собственным трудом. Придется поработать, ну да ничего – это ж все-таки не концлагерь, где изнуряют непосильным трудом…

Арп Зисто и Жетта решают создать семейный союз и вливаются в работу колонии.

Каждое утро обитатели свободной территории с радостью выходят на работу; их задача – собрать как можно больше чудесных белых цветов и сносить их к подножию Столпа Свободы – высокой башни, светящейся всеми цветами радуги. Люди работают увлеченно, с энтузиазмом, устраивая азартные соревнования – кто больше соберет белых цветов. К вечеру колонисты разжигают костры и устраиваются на отдых, и жарят на кострах шашлыки, нанизывая на прутья большие куски мяса. Потом засыпают – прямо под открытым небом. С тем, чтобы утром вновь с охотой взяться за работу…

Концовка рассказа – будто тебя сильно хлестнули по лицу мокрым полотенцем, скрученным в жгут.

Никакая это не свободная территория. Это и есть те самые страшные хлопковые поля, на которые ссылают больных заключенных из концлагеря. Но чтобы использовать рабский труд максимально выгодно, режим применяет хитрость, граничащую с подлостью. Больным зэкам устраивают ложный побег и вывозят в **«свободную зону»**. Столп Свободы – это башня с гипноизлучателем. Невидимые волны внушают работягам, что они совершенно свободны, что труд им в радость, что надо собрать побольше белых цветов… И загипнотизированные узники вкалывают от души, собирая хлопок, и по вечерам жарят на костре большие куски брюквы, принимая ее за мясо… Все они скоро умрут, но не осознают этого. Они счастливы оттого, что ощущают себя свободными…

В беседах между собой руководство «колонии» на все лады расхваливает затею с пси-полем, которое может внушить человеку что угодно. Лишь одна женщина из руководства возражает – тут действует не столько пси-поле, сколько ощущение свободы, завоеванной дорогой ценой…

Я считаю, что Илья Варшавский с удивительной точностью предвидел, как поступят с большинством из нас в середине и конце 80-х. Сначала нам внушили, что мы все – в огромном концентрационном лагере, приговоренные к пожизненному заключению. Потом нам предложили побег – из одной общественно-экономической формации в другую. При этом уверяли, что теперь каждый будет свободен по-настоящему, но придется поработать, ибо в новых условиях не место бездельникам и лодырям, хочешь жить – приложи к этому настоящее старание, и будет тебе дом, семья, добрый результат трудов твоих, ведь это же, в конце концов, не прежний концлагерь!

Но как знать – одурманенные пси-волнами Столпа Свободы, не собирают ли люди хлопок для чьей-то выгоды, и не жарят ли на кострах брюкву, принимая ее за мясо?

И не опьянены ли люди ощущением свободы, доставшейся столь дорогой ценой, не опьянены ли настолько, чтобы не понимать – жить им остается все меньше и меньше?.. И что побег был ложным?

Ну, вот и все рассказы, попавшие **в десятку**. В мою личную десятку.

Я хотел бы мысленно извиниться перед другими советскими писателями-фантастами периода 60-х – 70-х: Ефремовым, Гуревичем, Савченко, Громовой, Журавлевой, Биленкиным, Войскунским и Лукодьяновым, Григорьевым, Павловым, Казанцевым, Гором, Зубковым и Муслиным, Велтистовым, Альтовым, Мелентьевым, Жемайтисом, Александром и Сергеем Абрамовым, Ларионовой, Мартыновым, Шефнером, Ломмом и другими…

Все перечисленные авторы написали множество прекрасных рассказов, достойных восхваления и восхищения, но личная Топ-десятка – понятие сугубо субъективное. Но я вас не забыл, любимые авторы моего детства, юности и молодости моей! Придет время – я расскажу и о вас, и о вашем творчестве. Вы могли сказать – и сказали – многое, очень многое. Создав целую Вселенную советской фантастики, вы сумели, тем не менее, остаться каждый неповторимой индивидуальностью.

Честь вам и хвала!

БЕЛЫЕ ПАРУСА ПРОТИВ ЧЕРНОГО ПАРУСА

1. …Немногим более семидесяти лет назад, в те времена, когда подходила к концу вторая мировая война, произошло вот что. Маленький мальчик, живший в небольшом североуральском городке, полез в тумбочку за бумагой для растопки печи. И случайно нашёл там потрёпанную книжку. Это был «Остров сокровищ» Стивенсона. И в душе ребёнка навечно поселились Море, Паруса, Приключения...

Потом были другие книжки о плаваниях, путешествиях, географических открытиях. Вместе с братом мальчик начал играть в необычную игру: они вырезали из бумаги маленькую каравеллу, вешали на стену карту полушарий, включали настольную лампу... Старший брат держал каравеллу в вытянутой руке и медленно двигал ею; тень корабля скользила по синей краске морей и океанов, и вслед за тенью следовала безудержная детская фантазия. Она населяла синие пучины всякими чудовищами, создавала сказочные острова с невиданными растениями, животными, народами, придумывала невероятные приключения, схватки с пиратами и фашистами...

А потом младший брат вырос. И стал знаменитым детским писателем и блестящим педагогом. Более двухсот его книг неоднократно издавались и переиздавались в бывшем Советском Союзе, ряде европейских стран, Японии, переводились на английский, испанский, персидский и другие языки. Он стал лауреатом многих престижных премий, в том числе премии Ленинского комсомола, премии имени Александра Грина, премии имени Аркадия Гайдара, имени Мамина-Сибиряка, премий «Аэлита», «Зиланткон», «Большой Роскон», он был удостоен ордена Рыцарей фантастики… В 2014-ом ему была вручена Премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества…

Владислав Петрович Крапивин.

Великолепный писатель и поэт, чьи книги, в том числе и сказки, и фантастика, с самого детства вошли в нашу жизнь и оказали на нас существенное влияние, а стихи, ставшие песнями, и посейчас звучат в исполнении бардов; видный общественный деятель и педагог, создавший в 1961 году в Свердловске пионерский отряд «Каравелла», в котором мальчишки и девчонки занимались спортом и творчеством, изучали основы журналистики и морского дела, своими руками строили всамделишные, хоть и небольшие, парусные суда и, что самое главное, – постигали в коллективе такие понятия, как Честь, Отвага, Дружба, Взаимовыручка, Ответственность... Он – и фехтовальщик, и яхтсмен; шпага стала для Владислава Крапивина не только спортивным оружием, но и неким символом, как в старину, рыцарской доблести, а паруса так прочно вошли в его жизнь, что писатель основал в самом сердце Уральских гор настоящий яхт-клуб. Редко в какой крапивинской книге не встретишь Шпаги и Паруса... И юные воспитанники (и не только они) не зря прозвали Владислава Крапивина Командором; ведь он – и Гражданин, непримиримый борец с подлецами и злобными дураками, вступающий против равнодушия, несправедливости и зла, угрожающих в первую очередь детям...

Много, очень много дано было этому Человеку.

Не желая впадать в восторженное преувеличение и заявлять: «Владислава Крапивина знают буквально все», я скажу (и это будет весьма справедливо): его знают очень-очень многие. В нашем родном Баку столько поклонников Владислава Крапивина! Впрочем, это неудивительно. Так и должно быть.

И вот этого человека – не стало…

2. В фантастической повести «Лоцман» (хроника неудавшегося путешествия) писатель вывел символ Смерти – виндсерфер (доску для катания по волнам) под черным парусом; на него становятся, чтобы уплыть в Небытие. Ранним утром 1 сентября 2020 года Владислав Петрович Крапивин вышел в Океан Вечности уже не на парусной яхте, как он любил, а на черном виндсерфере…

3. Пару лет назад я написал небольшую вещицу под названием «Командор: начало начал». Вот отрывок из него:

«…В мае 1973-го для меня «начался» Владислав Петрович Крапивин. Всерьез и надолго. Можно сказать, навсегда. С опубликованной в журнале «Пионер» повести «Всадники со станции Роса».

Мне никогда не хотелось вступать в бесплодные дискуссии с теми, кто по ограниченности своей видит в этой вещи обычную «пионерскую» повесть. Ведь на самом деле она – о сложных взаимоотношениях мальчишки и окружающего его мира взрослых людей. О пацане, характер которого не позволяет ему смиряться с подлостью и несправедливостью, исходящими как от взрослых, так и от сверстников. О людях, которые приходят на помощь в нужную минуту. И – о Чуде. То есть о вполне материальной цепочке причин и следствий, приводящих к тому, что Чудо, в которое ты долго и сильно веришь, обязательно случается…

Тогда, по малолетству, я принимал это за художественный образ и некоторую литературную натяжку. Став взрослым и пожилым, могу засвидетельствовать: чудеса на свете бывают!

Меня до глубины души поразил язык повести. Я и не подозревал, что мир можно описывать так точно, ярко, убедительно. Все-таки язык – великая вещь, а язык Мастера – великая вещь стократ. Уточню, что фамилия Крапивина была мне уже знакома. Двумя годами ранее, в «Пионере» же, я прочитал повесть «Алые перья стрел», написанную Владиславом Петровичем в соавторстве со старшим братом, Сергеем

Крапивиным (*тем самым, который придумал игру в «тень каравеллы»* – (**А. Х.**). «Перья» мне тоже понравились, но настоящее знакомство с Командором началось все же с «Всадников...»

4. А еще я написал в прошлом году «Мое второе открытие Командора»:

«Это случилось весенней порой 79-го, когда стылая украинская степь понемногу теплела, пробуждалась к жизни... Я проходил срочную в тех краях, где когда-то жили запорожские казаки, служил в войсках Противовоздушной обороны. Из-за полученной травмы ноги командование перевело меня из номера стартового расчета на станцию радиорелейной связи. Проще говоря, я временно сменил беготню и суету вокруг зенитных ракет, будучи облаченным в костюм противохимической защиты и с противогазом на потной физиономии – на долгие часы сидения в тесном фургоне, отвечая за сеансы радиорелейной связи и коммутатор. Казалось бы, работа – не бей лежачего, но это лишь на первый взгляд. Ибо требовалось неусыпное бдение в ходе всей смены, восьми или двенадцати часов. Не спать, проще говоря. И я не спал. На помощь мне приходило чтение. И одна из книг, попавших тогда в мои руки, сильно повлияла на ум мой, на сердце и на душу. Это был альманах «Фантастика-63» (я – любитель фантастики буквально с младенчества). Помимо прочих повестей и рассказов была там повесть свердловского писателя Владислава Крапивина «Я иду встречать брата»...

Знакомый с творчеством писателя в основном благодаря журналу «Пионер», я и представить себе не мог, что Крапивин пишет еще и фантастику!

...После прочтения повести «Я иду встречать брата» мне показалось, будто внутри меня взорвался артиллерийский снаряд. Я был сражен наповал. И подумал тогда: если б Александр Грин вдруг решил написать свою «Туманность Андромеды» – получилось бы именно это!

С той самой поры и началась моя беззаветная любовь к Владиславу Крапивину. Это действительно любовь, в наилучшем из своих смыслов, – когда твоя душа попадает в полный унисон с душой другого человека, когда он высказал то же самое, что ты хотел высказать, но не сумел, когда его волнуют те же вопросы, что и тебя, когда вы дышите одним воздухом и подзаряжаетесь от одного солнца, и пьете воду из одного и того же источника...

Уже потом, уволившись в запас, я раздобыл домашний адрес Владислава Петровича Крапивина и вступил с ним в оживленную переписку (знаете, он всегда находил время, несмотря на кошмарную занятость, чтобы ответить мне, совершенно незнакомому человеку из далекого Баку!). Уже потом, ставши студентом, я методически принялся доставать и читать в библиотеках все, что написал Крапивин, и открыл для себя целую Вселенную Крапивина, со сказками и фантастикой. Уже потом он регулярно присылал мне по почте свои книжные новинки с авторскими подписями. Позднее я дважды посетил Свердловск и побывал в гостях у Крапивина и в руководимом им детском отряде «Каравелла», и ходил с «каравелловцами» на яхтах, и понял, что такое паруса и шпаги, и почему Владислава Петровича почтительно называют Командором, и посетил редакцию замечательного журнала «Уральский следопыт»...

Но все это случилось потом, потом. А тогда, весной 79-го, я сидел с раскрытым альманахом на хэбэшных коленях, незряче и бездумно смотрел куда-то вдаль, в степь, и шевелил губами. Я только что открыл для себя неизвестного ранее Крапивина... Было мне в ту пору девятнадцать. И мир вокруг меня и внутри меня сделался другим, повернулся какой-то ярчайшей, волшебной гранью...»

...

5. Да, мне выпала огромная, без преувеличения, честь быть лично знакомым с Владиславом Петровичем. Я дважды посетил Свердловск в начале 90-х годов, был

в гостях у Командора и даже жил несколько дней в «Каравелле», наблюдая за жизнью отряда как бы изнутри. Вместе с детворой сидел за партами штурманского класса, бесился в спортзале, пел под гитару в кают-компании. Ходил под парусами... Я подружился тогда со многими мальчишками и девчонками, и мы потом долгое время переписывались. Могу засвидетельствовать: «Каравелла» не была формальным пионерским объединением, созданным и существующим ради «галочки» в отчете, нет. В отряде постоянно бурлила жизнь, это был клуб, в котором детям было по-настоящему интересно. Я видел, как ребятня азартно фехтовала (под присмотром тренеров, конечно), как шумно и деятельно занималась творчеством, рисуя и сочиняя рассказы и статьи (которые перепечатывались на расхлябанной, но выносливой пишущей машинке, огромной, как пулемет «Максим»), снимая любительские фильмы, ставя спектакли, организовывая карнавалы... Я видел все это и знал, что многие бывшие «каравелловцы» стали довольно известными спортсменами, литераторами, художниками и артистами. Я видел, как взрослые люди, бывшие воспитанниками Командора, приводили записывать в отряд своих детей. Я жил бок о бок с инструкторами отряда – взрослыми парнями, наставниками детворы; одни из инструкторов сами были когда-то «каравелловцами», другие же, прослышав о существовании такого отряда, съехались в Свердловск со всех концов Союза, движимые энтузиазмом... Мне довелось видеть, с каким неподдельным интересом дети читают написанные Командором книги, и как бережно перелистывают взрослые уже наставники старые подшивки журнала «Пионер» с крапивинскими повестями...

И я убедился, насколько Владислав Петрович ЛЮБИМ. И любим искренне, такой любовью, которую весьма и весьма непросто заслужить...

Часто вспоминаю беседы с Командором в его кабинете, в доме на улице Маршала Жукова; попав в него впервые, я долго вертел головой, раскрыв рот от восхищения – большая, скрупулезно выполненная модель парусника, штурвал, морские флаги, старинные карты и лоции, кремневые пистолеты, средневековый глобус, картины на морскую тематику... представляете? Владислав Петрович, несмотря на неимоверную занятость, все же находил время для общения... Он оказался гостеприимным хозяином и очень тонким и умным собеседником. И при всем при том держался очень просто. На какие только темы мы с ним не разговаривали! Командор очень интересовался происходящими в Азербайджане событиями – Карабахской войной, трагедией «черного января» – и лицо его при этом становилось сумрачным. Очень много мы говорили и о его книгах – в частности я, как поклонник фантастики, обсуждал с Владиславом Петровичем его удивительные сказки, светлые, как солнечный луч. И его фантастическую прозу, цикл повестей о Кристаллической Вселенной. О, в фантастических повестях Командора происходят воистину удивительные вещи! Время сворачивается в петли и замыкается в кольцо, различные пространства проникают друг в друга, микромир непостижимым образом оказывается связан с макромиром и наоборот, личность любого ребенка равноценна Галактике, а нескольким ребятишкам удаётся получить в пробирке аж целую звездную туманность, за которой тут же начинают охоту бездушные и недобрые пришельцы из иного мира... О книгах Крапивина можно говорить бесконечно, это не символичное высказывание, а факт. И в центре любой из его историй неизменно оказываются дети и те из взрослых, кто сумел сберечь детство в своей душе.

6. В разгар перестройки, когда крошилась идеология, и круто менялись нравственные ориентиры, я ввязался в спор между Владиславом Петровичем и известным детским писателем и поэтом Эдуардом Успенским. Успенский, рьяный поклонник коммерциализации литературного труда, презрительно назвал крапивинских мальчишек, героев рассказов и повестей, «пионерчиками». Я тогда вспылил и сказал, что многих героев Успенского – того же дядю Федора, например – можно назвать «хо-

зяйчиками», ибо они прагматичны и совсем не романтичны… Конечно, надо было сказать иначе. Надо было сказать, что дети рождаются как «крылатыми», так и «приземленными», и для каждого из них должен быть свой писатель, и негоже поносить друг друга по этому поводу, а надо работать… Но я тогда просто бросился в бой, оскорбившись за Командора. Теперь они оба, и Крапивин, и Успенский – на том свете, и Господь разъяснит им, в чем они были правы, а в чем – заблуждались…

7. Помню еще, как во время гонок на яхтах по Верхне-Исетскому озеру я не удержался и рассказал Крапивину о том, как в начале 80-х я и еще двое моих друзей-бакинцев, не имеющих никаких морских навыков, надумали переплыть Каспий на самодельном катамаране под парусом. Владислав Петрович коротко глянул на меня, потом посмотрел куда-то вверх и явственно пробормотал: «Три мудреца в одном тазу…». Он-то понимал и в парусах, и в морях, и в плаваниях.

8. Я многое мог бы рассказать о Командоре, о его отзывчивости, душевности, непримиримости к Злу в самых различных его проявлениях… но сейчас у меня стоит комок в горле, и подозрительно ноет слева в груди…

Он трудился почти до самых последних своих дней. Помню его высказывание: «Ужасно боюсь звания «пенсионер». Считаю, что я писатель, а не пенсионер. А пока писатель – значит, должен писать».

Еще он говорил: «Сейчас книги детские есть. Но книги и литература – это понятия разные. Книги – это книги. Они стоят на полке, как товар. А литература – это явление».

Еще он говорил: «Что это за идиотские разговоры – мол, компьютер заменит книгу? Ничто книгу никогда не заменит! Книга существует с тех пор, как возникла цивилизация. Специфика книги не может быть воспроизведена ни в каком ином виде искусства, ибо влияние идеи, мысли, энергетики автора на читательский разум может быть передано только словом».

Владислав Петрович интересовался и моим творчеством; в свое время, в конце 80-х, именно при его поддержке я стал публиковаться в журнале «Уральский следопыт». О моем сборнике рассказов «Виннету с Первой Нагорной» Крапивин высказался так: «Мне нравится разнообразие интересов Хакимова… А особенно симпатична его преданность памяти детства. Этот бескорыстный интерес к жизни, это любопытство, стремление как можно больше узнать о мире, это понимание ценности ребячьей дружбы, – то есть, все то, что объединяет детей разных возрастов и поколений»

Эту оценку Мастера я буду всегда носить в своем сердце.

9. У виндсерфера Смерти парус – черный, и он – один… А у книг Крапивина – белые паруса, и их много…

(Баку, 1 сентября 2020)